

**ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ
НАУКИ**

ИНСТИТУТ ФИЛОСОФИИ РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

На правах рукописи

Угрин Иван Михайлович

**Имперская и национальная парадигмы в ракурсе
становления русской гражданской культуры**

23.00.02 – Политические институты, процессы и технологии

Диссертация на соискание ученой степени кандидата политических наук

Научный руководитель – д.ф.н., профессор И. К. Пантин

Москва

2014

Оглавление

ВВЕДЕНИЕ	3
ГЛАВА 1. КАТЕГОРИЯ «ИМПЕРСКОГО» И ФАКТОРЫ ОБРАЗОВАНИЯ РОССИЙСКОГО ИМПЕРСКОГО ГОСУДАРСТВА	15
1.1. Понятие «империя» и антиимперские мифы	15
1.2. Категория «имперского»: философский анализ	20
1.3. Факторы образования российского имперского государства	30
1.4. Последствия отказа от имперской парадигмы развития	43
ГЛАВА 2. К ВОПРОСУ О НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕЕ И РУССКОЙ ГРАЖДАНСКОЙ КУЛЬТУРЕ.	51
2.1. Национальное государство и гражданская культура	53
2.2. Национальная идея как идея имперская (из истории русской мысли)	60
2.3. Феномен имперского сознания	71
2.4. Между правом и правдой: о некоторых особенностях русской гражданской культуры	80
ГЛАВА 3. РОССИЙСКОЕ ГОСУДАРСТВО И РУССКИЙ НАРОД	101
3.1. Самодержавная власть во главе модернизации и вопреки ее сущности	101
3.2. Советский проект и причины его провала	119
3.3. Вопрос о российском государстве в контексте проблемы столкновения цивилизаций	126
3.4. Русский народ: историческое самоузнавание	137
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	144
ЛИТЕРАТУРА	148

Введение

Актуальность темы диссертационного исследования

Понять современность нельзя без обращения к опыту прошлых поколений, даже если этот опыт по каким-то причинам был отвергнут. Крушение советского государства повлекло за собой немало негативных последствий. Среди которых: потеря нравственных ориентиров, разрушение прежней хозяйственной системы (при том что и по прошествии двадцати лет экономика жива во многом за счет ресурсов советского наследия), ослабление геополитических позиций (даже нерешительные попытки восстановления которых вызывает яростный протест западных элит), обострение межэтнических конфликтов и др. Одним из важнейших последствий стала неопределенность относительно модели государственного устройства. До сих пор остается не ясно: какой тип государства перед нами. Советский Союз был государством имперского типа, но его больше нет, а что осталось на развалинах бывшей империи оказалось непонятным даже тем, кто пытался конструировать Российскую Федерацию как нечто принципиально отличное от империи.

Привычная логика говорит, что если мы отрекаемся от имперского прошлого, значит мы строим национальное государство. Но при рассуждениях с опорой на подобную логику, как правило, забывается, что для того, чтобы создать национальное государство недостаточно отринуть имперскость, повесив на нее груз всех прошлых ошибок. Национальное государство – это вполне определенная модель государственного устройства, функционирующая согласно определенным закономерностям, имеющая ряд неотчуждаемых признаков ¹, при отсутствии которых о нации как о чем-то реально существующем говорить не приходится. Для того, чтобы нечто строить, нужно понимать, *что* мы строим.

¹ Два ключевых из них – верховенство права и конструирование идентичности посредством национальной культуры.

Российская государственность находится в неопределенном состоянии. Россия уже, без всякого сомнения, не империя. Но она не является и национальным государством. Россия стоит перед выбором. От этого выбора ей уйти не удастся. Либо она продолжает попытку построения национального государства, несмотря на двадцатилетний опыт и многие объективные обстоятельства, вынуждающие ее отказаться от данного проекта. Либо она возвращается к идее построения государства имперского типа. Но тогда встает вопрос о том, какую империю строить и как возможно строительство империи в XXI веке. Развитие государства предполагает наличие некой стратегии. Отсутствие стратегического мышления и, как следствие, продуманного сценария действий неизбежно ведет в лучшем случае к стагнации, в худшем к деградации.

Присоединение Крыма к России и реакция на это так называемого «международного сообщества» продемонстрировали то, насколько западные политики опасаются усиления российского государства и восстановления единства пространства Русского мира (российской цивилизации). В условиях противоборства со стороны влиятельных международных сил процессу укрепления российской государственности встает вопрос о необходимости выбора такой модели развития, которая обеспечила бы положительную динамику в социально-экономической сфере и одновременно способствовала раскрытию духовно-нравственного потенциала русского народа. Без обращения к непреходящим ценностям русской культуры найти такую модель не представляется возможным. От того, насколько сознательным и продуманным в отношении собственного государства будет позиция российского народа, зависит его будущее и будущее народов, близких ему по духу.

Исследовательская проблема заключается в необходимости определения парадигмы развития российского государства, отвечающей на вызовы современности и соответствующей базовым ценностям русской культуры. Среди таких ценностей можно выделить: ценность справедливости (жизни с

правдой), соборность (преобладание общего блага над частным без нивелирования последнего), мессианизм (интуитивное ощущение определенной исторической миссии, которую призван осуществить русский народ), единство (устроение Мира миров). Утрата ценностных ориентиров, которые задают направление и объясняют смысл социальной и индивидуальной жизни, чревата утратой собственно человеческого, лишает человека перспективы одухотворенного существования, а общество перспективы осмысленной – не формальной – солидаризации.

Цель исследования — изучение имперской и национальной парадигм российской государственности с точки зрения их соответствия особенностям становления русской гражданской культуры.

Для достижения поставленной цели полагается необходимым решение **следующих задач:**

1. Осуществить философский анализ имперской идеи, обнаружить смысловое поле имперских традиций.
2. Описать факторы образования российского имперского государства и причины его краха в момент распада СССР, а также последствия отказа от имперской модели развития.
3. Дать характеристику модели национального государства и проекта его построения в России после событий 1991 года.
4. Выявить особенности становления русской гражданской культуры.
5. Соотнести выявленные особенности (русской гражданской культуры) с имперской и национальной моделями развития государства и сделать вывод о их совместимости.

Степень научной разработанности проблемы

Проблема модели развития российского государства осмысливается с первых моментов зарождения самостоятельной русской мысли. В начале это происходило в рамках религиозного мировоззрения и ум находил источники

разрешения возникавших сомнений в православном учении и предании. С конца XVIII века (первым русским гражданином по праву называют А. Н. Радищева²) и в полной мере лишь с XIX века начинает формироваться самобытная философская мысль, одним из основных вопросов для которой стал вопрос о судьбе России в мире. Поскольку Россия в тот период являлась империей (и монарх носил титул императора), вопрос о ее судьбе одновременно являлся и вопросом об империи. Современное осмысление обозначенной проблемы невозможно без опоры на наследие классиков русской мысли. Среди них следует выделить П. Я. Чаадаева, А. С. Хомякова, И. В. Киреевского, И. С. Аксакова, А. И. Герцена, Н. Г. Чернышевского, Б. Н. Чичерина, Н. К. Михайловского, Ф. М. Достоевского, В. С. Соловьева, Н. Я. Данилевского, К. Н. Леонтьева, В. И. Ленина, Н. А. Бердяева, И. А. Ильина, Н. Н. Алексеева³ и др. Каждый из них (несмотря на различие мировоззрений и политических позиций, в отдельных случаях выливавшихся во вражду) внес свой вклад в развитие российской гражданской культуры, без понимания

² Известность Радищеву принесла книга «Путешествие из Петербурга в Москву», 1790.

³ С точки зрения данного исследования наибольший интерес представляют следующие их работы: Чаадаев П. Я. «Философические письма» (1828-1830), «Апология сумасшедшего» (1837) — Режим доступа: <http://www.vehi.net/chaadaev/index.html> ; Хомяков А. С. «Несколько слов о «Философическом письме»» (1836), «Церковь одна» (1838), «О старом и новом» (1839), — Полное собрание сочинений. — М., Книга по требованию, 2012.; Киреевский И. В. «О характере просвещения Европы и его отношении к просвещению Европы». Духовные основы русской жизни. — М., Институт русской цивилизации, 2007.; Аксаков И. С. «Возврат к народной жизни путем самосознания», «В чем наше историческое назначение?» (1883), «В чем сила России?» (1863) — Режим доступа: http://az.lib.ru/a/aksakow_i_s/; Герцен А. И. Избранные философские произведения: в 2 т. Ин-т философии. — Л., Госполитиздат, 1948.; Чичерин Б. Н. «Опыты по истории русского права» (1858). — Режим доступа: <http://www.archive.org/stream/opytypoistoriir00chicgoog#page/n9/mode/2up>; Михайловский Н. К. Письма о правде и неправде. // Сочинения: В 6 т. Т.4. СПб., 1897; Достоевский Ф. М. «Дневники писателя». Полное собрание сочинений в 30 т. — Ленинград, Наука, 1972-1990.; Соловьев В. С. «Мир Востока и Запада», «Русская идея» (1888), «Национальный вопрос в России» (1888) — Режим доступа: <http://www.vehi.net/soloviev/>; Данилевский Н. Я. «Россия и Европа». М., Институт русской цивилизации, 2008.; Леонтьев К. Н. «Византизм и славянство» (1875). — Режим доступа: <http://knleontiev.narod.ru/texts/vizantizm.htm#a>; Ленин В. И. «О праве наций на самоопределение» (1914), «Государство и революция» (1917). Полное собрание соч., 5 издание. — М., Политиздат, 1965-70.; Бердяев Н.А. «Русская идея», «Судьба России», «Истоки и смысл русского коммунизма». — Режим доступа: <http://www.vehi.net/berdyaev/>; Ильин И. А. Наши задачи (сборник статей 1948-1954). — Режим доступа: <http://apocalypse.orthodoxy.ru/problems/>; Алексеев Н. Н. «Русский народ и государство», «На путях к будущей России», «О гарантийном государстве». Русский народ и государство. — М., «Аграф», 2003.

значения которого представляется затруднительным рассуждение о преобразовании российского государства и общества в новом веке.

Обширный круг литературы представлен современными российскими исследователями имперской модели развития России, среди них: С. С. Аверинцев, С. Н. Гавров, И. В. Волкова, А. Г. Дугин, А. Б. Давидсон, В. К. Кантор, С. И. Каспэ, А. А. Кара-Мурза, В. Л. Махнач, Э. А. Паин, Ю. М. Осипов, В. Н. Шевченко⁴ и др. Следует подчеркнуть, что названные авторы по-разному оценивают имперские традиции, укоренившиеся в русской культуре, но все они признают их наличие и необходимость считаться с ними.

Среди зарубежных ученых, проводивших исследования в русле рассматриваемой проблематики, обращают на себя внимание следующие авторы: Дж. Биллингтон, С. А. Грин, Н. Фергюсон, М. Хардт, А. Негри, Д. Ливен, Э. Лор, А. Эткинд, Р. Г. Суни⁵ и др.

Проблемы национального самосознания и особенности становления русской гражданской культуры отражены в трудах: И. К. Пантина, Ю. А. Левады, И. Б. Орлова, П. А. Рачкова, В. А. Тишкова, А. Г. Глинчиковой, Г. П.

⁴ Аверинцев С. С. Другой Рим: Избранные статьи. — СПб.: Амфора, 2005.; Гавров С. Н. Модернизация во имя империи. Социокультурные аспекты модернизационных процессов в России. — М.: Едиториал УРСС, 2004; Волкова И. В. Становление Российской империи: роль военных структур и военных действий. Имперский вопрос — национальный ответ (сборник научных статей). Издательский дом ГУ ВШЭ, 2008. — С. 147-165; Дугин А. Г. Теория многополярного мира. М.: Евразийское движение, 2012.; Давидсон А. Б. Последствия распада империй. Имперский вопрос — национальный ответ (сборник научных статей). Издательский дом ГУ ВШЭ, 2008. - С. 276-308.; Каспэ С. И. Империя и модернизация: Общая модель и российская специфика. — М., РОССПЭН, 2001; Кара-Мурза А. А. Между «империей» и «смутой»: Избр. соц.-филос. публицистика. — М., ИФ РАН, 1996.; Махнач В. Л. Империи в мировой истории. Русский Архипелаг. 1995; Паин Э. А. Между империей и нацией: Модернистский проект и его традиционалистская альтернатива в национальной политике России. — М., Фонд «Либеральная миссия», 2003; Осипов Ю. М. Империя Россия. — М., МГУ, 2005.; Российское государство: опыт философского прочтения (коллектив авторов). Отв. ред. В.Н. Шевченко. — М., Прогресс-Традиция, 2012.

⁵ Биллингтон Дж. Россия в поисках себя. — М.: РОССПЭН, 2005.; Грин Самюэль А. Государство и общественный суверенитет. Pro et contra. № 1 (31). 2006. — с. 25-40; Ferguson N. Empire: The Rise and Demise of the British World Order and the Lessons for Global Power. Basic Books, 2004.; Хардт М., Негри А. Империя. — М., Праксис, 2004.; Lieven, Dominic. Empire. The Russian Empire and Its Rivals. Yale Nota Bene. — New Haven a. London: Yale Univ. Press, 2002.; Lohr, Eric. Nationalizing the Russian Empire: the campaign against enemy aliens during World War I. — Cambridge/Mass. a. London: Harvard Univ. Press, 2003.; Эткинд А. Внутренняя колонизация. Имперский опыт России. — М.: Новое литературное обозрение, 2013.; Суни Р.Г. Империя как она есть: имперский период в истории России, «национальная идентичность» и теории империи // Национализм в мировой истории / под ред. В.А. Тишкова, В.А. Шнирельмана. М., 2007.

Федотова, Ю. А. Красина, В. И. Пантина, И. С. Семенов, Ю. И. Дроздова, С. И. Илларионова, О. Ю. Матвейчева и др⁶. Отдельно стоит отметить авторов, исследования которых оказались полезными с точки зрения изучения вопроса о российской цивилизации: С. Г. Кара-Мурза, А. Л. Казин, С. Е. Кургинян, В. М. Межуев, О. А. Жукова, С. Хантингтон, Э. Я. Баталов, А. А. Зиновьев и др⁷.

Достаточно большое количество научной литературы посвящено темам, сопряженным с темой настоящего исследования. Трудность исследования заключается в том, что такие ключевые понятия как «империя» и «нация» имеют различные интерпретации вплоть до противоположных, исключающих друг друга. Империи и нации — исторические явления, и, как всякое значимое историческое явление, они дают богатый материал для последовательных концептуализаций, а иногда и теоретических спекуляций. В целом поднимаемые проблемы вызывают большой научный интерес, что свидетельствует о важности их решения как в практическом, так и в теоретическом отношениях, и одновременно о том, что решение, снимающее все противоречия, еще не найдено.

⁶ Пантин И. К. Судьбы демократии в России. — М., ИФ РАН, 2004.; Левада Ю. А. От мнений к пониманию. Социологические очерки 1993-2000. — М., Московская школа политических исследований, 2000.; Орлов И. Б. Политическая культура России XX века. — М., Аспект Пресс, 2008.; Рачков П. А. «Правда - справедливость» // Вестник Московского университета. Серия 7. Философия. №1. 1996. — С. 14-33.; Тишков В. А. О нации и национализме. Свободная мысль. № 3, Москва, Издательство «Пресса», 1996. С. 30-39.; Глинчикова А. Г. Россия и Европа: два пути модернизации (сравнительно-политологическое исследование). Диссертация доктора политических наук. М., 2003.; Федотов Г. П. Судьба и грехи России (в 2-х т.). — СПб., София, 1991-1992; Красин Ю. А. Национальные интересы: миф или реальность? Свободная мысль. № 3, Москва, Издательство «Пресса», 1996. С. 3-13.; Пантин В.И., Семенов И.С. Проблемы идентичности и российская модернизация. В сб. Будущее России. — М., 2000; Дроздов Ю. И., Илларионов С. И. Куда мы держим курс? — М., Издательство ООО «Артстиль-полиграфия», 2009; Матвейчев О. А. Гражданское общество и государство. Модели взаимоотношений. // Логос № 3 (48). 2005. — С. 124-134.

⁷ Кара-Мурза С. Г. Советская цивилизация. — М., Эксмо, 2008; Казин А. Л. Последнее царство (Русская православная цивилизация). — СПб.: Изд-во Спасо-Преображенского Валаамского монастыря, 1998.; Кургинян С. Е. Исав и Иаков. Судьба развития в России и мире: в 2-х томах. - М.: МОФ ЭТЦ, 2009.; Межуев В. М. «Русская идея» и цивилизационные особенности Русского мира // Русский мир как цивилизационное пространство. — М., ИФ РАН, 2011; Жукова О. А. Русская культура как основа национально-исторического бытия России // Русский мир как цивилизационное пространство. — М., ИФ РАН, 2011; Хантингтон С. «Столкновение цивилизаций?». Полис. 1994. № 1.; Баталов Э.Я. Русская идея и американская мечта. М., Прогресс-традиция, 2009.; Зиновьев А. А. На пути к сверхобществу. 2000. Режим доступа: <http://www.zinoviev.ru/rus/textsverch.pdf>.

Теоретико-методологические основания исследования

Автор диссертации в целом солидаризируется с концепцией «русской идеи», предложенной выдающимся русским философом Н. А. Бердяевым в своей известной работе⁸, хотя не склонен интерпретировать ее в сугубо религиозном контексте. «Русская идея», представавшая в разных формах и не нашедшая окончательную форму для своего выражения, составляет одно из магистральных направлений русской мысли, в особенности же русской социальной мысли.

Русская идея - идея устройства «царства правды» на земле. Она находит свое отражение в работах Н. Н. Алексеева, который формулирует концепцию «государства правды»⁹. Категория «правды»¹⁰ как одной из ключевых ценностей русской культуры задает общее направление исследовательской работы применительно к анализу особенностей становления гражданского общества в России и того идеала государственной жизни, который разделялся (порой лишь на интуитивном уровне) многими отечественными интеллектуалами и представителями разных слоев русского народа. Само гражданское общество понимается как совокупность граждан, для которых участие в политической жизни становится делом во имя общего блага. Это понимание совпадает с определением гражданского общества, которое дает И. К. Пантин¹¹.

В качестве теоретических оснований для описания таких явлений, как «нация» и «национальное государство», взята концепция, отраженная в трудах

⁸ Речь идет о работе Н. А. Бердяева «Русская идея: основные проблемы русской мысли XIX века и начала XX века». — Режим доступа: <http://philologos.narod.ru/berdyaev/berd-rusidea.htm>

⁹ См. Алексеев Н. Н. Русский народ и государство. — М., «Аграф», 2003.

¹⁰ О множестве смыслов понятия «правда» см. Михайловский Н. К. Письма о правде и неправде. // Сочинения: В 6 т. Т.4. СПб., 1897.

¹¹ Пантин И. К. Интервью журналу «Полис». 2013. Режим доступа: http://www.civisbook.ru/index.php?page_id=204&ret=212). Также см. Пантин И. К. Проблемы и противоречия становления демократии в России. Демократия и суверенитет: многообразие исторического опыта. — М., Идея-Пресс, 2010.

Э. Геллнера¹². Особое внимание в диссертации уделяется проблемам национальной культуры.

С точки зрения методологии анализа российской государственности в ее философско-историческом измерении данное исследование опирается на работы В. Н. Шевченко¹³.

Среди конкретных методов исследования можно назвать: исторический, компаративистский, антропологический, нормативно-ценностный и др.

Научная новизна работы

Во-первых, автором проанализированы философские основания имперской идеи, а также выявлены и четко показаны мифы, сложившиеся вокруг понятия империи. Это позволило объяснить процесс образования имперских государств с позиции исторической целесообразности.

Во-вторых, сама проблематика «имперского» рассматривается под новым углом зрения, в ракурсе отношений «имперское государство – гражданское общество». При этом гражданское общество не противопоставляется имперскому государству, но обнаруживается их взаимосвязь и взаимопроникновение.

В-третьих, впервые поставлен вопрос о модели государственного устройства, отличной как от государства национального, так и традиционно-имперского. В диссертации речь идет об империи нового типа, но сам термин «империя» используется в данном случае условно, для того, чтобы показать схожие черты между идеей будущего государства и имперской идеей (но не в качестве идеализации ушедших со сцены истории политических образований).

В-четвертых, исследован вопрос о российской цивилизации. Сделан вывод о том, что процесс становления российской цивилизации не завершен, однако своеобразие ценностей русской культуры, их несводимость к ценностям других

¹² Геллнер Э. Нации и национализм. — М., Прогресс, 1991.

¹³ См., например, Шевченко В. Н. К методологии жизнеспособности российского государства // Российское государство: опыт философского прочтения (коллектив авторов). — М.: Прогресс-Традиция, 2012.

метакультур, позволяет предположить, что он будет завершен (при условии сознательного выбора в пользу традиций русской культуры).

Положения, выносимые на защиту

1. Имперская идея не противоречит идеи гражданственности. Имперский принцип власти — принцип организации *на универсальных принципах* больших пространств, населенных народами с различной культурой. Одна из функций имперского государства — защита цивилизации (культурно-исторического своеобразия региона). В условиях глобализационных процессов государству иного типа справиться с этой функцией практически не под силу.

2. Формирование имперской модели развития российского государства было обусловлено множеством объективных факторов, игнорирование которых привело бы к несостоятельности государства в качестве института власти и его неспособности противостоять внешним врагам. В свою очередь отказ от имперской парадигмы развития породил внутри российского социума ряд проблем, не решенных до сих пор. Проект построения национального государства, осуществляемый в течение двух последних десятилетий, так и не завершился успехом.

3. Уникальность развития гражданской культуры в России заключалась в том, что она не только не вступала в оппозицию к имперскому сознанию, но и предполагала его. Быть гражданином значило быть гражданином империи (критика Российской империи или советской системы как конкретно-исторических форм существования государства не была за редким исключением критикой имперского принципа власти).

4. Становление гражданского общества в России — процесс, находящийся только на ранней стадии, перспектива развития российского гражданского общества еще не ясна. Однако его развитие немислимо без развития гражданской культуры, ключевые принципы которой коррелируют с базовыми ценностями русской культуры.

5. Выбор в пользу имперской парадигмы развития есть выбор в пользу самостийности российской цивилизации. Однако империя в XXI веке не может быть подобна империям прошлого, в основании ее должно лежать не насилие, а свободное волеизъявление населяющих ее сограждан.

Научно-практическая значимость исследования

Теоретическая значимость исследования состоит в том, что выводы, сделанные в результате его, позволяют преодолеть методологическую ловушку, которая вынуждает противопоставлять имперскую и национальную парадигмы как две абсолютно противоположных друг другу модели государственного устройства. «Империя» и «нация» — понятия из разного мыслительного пространства, а вовсе не антагонисты. В особенности это касается российской действительности, где процесс образования, укрепления и расширения империи шел параллельно с процессом формирования национального самосознания. Вполне справедливо говорить об «имперской нации» и о «национальной империи».¹⁴ В диссертации показано, что тезис о необходимости построения национального государства в России, непременным условием для которого должен являться всесторонний отказ от имперского прошлого, несостоятелен.

Практическая значимость исследования заключается в том, что оно позволяет обрисовать в общих чертах перспективу развития российской государственности. Российское государство имеет богатый исторический опыт, полный как трагических перипетий, так и великих достижений. Без понимания этого опыта и без учета фундаментальных ценностей русской культуры становление гражданского общества в России обречено на неудачу. Результаты, полученные в ходе исследования, говорят о том, что пробуждение гражданского самосознания российского общества неразрывно связано с формированием российской цивилизации и нахождением ей своего места в

¹⁴ Примером «национальной империи» может служить современный Китай. Термин «имперская нация» вполне применим для характеристики русского народа и титульных народов других империй, ушедших со сцены мировой истории.

глобализирующемся мире. Этот вывод позволяет создать платформу для осуществления стратегического выбора, от которого напрямую зависит судьба будущих поколений.

Полученные результаты могут быть использованы в качестве опорных для проведения дальнейших исследований в русле данной проблематики, а также для разработки политических программ и в виде общих предписаний для принятия решений на государственном уровне.

Апробация работы

Положения диссертации обсуждались на заседаниях сектора истории политической философии Института философии Российской академии наук. Некоторые результаты исследования были представлены на общественно-научной конференции, посвященной Международному Дню Мира, состоявшейся в МЦР (Международном Центре Рерихов) под патронатом Организации Объединенных Наций по вопросам образования, науки и культуры: «Мир через Культуру: путь к предотвращению войн и установлению прочного мира» (Москва, 22.09.2014), тема выступления «Культура и российская цивилизация». Также отдельные выводы были представлены в докладе на научно-практической междисциплинарной конференции с международным участием «Культура в глобализирующемся мире: вызовы и перспективы», организованной Институтом философии РАН совместно с Академией ГПС МЧС (Москва, 16.10.2014), тема доклада: «Рождение гражданина: к вопросу о развитии гражданской культуры». Кроме того, тема русской идеи (которая является одной из основных в данной исследовательской работе) была раскрыта в докладе на научной конференции «Феномен Даниила Андреева» (диссертант является лауреатом конкурса философских сочинений «Феномен Даниила Андреева»), организованной Институтом философии РАН совместно с фондом метаисторических и религиозно-философских исследований «Родон» (Москва, 6.03.2014), тема выступления: «Даниил Андреев: вестник русской идеи».

Структура диссертации

Диссертационная работа включает в себя введение, три главы, заключение и библиографию.

Глава 1. Категория «имперского» и факторы образования русского имперского государства

1.1. Понятие «империя» и антиимперские мифы

Вокруг понятия «империя»¹⁵ сложилось немало мифов, одни из которых навеяны романтикой имперского прошлого, зачастую безмерно далекой от исторической правды, другие страхом перед могуществом и масштабом имперского государства, которое согласно этой мифологии «обязательно» унижает все индивидуальное и подавляет любую независимость. Для того, чтобы разобраться в том, что такое империя и в чем сущность имперского, первым делом очистим это понятие от тех мифов, которые наслоились на него в результате идеологической пропаганды и исторических спекуляций. Рассмотрим последовательно наиболее расхожие мифы, связанные с понятием «империя».

Первый миф. **Империя – синоним насилия.** Всякое движение в сторону империи есть движение в сторону увеличения, возрастания насилия в обществе.

Говорить о том, что империя в своей сущности неотвратимо связана с насилием, также верно как и говорить, что всякое государство в своей сущности неотвратимо связано с насилием. Государство – институт легального (хотя и не всегда легитимного!) насилия. Государство вводит насилие в рамки закона, определяя в каких случаях оно является необходимым (как правило, таковым оно полагается для предотвращения большего насилия), а в каких – нарушающим интересы и права человека и общества. Государство – аппарат насилия и принуждения. Но только посредством этого аппарата общество

¹⁵ «В Древнем Риме – вполне в духе этой культуры – термин *imperium* имел четко определенный политический и институциональный смысл, близкий к современному понятию законного суверенитета. В силу своих связей с римским имперским государственным устройством, с претензиями Рима на мировое господство, а впоследствии со всем христианским миром, это слово вскоре стало обозначать власть, претендующую на всеобщий характер, или, по крайней мере, власть над огромными пространствами» (Д. Ливен. «Империя, история и современный мировой порядок». Мифы и заблуждения в изучении империи и национализма. М, Новое издательство, 2010. - С. 287).

способно оградить себя от принуждения и насилия со стороны других обществ и власти криминала (выходящего за пределы общепринятых норм поведения) внутри. Всякое государство есть аппарат насилия и принуждения. Соответственно, империя также есть аппарат насилия и принуждения. В этом оно не отлично от государств этнократического или национального типа.

Однако утверждать, что переход к имперскому типу государственного устройства влечет за собой увеличение насилия, неверно. История говорит об обратном. Во-первых, именно в границах империй впервые была решена проблема межэтнического взаимодействия, положен конец «вражде племен». Достаточно вспомнить античный Рим. Его господство в Средиземноморье обеспечило условия для мирного сосуществования множества этносов, населявших этот регион. Удивительный пример внутреннего баланса сил и относительного спокойствия демонстрировала Византия, и это в то время, когда остальная Европа буквально разрывалась от конфликтов между различными княжествами, королями и рыцарями-феодалами.

Во-вторых, распад империй обычно сопровождается нарастанием межэтнической, а иногда и внутриэтнической (клановой) напряженностью, нередко переходящей в кровавые столкновения. Так после распада Советского Союза в новообразованном «национальном государстве» Таджикистане вспыхнула гражданская война, продлившаяся 5 лет (1992-1997). В ходе вооруженных столкновений погибло более 60 тыс. человек, сотни тысяч бежали в соседние республики, 25 тыс. женщин стали вдовами, 53 тыс. детей сиротами, общая сумма материальных потерь составила более \$10 миллиардов, хозяйство Таджикистана было почти полностью парализовано (и до сих пор Таджикистан – одна из беднейших стран мира). Таково прямое следствие смены имперской парадигмы на парадигму национального государства в стране абсолютно к этому не готовой.

Второй миф. **Империя – враг демократии.** Имперская власть и демократическая культура не совместимы.

Современная империя США служит образцом демократии для многих государств мира. Имперские и республиканские начала уживались в уже упомянутых Римской и Византийской империях. Исследователь византийского права Д. А. Макаров поясняет: «Византия представляет собой государство, основанное на уникальном сочетании республиканских и монархических принципов. При этом традиционные, унаследованные от Рима республиканские принципы организации верховной власти имели доминирующее значение на протяжении истории Византийской империи. Власть Василевса была условна, как статус высшего должностного лица империи, и производна от божественной воли, дарующей её посредством «народного избрания»»¹⁶. Сама правовая и гражданская культура – наследие античности, Древней Греции и Рима. Но без Римской империи эта культура осталась бы культурой локальной. Латинский язык, который стал общеевропейским языком общения благодаря Риму, выступил средством трансляции ценностей и идеалов античности, которые в эпоху Возрождения стали вновь достоянием всей образованной Европы. Европейская цивилизация как нечто цельное никогда бы не возникла без Римской империи. Ориентируясь на опыт древнего Рима, писали конституцию и строили государственную систему отцы-основатели США.

Одним из составляющих мифа об антидемократичности любой империи является представление о том, что во главе империи всегда стоит монарх-император. Глава Французской колониальной империи времен Третьей республики – избранный президент. Режим власти в социалистических империях – Советском Союзе и КНР – также никак нельзя назвать монархическим.

Третий миф. **Политика империи всегда сопряжена с войной.** Путь становления империи – военная экспансия.

Экспансивность – характерная черта большинства империй. Но экспансия не всегда сопряжена с войной. История человечества вообще в определенном

¹⁶ Макаров Д. А. Система права Византийской империи: историко-правовой аспект: диссертация кандидата юридических наук: 12.00.01. - Санкт-Петербург, 2007. - С. 6.

смысле есть история войн. Война была одной из главных составляющих в истории империй. Но XX век (после изобретения ядерного оружия) ставит вопрос о прекращении широкомасштабных войн ребром. Экспансивный характер политики лидирующих стран (во второй половине XX века это США и СССР) от этого не исчез. Тяжесть «мессианского бремени» переместилась из военной области в область культуры и идеологии. США раньше и глубже вникли в значение информации и культуры в реалиях постиндустриализма, и потому вышли из противостояния победителями. Но не только в XX веке, но и всегда культура была одним из основополагающих компонентов имперской политики.

Говоря о цивилизующей роли империй, профессор В. К. Кантор рассматривает империю как «политико-общественное структурное образование, предназначенное историей для введения в подзаконное и цивилизационное пространство разноплеменных и разноконфессиональных народов»¹⁷. Если согласиться с этим определением (или хотя бы признать его частичную справедливость), то становится очевидно, что военная сила – не единственный метод, используемый имперской властью для организации пространства. Цивилизацию нельзя насадить голой силой. Дикие готы, разграбившие Рим, – вот олицетворение слепой и безжалостной войны, разрушающей, но не способной создавать новое.

Четвертый миф. **Империя – пережиток прошлого.** История вынесла окончательным приговор империям, места в современности им нет.

Это один из наиболее распространенных мифов, но он опровергается очень легко. Два современных государства – США и КНР – империи¹⁸. И даже если усомниться в «имперскости» Соединенных Штатов, то Китай – империя классическая, со всеми атрибутами присущими имперскому государству. И

¹⁷ Кантор В. К. Санкт-Петербург: Российская империя против российского хаоса. Москва: РОССПЭН, 2008. - С. 19.

¹⁸ Некоторые аналитики дополняют этот ряд Евросоюзом. См. например. Федорцев В. А. ЕС как империя: поиск политического центра? РИСИ. Режим доступа: <http://www.riss.ru/analitika/1032-es-kak-imperiya-poisk-politicheskogo-centra#.UubaumTHnx5>

немаловажно заметить, что именно эти страны обладают наиболее высокими показателями экономического развития. Китай – самая быстроразвивающаяся страна мира, и ничто не предвещает ей гибели или распада. Как и в любом другом, внутри китайского общества существует немало проблем, но на протяжении многих веков китайцы решали свои проблемы, сохраняя традиции государственности. Нет ни одного фактора, который бы обрекал Китай на то, что он будет выкинут на задворки истории. Все говорит об обратном. Однако, если бы современность и не знала ни одного государства имперского типа, из этого «мнимого» факта логически не следует, что такое государство в принципе изжило себя. Распространенность мифа о «приговоре империи», в том числе среди интеллектуалов, сложно объяснить чем-то, кроме гипнотического воздействия хорошо организованной пропаганды.

Пятый миф. **В империи нет граждан.** Гражданское общество появляется вместе с национальным государством.

Одно из самых развитых гражданских обществ древнего мира – римское – создало одну из самых больших и долговечных империй. Римская империя и Византия (Восточная Римская империя) – это с известными оговорками **гражданские империи**. Конечно, в сравнении с государствами современности, гражданское самосознание в них не достигло должного уровня. Но преемственность гражданской культуры во времени, от эпохи к эпохе происходила благодаря этим империям. Западные страны унаследовали юридические начала от римского гражданского права и конкретным источником его была кодификация, составленная в 529-534 при византийском императоре Юстиниане Великом. «Правовой партикуляризм был в меньшей степени свойственен византийскому праву в отличие от стран средневековой Европы. Византиец, в первую очередь, считался гражданином государства, сословный статус имеет не определяющий, а вспомогательный характер правового регулирования. Право равным образом распространяется на всех граждан империи. Ни одно сословие или иная общественная группа не

исключается от воздействия его предписаний»¹⁹. Среди императоров Византии было немало выходцев из низших сословий (среди них Юстин I, Василий I Македонянин, Михаил IV Пафлогон и др.). Законы империи позволяли стать императором любому человеку, в том числе и простому крестьянину. Другое дело, что практически это право ограничивалось интересами представителей знати, армии, духовенства и самих императоров, желавших видеть на престоле своих сыновей.

Развенчание мифов является необходимой предпосылкой для перехода к определению сущности «имперского». Развенчание мифов ни в коей мере не подразумевает создание новых мифов. Империи, ушедшие со сцены мировой истории, конечно же, не могут служить неким образцом для подражания или идеалом, на который следует ориентироваться. Все то, что было отброшено, как не позволяющее нащупать категорию «имперского», – насилие, жестокость, бесправие, деспотизм, военная экспансия – с избытком встречалось в империях прошлого, но и не только в империях, потому и нельзя приписывать этим явлениям статус характерных черт собственно «имперского». Империя – не зло и не добро. Равно как не является добром или злом национальное государство или этнократия. Положительным или отрицательным содержанием та или иная модель государственного устройства наполняется в зависимости от того, насколько она позволяет выполнить задачи, поставленные «разумом Истории».

1.2. Категория «имперского»: философский анализ

Для того, чтобы определить имперскую идею в отличии от идей другого рода, рассмотрим понятие «империи» в сравнении с идеологиями, получившими наибольшее распространение в XX веке. Эти идеологии: либерализм, национализм и социализм.

¹⁹ Макаров Д. А. Система права Византийской империи: историко-правовой аспект: диссертация кандидата юридических наук: 12.00.01. - Санкт-Петербург, 2007. - С. 5.

Либерализм ставит во главу угла категорию права как универсального регулятора человеческих отношений. Для него на первом месте стоят права индивида. Это высшая ценность, которая имеет довлеющее значение над всеми остальными. Распространение либеральных идей ²⁰ позволило человеку выступить в качестве личности, независимой в своих суждениях, предпочтениях и поступках от социума, государства и церкви. Право позволяет быть независимым, эта независимость дает ощущение свободы (лат. *liberalis* — свободный). Свобода для либерала – это, прежде всего, свобода индивида, его забота есть забота о защите индивидуального, частного. Интересы индивида в либеральной идеологии превалирует над остальными.

Либерализм фокусирует внимание на частном, и в том заключаются его как сильные, так и слабые стороны. За чрезмерную индивидуализацию жизни критикуют либерализм его оппоненты. Одними из первых критиков стали националисты, которые высшей ценностью полагали нацию. Они указывают на непреходящее значение «общего», которое в данном случае отождествляется с национальным, вне которого индивидуальное не способно реализоваться. Человек, по их мнению, существо социальное и приверженность идее общего блага того социума, в котором он находится, естественна для человека. Кроме того, согласно этим воззрениям, именно национальная культура определяет душевный склад человека, и вне национального человек не состоятелен. Интересы нации для сторонников этой идеологии первичны.

Социализм вводит понятие класса как социально-экономической общности. Также, как и национализм, он критикует либерализм за неумение разглядеть за частными интересами интересы широких групп и слоев населения. Однако главной социальной структурной единицей он полагает не нацию, а класс. Идеологи социализма показывают, как представители разных наций, но одного класса, равно угнетаемы со стороны господствующего класса – буржуазии – и доказывают, что интересы угнетенных – пролетариев –

²⁰ Датой всемирного торжества либерализма следовало бы назвать 10 декабря 1948 года, когда Генеральной Ассамблеей ООН была принята «Всеобщая декларация прав человека».

совпадают независимо от национальных ограничений. В осознании общности интересов пролетариата зиждется фундамент идеологии интернационализма. Социализм апеллирует к классу, но цель его – построение бесклассового общества. В перспективе коммунизм – дело всего человечества, но в настоящей реальности интересы угнетаемого класса должны быть учтены в первую очередь.

Если взглянуть внимательно в сущность каждой из идеологий, то нетрудно заметить, что они не являются «непримиримыми врагами во веки веков». Интересы индивида не всегда противоречат интересам нации, точно так и интересы класса вполне могут совпадать с интересами конкретного человека. Исторически либерализм шел рука об руку с национализмом. Все современные европейские государства имеют в основе либерально-национальную идеологию. Союз либерализма и национализма возник еще в ходе первых двух великих демократических революций – американской и французской. Во многом правы социалисты, когда они утверждают, что буржуазия была заинтересована в становлении идеологии национализма. Но и сам социализм очень часто имеет национальную окраску. Социализм в Латинской Америке²¹ почти всегда сочетается с лозунгами национал-патриотического пафоса. Также нет принципиальной несовместимости между либерализмом и социализмом²². Ведь изначально социализм – развитие тенденции «освобождения» человека, либерализм «освобождает» индивида от диктатуры государства и церкви, социализм видит задачу в «освобождении» человека от экономического рабства и уз отчужденного труда. И в этом смысле интересы класса есть также интересы эксплуатируемого индивида. Все три классических идеологии

²¹ «Сегодня значительная часть Латинской Америки живет в условиях социалистических преобразований. Социалистические преобразования проводит Аргентина - страна с населением 42,6 млн. чел., Боливия - 10,6 млн., Бразилия - свыше 201 млн. чел., Венесуэла - 28,4 млн., Куба - 11 млн. чел., Никарагуа - 6 млн., Перу - св. 30 млн., Сальвадор - 6,9 млн., Уругвай - 3,3 млн. чел., Чили 17,2 млн., и Эквадор - 15,4 млн. Итого - 12 стран с населением 372,8 млн. чел». (Исрапилов С. «Латинская Америка изгоняет США», 2013. Режим доступа: <http://anna-news.info/node/13119>)

²² Одна из попыток совмещения идей социализма и либерализма видна в истории русской мысли, см. статью И. К. Пантина «А. И. Герцен: начало либерального социализма» (Вопросы философии. 2006. № 3. Режим доступа: http://vphil.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=251).

находятся в сложных взаимоотношениях друг с другом, которые нельзя свести к антагонизму, но которые, безусловно, и далеки от идиллии.

Интересы (индивида, нации или класса) могут интерпретироваться и интерпретируются очень по-разному. И разные социальные группы и лица придерживаются и отстаивают те интерпретации, которые кажутся им либо наиболее «правильными», либо наиболее выгодными в данной ситуации. В сплетении и преломлений идей либерального, националистического и социалистического толков, их столкновениях и компромиссах, спекуляциях на них или честного служении им (что случается реже) рождается пространство реальной политики, в которой побеждает тот, чья интерпретация оказалось наиболее убедительной и доходчивой с точки зрения восприятия масс.

В каком отношении к этим идеологиям находится имперская идея? Прежде всего, следует сказать, что империи возникли гораздо раньше появления массовых идеологий. Они возникли раньше, но не исчезли в Новое время. Модернизация западных сообществ происходила одновременно с развитием империй колониального типа²³. Большая часть ресурсов, за счет которых европейские государства форсировали экономический прогресс, были добыты в колониях. США не имели колоний, но они вплоть до 1865 использовали рабский труд (наследство британского колониализма), он обеспечивал значительную часть их национального богатства. Империей США станут позже – в XX веке. Колониальные империи служили национальным интересам метрополий (которые совпали с интересами национальной буржуазии), национализм – главный союзник колониализма. Обильно питая националистические настроения, европейские державы вели соревнование за ресурсы и «зоны влияния» национального капитала. Эта борьба и породила Первую мировую войну. Такой тип идеологии, совмещающий имперские

²³ В списке колониальных империй: Британская, Французская, Голландская, Испанская, Португальская, Бельгийская, Германская, Итальянская, Датская, Шведская.

амбиции и национализм, правильно было бы назвать империалистическим национализмом.

Россия никогда не была колониальной империей. Присоединенные к ней территории не выступали в качестве доноров для центральной части. Россия – континентальная империя. Она не выстраивала отношения между народами по принципу вертикальной иерархии, согласно которому один народ (или этнос) главенствует над другими. Она наследует от Византии традиции этнополитики. Как и в Византийской империи выходцы из различных этносов имели одинаковые²⁴ права и обязанности (разница была обусловлена сословным, а не этническим параметром) и были представлены как во властных структурах, так и в среде интеллектуальной элиты. Имперская власть в России была заинтересована в мире и согласии между народами и не заинтересована в том, чтобы вновь присоединенный народ чувствовал себя ущемленным: «для континентальной империи методы угнетения народов, методы насильственного навязывания им каких бы то ни было законов и правил – контрпродуктивны: они приводят к снижению производительности труда по империи в целом»²⁵. Существенное отличие России от европейских колониальных империй не позволяет ставить их в один ряд.

Россия – империя ненационалистическая. Империалистический национализм – страсть Запада. И, на наш взгляд, это пагубная страсть. Сочетание имперского принципа и крайнего национализма, национализма в своей извращенной, античеловечной форме, породило одно из самых страшных чудовищ, которое когда-либо знало человечество, – фашистскую Германию. Ни одно из европейских национальных государств противостоять этому монстру было не в силах. «Великая» французская армия продержалась чуть более месяца. Противостоять фашистской империи (Третьему Рейху) оказалась

²⁴ Отдельные ограничения распространялись только на еврейское население.

²⁵ Вассерман А. А. Неоколониализм - дело не русское. Мы - империя не колониальная, а континентальная. «Однако». Режим доступа: <http://www.odnako.org/blogs/nekolonializm-delo-ne-russkoe-mi-imperiya-ne-kolonialnaya-a-kontinentalnaya/>

способна только советская континентальная империя. И одним из решающих факторов победы стал тот факт, что советская и фашистская идеологии были диаметрально противоположны²⁶; мечта коммунизма – всемирное братство, равенство и солидарность трудящихся поверх национальных границ, цель фашизма – устройство человечества по принципу тотального неравенства, деление всех на «избранных» и «недолюдей». Это была не формальная противоположность, но противоположность по духу, по мироощущению и чувству высшего долга. Победа советского народа – также победа русского духа.

Имперская идея может сочетаться с национализмом, равно как и с либерализмом, и социализмом. Вторая половина XX века прошла под знаменем борьбы двух свердержав – двух империй – за доминирование в мире. Первая империя – США – либеральная империя²⁷. Имперский проект – это проект мироустройства на универсальных основаниях. США такими основаниями полагают либеральные ценности. Их распространение и превалирование в глобальной культуре было и остается одним из приоритетных направлений американской политики. Номинально США последовательно защищают демократию и права человека во всем мире. Реально они, как и большинство европейских колониальных империй в свое время, защищают свои национальные интересы и покровительствуют продвижению национального капитала по преимуществу в лице транснациональных корпораций. СССР – социалистическая империя. Имперский пафос Советского Союза был изначально predetermined ориентиром на мировую революцию, которую должен был осуществить пролетариат – нарождающийся глобальный класс.

²⁶ Попытка привести их под общую рамку пресловутого «тоталитаризма», с нашей точки зрения, несостоятельна.

²⁷ Один из главных современных популяризаторов и теоретиков либерального империализма США - Найл Фергюсон. См. его книгу «Империя. Становление и упадок британского мирового порядка и уроки для глобальной власти» («Empire: The Rise and Demise of the British World Order and the Lessons for Global Power»). В русский обиход термин «либеральная империя» был введен А. Б. Чубайсом в 2003 году в канун парламентских выборов. В роли новой «либеральной империи» он видел Россию - лидера на постсоветском пространстве.

Универсализм здесь проявляется в желании достичь общности интересов интернационального класса. Но, как показала история, интересы трудящихся в зависимости от их принадлежности тому или иному региону мира могут не совпадать или пониматься очень по-разному.

Как мы видим, «имперское» способно ужиться и с либерализмом, и с национализмом, и с коммунизмом (социализмом). Следовательно, представлять в конкретных обстоятельствах и меняющихся исторических условиях интересы индивида, нации или класса. Но что же составляют специфику «имперского»? Что позволяет отделить его от «либерального», «социального» и «национального»?

Империи рождались и умирали. Но, умирая, они оставляли после себя богатое наследие. Становление всех цивилизаций мира связано с империями. В лоне Римской империи зародилась западная цивилизация. Благодаря Арабскому халифату и Османской империи получил широкое распространение ислам, и в ареале его распространения образовалась жизнеустойчивая мусульманская цивилизация. Империя Мауриев позволила оформиться неповторимой индо-буддийской цивилизации. Китай – самая древняя империя мира – на протяжении нескольких тысяч лет он сохраняет свою цивилизационную самобытность и на протяжении более двух тысяч лет китайская государственность существует в имперской форме. Такие малоизученные империи как империя Ацтеков и империя Инков породили уникальные цивилизации, над загадкой которых бьются исследователи многих стран. Наконец, Российская империя служила опорой для православно-славянской цивилизации, которая в XX веке после революции трансформировалась в советскую цивилизацию.

Цивилизации имеют глубокую взаимообуславливающую связь с империями. **Защита цивилизации, цивилизационной идентичности, культурно-исторического своеобразия – задача империи.** Национальная культура слишком локальна, чтобы противостоять другой цивилизации, ее глобальной культуре. Противостоять цивилизации способна только иная

цивилизация. В сфере властных отношений цивилизация отливается в импероподобное государство. Из этого вовсе не следует, что всякая империя порождает свою цивилизацию. Скорее наоборот, цивилизация на определенной ступени своего развития обрастает плотью империи. Империя, в свою очередь, укрепляет и распространяет достижения цивилизации. Гибель цивилизации влечет за собой и гибель империи. Но не всякая гибель империи ведет к гибели цивилизации²⁸. Имперская идея обретает новую жизнь в XXI веке в силу того, что эпоха ставит вопрос о цивилизационной идентичности, о том, как могут сосуществовать разные цивилизации бок о бок друг с другом, не теряя при этом независимости: политической, финансово-экономической и культурной.

Но идея империи не детерминирована идеей цивилизации. В имперском заложена тяга к всемирному. Отличительная черта имперского сознания – универсализм. Не любой универсализм – благо. Универсализм фашистского проекта мироустройства – безусловное зло. Не любая империя – благо. Но именно в имперской практике народами приобретается опыт сверхнационального единства. Иногда такое единство было в ущерб одних и в прибыль других – господствующим. Но не везде и не всегда. Единое человечество – старая мечта. Путь к ней – это имперский путь, путь возобладания универсального над локальным. Но защита цивилизации и даже отдельных народов от универсализма колониального типа, с разделением на «рабов и господ», от универсализма, ведущего к унификации и примитивизации культуры, от универсализма, нивелирующего человечность в угоду низших инстинктов, – задача, которая под силу также лишь империи.

²⁸ Империя Наполеона, просуществовавшая всего 11 лет (1804-1815), дала новый толчок для развития всей европейской цивилизации. Последствия наполеоновских войн не терпят однозначных оценок. В.И. Ленин, касаясь этой темы, писал: «Эти войны были революционны: защита великой революции против коалиции контрреволюционных монархий. А когда Наполеон создал французскую империю с порабощением целого ряда давно сложившихся, крупных, жизнеспособных, национальных государств Европы, тогда из национальных французских войн получились империалистские, породившие в свою очередь национально-освободительные войны против империализма Наполеона» (Полное собрание соч., 5 изд., т. 30, с. 5-6). Национально-освободительные движения имели во многом реакционный характер. Тем не менее, ценности Великой французской революции, защиту которых в начале войн декларировал своей целью Наполеон, продолжили жить на европейском пространстве и в конечном итоге одержали победу над реакцией.

Империя - средство в руках Истории. И положительная идея Империи приоткрывает завесу будущего.

Империя есть стремление к выходу за пределы данного ²⁹. В метафизическом ключе империя есть путь к запредельному из ограниченного. Метафизика империи – это метафизика просторов, огромных и необъятных, и одновременно это воля к организации бескрайнего пространства, привнесение в него начала порядка. Идея империи противна метафизики хаоса. Хаос – враг империи. Все империи были разрушены из-за нарастания хаоса: либо внутри самой империи, либо вне ее и последующей инъекции хаоса внутрь тела империи, либо в сочетании того и другого. Задача империи – обуздать хаос. Имперская власть – усмиритель стихий, бессознательного и бесконтрольного. Но положительная цель империй – не контроль за всем и каждым, она – в собирании многообразного и гармонизации непохожего.

Имперский принцип власти – принцип организации на универсальных принципах больших пространств, населенных народами с различной культурой. Универсализм – ключевой признак имперской власти. Империя, если хочет сохранить сама себя, вынуждена искать универсальные принципы, за счет которых возможно организовать народы, уже организованные как самостоятельные единицы на локальных принципах, то есть на принципах, выработанных в рамках локальной культуры. Поэтому имперская власть всегда сопряжена с культурой, которая несет внутри себя потенциал универсализма, преодоление локального через обращение к глобальному. Такая культура не должна противостоять локальному, отрицать его, ей следует возвыситься над ним, дать прообразы сверхнационального (то есть стоящего над – не «во вне»! – сферой национальной культуры), всечеловеческого. Империя ищет общечеловеческие ценности и общечеловеческое основание для своей власти.

²⁹ Схожее определение дают А. Негри и М. Хардт в своей нашумевшей книге: «Идея Империи определяется прежде всего отсутствием границ: ее владычество не знает пределов». (Хардт М. Негри А. Империя / Пер. с англ. под ред. Г. В. Каменской, М. С. Фетисова. — М., Праксис, 2004 – С. 14.) Однако стоит учитывать, что концепт Империи они используют для описания глобального порядка, складывающегося в последние десятилетия. Их подход обусловлен теоретической задачей концептуализации именно этого порядка, а не «имперскости» вообще.

Империя – это не отчуждение от мира, не замыкание в себе, но включение мира в себя. Империя – это построение Мира миров. Такова суть имперской идеи – устранение противоречий между враждующими сообществами через согласованность их в превосходящей «их (локальную) правду» «правде Мира». Не возвышение Востока или Запада, но единство Запада и Востока, прекращение давнего противостояния между ними – мечта имперского духа, и эта мечта – главное оправдание имперской власти. «Настоящая империя есть возвышение над культурно-политической односторонностью Востока и Запада, настоящая империя не может быть ни исключительно восточною, ни исключительно западною державою. Рим стал империею, когда силы латино-кельтского запада уравнились в нем всеми богатствами греко-восточной культуры. Россия стала подлинною империею, ее двуглавый орел стал правдивым символом, когда с обратным ходом истории полуазиатское царство Московское, не отрекаясь от основных своих восточных обязанностей и преданий, отсеклось от их исключительности, могучей рукой Петра распахнуло широкое окно в мир западноевропейской образованности и, утверждаясь в христианской истине, признало – по крайней мере, в принципе – свое братство со всеми народами»³⁰.

Быть империей для России равносильно тому, чтобы быть Востоко-Западом или Западо-Востоком, быть империей для России значит возвышаться над ограниченностью того и другого. Но может ли Россия не быть Востоком или не быть Западом? Не в том ли и заключается ее историческая судьба, ее предназначение, чтобы совмещать «прометеевский огонь» Запада и смиренномудрие «таинственного» Востока?

³⁰ Соловьев В. С. Мир Востока и Запада // Соловьев В.С. Соч. В 2-х т. Т.2. М.: Правда, 1989. - С. 602-603.

1.3. Факторы образования российского имперского государства

Империи не образуются на пустом месте. Они образуются под воздействием множества факторов. Сложно бывает определить, какой из факторов стал решающим. Древние римляне стремились к могуществу. И это стало одним из главных побудительных мотивов создания ими обширной империи. Но многие народы жаждут могущества. Успех римлянам обеспечили их ум, талант и воля. Их уникальная способность к организации. Каждая империя индивидуальна, и образование каждой из них предваряет множество предпосылок. Но каждая империя также над-индивидуальна. В этом ее сущностное отличие от национального государства. Национальное государство утверждает культурное своеобразие нации и через него утверждает свое бытие. Империя не отрицает культурного своеобразия народов, входящих в его состав, но она вынуждена (независимо от причин, по которым она образовалась) подниматься «над» своеобразием отдельных народов. Только в этом «над» она способна утвердить себя, свое бытие, так же как национальное государство утверждает его в национальной культуре.

Каждая из империй решало эту проблему «над» по-своему. В задачах данной исследовательской работы не стоит детальный анализ и сопоставление всего количества имперских моделей, задача скромнее – выявить особенности российской имперской модели. Необходимо понять, почему именно в рамках имперской модели российское общество смогло добиться тех успехов, которые безусловно наличествовали в нашем прошлом, и какие внутренние противоречия привели к отрицанию ее самим обществом. В какой мере имперская модель соответствует нашему прошлому (то есть была ли она неизбежной?) и в какой мере она соответствует будущему (то есть какие «имперские» качества нужны российскому государству для эффективного существования в XXI столетии)?

Множество факторов обусловило становление российского государства как государства имперского. Перечислим их все, а после внимательно рассмотрим каждый из них в отдельности.

1. Географический фактор (наличие огромных просторов и разнообразие природных ландшафтов).

2. Большое количество разных народов и народностей, населяющих подконтрольные и присоединяемые территории.

3. Культурное своеобразие этносов и племен, входящих в состав России, соседство рядом друг с другом людей, исповедующих разные веры и убеждения.

4. Постоянное противостояние внешним врагам и угрозам, исходящим от них. Вынужденная в силу этих условий мобилизация ресурсов породила особый тип мобилизационной экономики и жесткую вертикаль власти, за счет которой организовывались в одно целое разбросанные на дальние расстояния людские сообщества.

5. Самодержавные традиции русской власти (которые были унаследованы отчасти от Византии, отчасти от монгольской Орды, отчасти сформированы как ответ на вызов внутренних противоречий и междоусобиц). Власть замыкалась подобно пирамиде на одного человека, что способствовало ее централизации и сакрализации.

6. Особый психический склад русского человека, открытого к общению и взаимодействию с другими народами. Отсутствие в культуре жесткого разделения на «своих» и «чужих». Установка на то, что каждый «чужой» (если он только не враг) может стать «своим», «братом».

7. Совмещение в географическом, бытовом, социальном, политическом и духовном пространствах двух стихий – Востока и Запада. Как результат формирование особой цивилизации Востоко-Запада или Западо-Востока.

Не каждый в отдельности, но все факторы в совокупности определяли и во многом определяют до сих пор ход развития российской государственности.

Широта просторов всегда являлась отличительным признаком русского мира, и сложно сказать, она ли обусловила формирование русской ментальности (русского духа) или стремление русских людей к манящим далям, в новые места, в неизведанное сплотило и собрало разные земли под одним началом. Так или иначе Россия образовалась как единство непохожего и как сцепление необъятного. Бескрайние поля и непроходимые леса, дремучая тайга и безжизненная тундра, великие горы, безмерные степи и непревзойденной красоты озера и реки, – все без исключения встречаешь на русских землях. Это разнообразие и отсутствие какой-либо силы, объединяющей и организующей природную стихию и необузданное своеволие кочевых народов, отлегло глубоко в сердце русского человека. Как связать столь далеко стоящее друг от друга? Как усмирить и примирить племена дикие и часто враждующие между собой? Имперская власть – это сильная власть, власть, покоряющая стихию. Русскую власть делало такой те обстоятельства и условия жизни, в которых оказался русский народ. Чем шире земля, который ты должен управлять, тем более тверда и крепка должна быть твоя рука. Иначе стихия народной жизни выбивается из пределов, которые определяют порядок. Одно дело, когда идет постоянное тесное взаимодействие между соседями, живущими близко друг с другом, другое дело, когда расстояние между ближайшими соседями огромно. В первом случае рождается культура компромисса и договора, во втором случае сопряжение происходит через согласование в стоящем «над». Пребывание разных народов на значительном расстоянии друг от друга позволяет сохранить им свою самобытность, свои правила жизни, свой уклад. Но не один народ не может быть полностью изолирован от мира, и всегда остается проблема безопасности, которая особенно остро стоит перед народами относительно небольшими, но не желающим отказываться от своей автохтонности. Такие народы принимают имперскую власть как защитницу, и порой сами добровольно идут под нее для того, чтобы избежать уничтожения и невыносимого давления со стороны силы, не готовой считаться с самобытностью данных народов. Так приняли власть

Российской империи грузинский и армянский народы, которых она спасла от гибели.

Вовлечение разных народов в русло общего дела, согласование их деятельности и жизни между собой – вот первоочередная задача имперской власти. Те империи, которые действуют с опорой на силу и только силу, подчиняя и не давая возможности к самостоятельному приложению энергии, в конечном итоге наносят вред самим себе. Империи распадаются не потому, что они империи, но потому, что имперское строительство требует очень глубокого понимания особенностей развития негосударствообразующих народов. Перед империями всегда встает вопрос учета интересов многих. Колониальные империи решают этот вопрос просто. Они исходят из интересов метрополии как первостепенных. Но и в этом случае они приносят часть своих достижений в колонии, хотя бы для эффективности работы последних на интересы метрополии. Россия никогда не была колониальной империей, ей было это невыгодно. Не была она колониальной империей и в силу влияния этических, нравственных императивов православия, для которого не приемлем пафос разделения на «эллинов и иудеев», хотя западные государства как-то совмещали национальную гордыню (переходящую в презрение к «дикарям» и на краю в расизм) и лояльность христианству. Но это на их совести. Важно подчеркнуть, что проблема империи для России и европейских государств (которые в большинстве своем прошли через стадию «колониального империализма») стоит совершенно по-разному по причине принципиального отличия в генезисе русской имперскости и западного империализма.

Тезис о различиях между колониальными и континентальными империями хорошо иллюстрирует таблица, составленная историком С. А. Зотовым и приведенная в коллективной монографии «От миропорядка империй к имперскому миропорядку»³¹.

³¹ От миропорядка империй к имперскому миропорядку (коллективная монография). Отв. ред. Ф. Г. Войтоловский, П. А. Гудев, Э. Г. Соловьев. М., Научно-образовательный форум по международным отношениям, 2005. – С. 10.

Тип империи	Колониальный	Континентальный
Механизм формирования	Прямой захват или установление протектората над заморскими землями, подчинение небольшой по площади метрополией громадных территорий	Присоединение захваченных земель к коренной территории, создание единого территориального массива, внутренний характер колоний
Отношения центр – периферия	Господствующая нация – «нецивилизованные» народы заморских колоний; неравенство населения метрополии и периферии (обособление метрополии от колоний)	Господствующая нация – национальная окраина; фактическое равенство населения метрополии и периферии перед законодательством метрополии/главой государства
Средства доминирования центра	Прямые и/или косвенные методы управления, экономическое и политическое подчинение, военная мощь, насильственная ассимиляция	Прямые методы управления, военная мощь, приспособление центра к местным традициям, культурная ассимиляция, хозяйственное освоение и развитие окраин
Идеология	Цивилизаторская миссия избранного народа («бремя белого человека»)	Национальная имперская идея (преимущественно религиозного характера)
Мотивация имперской политики	Усиление мировых позиций национального капитала, распространение политико-культурных стандартов	Обеспечение безопасности центра, капитала, распространение политико-культурных стандартов
Реализация имперской политики	Колониальная эксплуатация во имя процветания метрополии	Укрепление безопасности (в первую очередь – военной) метрополии

По всем шести признакам Россия относится к империям континентального типа. Нужно сказать, что существуют разные типологии имперских государств и исследователи спорят о том какие признаки следует считать первоочередными для их характеристики. В силу специфики исследовательской проблемы, особое внимание мы обращаем на аспект, позволяющий

охарактеризовать имперские принципы организации в их преломлении в культурной сфере.

Разные культуры, сообщаясь, дополняют и обогащают друг друга. Взаимодействие культур имеет взаимный благоприятный эффект, но только в том случае, если одна из культур априори не ставится выше других. Российская культура многоцветна. Культура славянских народов, облагороженная православной культурой, позаимствованной из Византии, развивалась в тесном взаимодействии с культурой угро-финских и тюркских народов. Ислам стал неотъемлемой частью российской действительности уже с XVI века. В XVIII веке указом Елизаветы был официально признан буддизм. Народы Сибири сохраняли свои верования на протяжении длительного времени, и некоторые представители их придерживаются традиционной веры предков до сих пор. Сохранить разнообразие позволяли открытость русской культуры для культур иных и терпимое отношение к другим народностям даже тогда, когда видны их отсталость и невежество. Любимым словом Пушкина было слово «просвещение». Не покорять мечом, но просвещать, – так строится взаимопонимание, ведь просвещающий очень часто вынужден учиться у просвещаемого. Взаимопроникновение культур рождает новую культуру, культуру соучастия и культуру, отражающую общие человеческие ценности поверх видимых различий. В этом отношении опыт России похож на опыт Индии, в которой на протяжении веков сосуществуют друг с другом разные веры и культуры, но которая, тем не менее, сохраняется как цивилизационная единица нерушимой. Это происходит во многом благодаря той стратегии, которой придерживаются видные философы, религиозные и общественные деятели индийской республики (среди них Рамакришна, Вивекананда, Махатма Ганди, Шри Ауробиндо, Сарвепалли Радхакришнан, Сатья Саи Баба и др.). Суть этой позиции в том, чтобы показать общие основания разных религиозных учений, не отдавая приоритета какому-либо одному из них, богопознание признается ими как процесс абсолютно необходимый для каждого человека, но не утверждается одного «правильного» пути, разные религии признаются

разными путями к одному Богу, одной истине. Для Индии, страны традиционно религиозной, такой подход позволяет избежать накала религиозных страстей и конфронтации.

Стремление к универсальным ценностям характерно и для русской культуры. Советский период демонстрирует попытку выработки таких ценностей, подходящим всем без исключений народам вне зависимости от их исторического прошлого, на нерелигиозной светской основе. Борьба с религиями, если рассматривать ее в данном контексте, тоже вытекала из стремления к универсализму, ведь если атеизм содержит в себе истину, а истина одна, то все должны «узнать» эту истину. Это прямолинейное и грубое, но все-таки отстаивание универсального. Наука (научный атеизм тем паче) не способна заменить собой религию, теперь это очевидно. Но в русской культуре осталась тяга к универсальным ценностям, к ценностям, стоящим «над» различиями, не нивелирующих, но объясняющих и примиряющих их. Сосуществование разных культур и конфессий в одном государстве подталкивает ищущих в этом направлении и создает почву, на которой могло бы прорасти дерево цельного знания и целокупной культуры.

Такая задача всегда стояла перед Россией. Освоение огромных евразийских пространств, согласование жизни населяющих эти пространства народов и формирование универсальной культуры, духа «всемирности», взаимопомощи и дружбы, – это не отдельные задачи, но одна задача, и не просто задача, а миссия. Как пишет известный русский философ и публицист Г. П. Федотов, у «России особое призвание. Россия – не нация, но целый мир. Не разрешив своего призвания, сверхнационального, материкового, она погибнет как Россия»³².

Огромное влияние на формирование российского государства играли не только внутренние, но и внешние факторы. Россия (во многом вследствие ее больших размеров) оказалась закована в тисках достаточно агрессивных

³² Федотов Г. П. Судьба и грехи России. Т.1, Спб., 1991. - С. 192.

соседей. Победа России над ордынцами, преодоление трехвекового ига, предопределили судьбу ее как государства не только европейского, но и азиатского. Восток пришел к России сам. Пришел нагло, с войной и подчинил себе раздробленные княжества. С запада наступали тевтонские рыцари, которых, к счастью, стараниями Александра Невского и его соратников удалось отбить. Выйти из-под гнета Орды, обрести свободу, стать независимыми для русских стало возможным только через преодоление междоусобных разногласий перед лицом общего врага, через подчинение их одному центру, которым стала Москва. Процесс консолидации общенародных сил шел небыстро, но он шел. И преодоление силы Востока обрело для России характер включения Востока в себя. Восток пришел к России сам, но после Россия пошла на Восток. Постоянные войны, которые велись Россией как с европейскими государствами (в разные времена с Литвой, Польшей, Швецией, Англией, Францией, Австро-Венгрией, Германией), так и с южными соседями (с Турцией и Персией), породил особый тип управления и экономического развития, который можно назвать *мобилизационным*. Также как Россия в силу необходимости собственного выживания включила Восток в себя и тем положила начало строительству имперского государства, также и выход в Европу (пресловутое «окно» Петра Великого) был обусловлен необходимостью выживания. В эпоху Петра главный аргумент международной политики – это армия и флот, он прекрасно это понимал и бросил все усилия на то, чтобы сделать русский аргумент весомым. Включение части восточноевропейских земель (Прибалтики, Западной Украины, Польши, Финляндии) в состав России было продолжением движения России на Запад. Но это движение было единственным противодействием движению Запада на Россию. То есть либо мы включаем часть Европы в себя, либо Европа в лице конкретных государств включает западные территории России в свой состав и использует их в своих интересах (а как жило украинское население под пятой поляков хорошо известно).

Россия могла защищаться и отстаивать свои интересы только как империя. Об этом часто забывается. Перманентное противостояние вынуждало концентрировать силы в одном фокусе. Централизация власти была обусловлена как внутренним фактором обширности подконтрольных пространств, так и внешними угрозами со стороны других государств, стремящихся отхватить часть территорий. Общеизвестно, что война требует мобилизации сил и ресурсов и единого полномочного центра управления мобилизованными силами и ресурсами. Если страна постоянно находится в состоянии войны, то принципы мобилизации и централизации начинают обрести статус неприкосновенности. Россия воевала постоянно, от полномасштабных она плавно переходила к малым войнам, также требующим затрат сил. Не прекращалось освоение новых земель, продвижение на которые без армии не мыслимо. Периодически раздираемое внутренними смутами, государство бросало войска на их подавление. Короткие периоды передышки воспринимались именно как передышка до очередной мобилизации. Это наложило отпечаток на весь характер развития российского общества. Он происходило рывками: от мобилизационного прорыва до «отдыха» или «срыва», после новый прорыв, за которым опять стагнация или спад. Своеобразная зигзагоподобная линия истории.

Институт самодержавия служил каркасом для мобилизационной и централизованной системы. Мы не даем оценок самодержавию как явлению, лишь указываем на тот факт, что в конкретных исторических условиях этот институт выполнял свою роль. После крушения института самодержавия его место занял институт генерального секретаря партии, который поддерживал по сути ту же систему, предельно централизованную и предельно мобилизационную. Пожалуй, в сталинский период оба эти принципы достигли своего апогея. Достигла апогея своего могущества и российская империя, представленная в ином виде. Социалистическая держава равно как и царская Россия – та же империя, живущая по схожим закономерностям. После апогея начался спад, откат назад. Исторические условия изменились, предельная

мобилизованность и чрезмерная централизация стали не только вредны в своих отдельных аспектах, но и неэффективны с точки зрения решения текущих проблем.

Однако полный отказ от централизации равносителен убийству государства. Во-первых, чувство соперничества со стороны «добрых» соседей никуда не исчезло, хотя ядерный потенциал позволяет сдерживать их от прямого военного вмешательства. Во-вторых, внутренние проблемы нашей страны во многом все те же, и другого субъекта, способного их решать, помимо централизованного государства, не имеется. Конечно, внутренние проблемы не могут быть решены исключительно за счет государства и через государство. Но не могут быть они решены и в антигосударственном ключе. Сильная сконцентрированная кверху власть – неременный атрибут российского государства не потому, что она (такая власть) хороша по определению, но потому, что это работающий механизм, единственно продуктивный в наличествующих условиях. Прежде чем задуматься о том, как трансформировать этот механизм, следует научиться осознавать то, в каких обстоятельствах он возник и какие обстоятельства (насколько они отличны от первоначальных) определяют его устойчивость сегодня.

Рассуждая о жизнеспособности российского государства, профессор В. Н. Шевченко пишет: «Первый и главный критерий его жизнеспособности – это вопрос о природе российской государственности, ее онтологической сущности, матрице и степени соответствия ей конкретно-исторических форм Российского государства. Чем больше здесь соответствия, тем более прочным и дееспособным оказывается государство, и наоборот. Распад, т. е. неуправляемая дезинтеграция государства, а такое не раз случалось в истории (только в XX веке Россия пережила две национальные катастрофы), означает, что государственная власть не просто совершила ошибки, это всегда как-то поправимо, она действовала вопреки глубинной, метафизической природе государства. Поэтому если сегодня говорят об угрозе распада, то главной причиной может быть только серьезный конфликт между метафизической

сущностью государства и существующим государственным устройством, который наглядно проявляется в неадекватных политических действиях, в ее неспособности выработать и тем более осуществить стратегически верный курс на сколько-нибудь длительную перспективу»³³. Метафизическая сущность, о которой идет речь, не дана сверху, не спустилась с небес, она была выкристаллизована в ходе длительного исторического процесса, она стала частью истории, и она сама есть история. Нельзя пойти против истории и одержать верх над ней, все новое, творческое и продуктивное корнями своими уходит в историческую почву жизни народов.

Метафизика российского государства сопряжена с метафизикой пространства, раскинувшегося на огромные расстояния. Государство стремится объять это пространство, войти в него и сделать его единым. Российское государство идет из центра к окраинам и возвращается назад, замыкая их на центр. Оно стремится сорганизовать стоящее друг от друга в необозримой дали и задать общие правила для совместной жизни сообществ, уже имеющих правила, определяющих обустройство их внутреннего пространства. Центр российского государства в метафизической своей ипостаси есть центр пространства, сотканного из относительно самостоятельных пространств. Он должен удержать эти пространства в одном и оказывается способен сделать это только через укрепление и развитие вертикальных связей.

Противоречит ли централизм идеи демократии? Всегда ли утверждение демократических начал сопряжено с децентрализацией? Верно, что централизм без демократии пагубен, чреват бюрократизмом и самодурством. Но демократия без ответственной и крепкой власти выливается в охлократию и разгул низовых стихий масс. Хаос враждебен свободе. За разбродом и безначалием следует, как правило, установление очень жесткого режима правления. Особенно это характерно для государств, где существуют

³³ Шевченко В. Н. К методологии жизнеспособности российского государства // Российское государство: опыт философского прочтения (коллектив авторов). М.: Прогресс-Традиция, 2012. - С. 320.

длительные традиции централизованного управления всеми процессами, происходящими в стране. Неслучайно Лениным был сформулирован принцип «демократического централизма». Сама идея такого принципа организации появляется не с Лениным, задолго до марксизма вообще. Русское казачество всегда жило, руководствуясь этим принципом. Атаман был избираем казаками и строго подотчетен им. Но после избрания и вплоть до избрания нового атамана казак должен был беспрекословно подчиняться главе войска и станицы, и атаман имел право взыскивать с казака за непослушание «по полной». Подобным образом организовывались и некоторые другие русские общины, например, староверческие. В умах людей этот принцип организации распространялся на все государство. Защитники монархизма усматривали в монархе выразителя народных интересов, «строгого, но любящего отца». Самый известный апологетический труд русского монархизма принадлежит перу И. Л. Солоневича и носит название «Народная монархия». Народная монархия – это красивый миф, от прозы исторической действительности бесконечно далекий. В реальности всегда существовал перекося в сторону централизма в ущерб народности и демократии. Но выход из этого перегиба видится не в том, чтобы впасть в иную крайность, склониться в сторону ослабления и дефункционализации центра. Выход заключается в достижении равновесия между демократическими элементами и вертикалью власти. Демократическая власть может быть одновременно и центрированной, сосредоточенной, в особенности если этого требуют задачи, стоящие перед ней. А в России только такая власть бывает плодотворной.

Соединение разнообразного в одно целое – вызов, стоящий перед наступившим веком. Процесс глобализации, как бы к нему не относились, будет идти. Но в каком направлении? Ответ на этот вопрос не предрешен. России удавалось на протяжении столетий соединять в себе непохожее без нивелирования своеобразия включаемых элементов. Не ценен ли этот опыт особенно теперь? Верно сказать, что Россия – это отдельная цивилизация. Но верно также и то, что русская культура не противоположна, а родственна

европейской культуре. Россия не Европа – скажут многие. Но точнее сказать, что Россия – не только Европа. Безусловно, Россия – не часть Европы и никогда не войдет в нее как часть. Но Россия – Европа, потому что Россия вобрала в себя многое европейское, столь существенное и так глубоко, что в лице России явно проступают европейские черты. И избавиться от них не получится. Не только европейские, но и азиатские черты мы видим в ее лице. И от них избавиться не получится. России никогда не быть Европой и никогда не быть Азией, потому что Россия – Европа и Азия вместе. Россия – Восток и Запад. И глупым является враждебное противопоставление российской цивилизации западной, но еще более глупым является желание стать частью западной цивилизацией, ибо стать ей для России будет значить вынуть из себя вторую свою половину. Наверное, не все ценности европейской цивилизации усвоены нами вполне, но они и не будут усвоены в той форме и том качестве, в котором существуют в западных странах. Они подвергнутся значительной трансформации, преломлению в свете российской духовности и ее традиций. Но не только ценности западной цивилизации не освоены нами полностью, об этом упоминается часто. Ценности Востока, его тайны, его мудрость также не открылась России до конца. А ведь Россия – это Восток³⁴. Опять же – не только Восток, но Восток.

На наш взгляд, главный фактор, определивший становление России как империи и как особой цивилизации – ее местоположение (в географическом, геополитическом и геокультурном смыслах) между Востоком и Западом, или, точнее, как на Западе, так и на Востоке. Империи знал западный мир. Две из них (Наполеоновская и Третий Рейх) были уничтожены нашей армией. Грандиозной империей возвышался столетиями на Востоке Китай. На южных границах в подбрюшье подпирала агрессивная Османская империя. Не быть империей для России в таких условиях значило не быть вовсе. Опоясанная

³⁴ Интересно ставит вопрос о будущем Востока наш выдающийся историк В. О. Ключевский: «Азия просветила Европу, и Европа покорила Азию. Теперь Европа просвещает Азию. Повторит ли Азия ту же операцию над Европой?» (Ключевский В. О. Письма. Дневники. Афоризмы и мысли об истории. — М., Наука, 1968. — С. 305.).

империями со всех сторон, она набирала силу и наращивала могущество. Но подлинное величие ее состоит не в обретенном могуществе, которое, как показали недавние времена, бывает внушительным снаружи, но весьма хрупким внутри. Подлинное величие России в том, что она смогла быть открытой для Запада и Востока, для Европы и Азии. Она боролась с ними, но она и вбирала их в себя. Так создавался особый мир, в котором уживаются холодная рациональность и религиозный экстаз, сентиментальное прекраснотушение и суровость, общинный труд и творчество гениальной индивидуальности, чувство личной неприкосновенности и понятие общего блага. Мир, вбирающей в себя лучшие светлые черты Востока и Запада не проявлен еще в полной мере, это – перспектива. Но какая перспектива!

1.4. Последствия отказа от имперской парадигмы развития

Итоги отказа от имперской парадигмы развития, который произошел в начале 90-х годов минувшего столетия, показали несостоятельность взгляда на империю как «абсолютное зло». Антиимперские реформы 90-х привели к полной разрухе в хозяйстве, обострению межэтнических взаимоотношений, к массовой бедности и резкому социальному расслоению, ослаблению российского государства, вплоть до угрозы его повторного (после 1991 года) распада. За столетия российское государство выработало определенные механизмы воспроизводства своего бытия, полное отрицание этих механизмов привело к катастрофическому состоянию государственности. Отказ от идеологии есть также отказ и **от универсальных принципов и ценностей, за счет которых происходит организация политического пространства**, то есть отказ от империи в ее сущностной характеристике. В реальности такие принципы всегда существуют. В конституции записано, что «никакая идеология не может устанавливаться в качестве государственной или обязательной» (п.2, статья 13), но сама конституция базируется на либеральных ценностях и либеральной идеологии. В качестве высшей ценности конституция РФ

определяет права и свободы человека (статья 2). Что это, если не идеология? Далеко не все народы склонны полагать, что данная ценность является высшей. Так, например, в принятой в 2012 году Конституции Сирии высшей ценностью заявляется «мученичество ради Родины» (статья 21). Идеология не отделима от аксиологии, что справедливо и наоборот. Если мы утверждаем приоритет некоторых ценностей над другими, это уже является идеологией по факту, то есть иерархизированной системой идей, выстроенных согласно определенной логике.

Запрет на государственную идеологию и одновременное утверждение либеральной идеологии есть противоречие. Тут следует сказать, что в подавляющем большинстве конституций разных государств отсутствует подобного рода запрет на государственную идеологию. И, как правило, даже в странах, традиционно относимых к защитникам «всеобщего либерализма», в конституция помимо «прав и свобод человека» утверждается и другие ценности. Так во 2-й статье Договора о Евросоюзе наряду и наравне с ценностью «прав и свобод человека» записаны ценности равенства и демократии. В преамбуле Хартии Евросоюза по правам человека к ним добавлен ценностный принцип солидарности. При этом подчеркивается, что перечисляемые европейские ценности базируются на духовном, нравственном и историческом наследии народов Европы, т. е. вышли из лона европейской цивилизации.

Целый ряд государств в своих конституциях апеллирует не только к светским ценностям, но и к ценностям религиозного порядка, отдавая приоритет одной из религиозных традиций. Подробно об этом пишет историк В. Э. Багдасарян:

«Статусом официальной или государственной религии закреплены, например, позиции евангелическо-лютеранской церкви в конституциях скандинавских государств. Другим способом декларации об опоре государства на определенную религиозную традицию является указание на ее особую роль для соответствующего сообщества.

Король в Дании, Швеции и Норвегии должен, согласно конституционным текстам, обязательно принадлежать евангелическо-лютеранской церкви. В Греции восточно-православная церковь определяется как господствующая, в Болгарии – традиционная. Об особой поддержке государством римско-католической церкви заявляет, например, конституция Аргентины. Конституция Мальты устанавливает преференцию церкви толковать, «что справедливо и что ошибочно». Христианское религиозное учение предписывается к обязательному преподаванию в мальтийских школах. Перуанская конституция подчеркивает особую роль католической церкви как важного элемента исторического, культурного и морального формирования Перу. На особую историческую роль православия указывают конституции Грузии и Южной Осетии. Испанская конституция, заявляя с одной стороны, что никакое верование не могут иметь характера государственной религии, с другой предписывает органам публичной власти «принимать во внимание религиозные верования испанского общества и поддерживать вытекающие из этого отношения сотрудничества с Католической церковью и другими конфессиями» (т.е. поддерживать именно католицизм как религию большинства).

Особый тип конституций представляют конституции исламских государств. Определенные положения исламской религии прямо инкорпорированы в них в конституционные тексты. Основной низам королевства Саудовской Аравии прямо говорит, что настоящей конституцией страны является «Книга Всевышнего Аллаха и сунна Его Пророка». Земные законы рассматриваются как производные от божественных установлений. Производность законодательства из шариата является общей характерной особенностью исламских конституций.

О приверженности соответствующих государств буддизму заявляют конституции Бутана, Камбоджи, Лаоса, Мьянмы, Таиланда, Шри-Ланки. Конституция Шри-Ланки вменяет в обязанность государству обеспечение защиты и изучения населения учения Будды.

Из светских идеологий чаще всего конституции стран мира заявляют о приверженности социализму. Социалистический характер государства заявляется в конституциях Бангладеш, Вьетнама, Гайаны, Индии, Китая, КНДР, Кубы, Мьянмы, Танзании, Шри-Ланки»³⁵.

Нет ни одного состоятельного государства, которое бы не использовало идеологию для оправдания своего существования и объяснения той политики, которую проводят власть имущие. Идеология может быть как религиозной, так и светской. Иногда совокупность идей, обеспечивающих непрерывность развития и задающих ориентиры на будущее, называют национальной идеей³⁶. Более точно все же говорить о национальной идеологии, потому что это всегда достаточно сложная система разноплановых идей, объединенных в одно целое и продолжающихся изменяться во времени. Неверно также говорить, что после 1991 года у нас произошел отказ от идеологии вообще. Если верить конституции, выбор произошел в пользу либерализма (на практике вульгаризированного). Однако либеральная идеология в нашей стране не стала той основой, вокруг которой могли бы сплотиться разные группы населения, либеральные ценности не создали того культурного поля, в рамках которого могли бы вести диалог разные политические силы. Более того, доля либералов, то есть тех людей, для которых индивидуальные права и свободы являются высшей ценностью, в российском обществе невелика, согласно различным социологическим исследованиям она составляет от 3% до 7%. Конечно, многие признают либеральные ценности важными, но предпочтение отдают другим (среди них: справедливость, солидарность, порядок, патриотизм, стабильность и др.). Ситуацию, при которой между положениями конституции и реальными умонастроениями граждан лежит пропасть, вряд ли можно назвать нормальной.

Отказ от имперской парадигмы сопровождался не только отказом от имперской идеологии, но и децентрализацией, стремлением отдать

³⁵ Багдасарян В. Э. О запрете государственной идеологии в Конституции РФ. Режим доступа: <http://rusrand.ru/analytics/o-zaprete-gosudarstvennoj-ideologii-v-konstitutsii-rf>.

³⁶ Подробнее см. Багдасарян В. Э., Сулакшин С.С. Национальная идея как ценностный интегратор страны // Высшие ценности российского государства. М.: Научный эксперт, 2012. - С. 252 - 307.

региональным субъектам «столько суверенитета, сколько они смогут проглотить». Советское государство проникало почти во все сферы жизни человека вплоть до контроля за чистотой семейных отношений. Желание избавиться из-под опеки государства породило другую крайность: вытеснение его даже из тех сфер, где оно было жизненно необходимо. Но никакой другой полноценной силы, способной взять на себя груз решения проблем социальной координации и организации, не нашлось. В результате такой силой стал криминал. Под флагом «бандитских разборок» и переделов «зон влияния» прошли все 90-е годы. Криминальные структуры во многих случаях «подмяли» под себя региональную власть. Бандиты, захватившие власть в Чечне и объявившие о ее независимости, – наиболее одиозный и шокирующий, но симптоматичный пример. В других регионах взаимодействие властей и криминала проходило в более «цивильных» формах, хотя и в них без крови зачастую не обходилось. Первейшая задача государства – сдерживание насилия и не допущение беззакония, но для этого государство должно быть само достаточно сильным и готовым при необходимости к своевременным жестким мерам. Разгул преступности в 90-х годах – прямое следствие слабой и недееспособной центральной власти.

Вертикаль власть, укрепление которой стало отличительным признаком двух первых сроков В. В. Путина, не есть возврат к единоначалию, но насущная необходимость работающего управленческого аппарата. Основные негативные тенденции, связанные с этим процессом, заключались не в самом факте укрепления власти и государства, но в том, что усиление власти проходило не столько за счет подавления и ликвидации преступных или околокриминальных групп, сколько за счет инкорпорирования их во властные структуры. В определенном смысле само государство обрело полукриминальный характер. Но и в таком неблагоприятном состоянии оно оказалось более эффективным, чем в состоянии, при котором оно было «между жизнью и смертью». Произойдет ли очищение власти от людей, ориентированных исключительно на личную прибыль и собственный интерес – вопрос будущего, и одними репрессивными

мерами решить его не получится. Но ослаблением власти и вертикали управления не решить этой проблемы также. Эта проблема – проблема качества, а не количества. Выход – в повышении нравственных и профессиональных качеств тех, кто принимает решения и несет ответственность за них, а не в ограничении властных полномочий конкретных должностных лиц. Власть должна быть властью, то есть быть сильной, иначе на ее место приходит другая власть.

Уход государства из экономики также не привел к ее расцвету, ускоренному развитию за счет энергии инициативных предпринимателей, о котором так упоительно говорили сторонники рыночных преобразований. Право частной собственности в российских реалиях стало синонимом расхищения и разграбления собственности, бывшей ранее государственной. Приватизация стала «прихватизацией». Производственные мощности упали, целые отрасли промышленности оказались фактически выведены из строя. Российский рынок заполнили иностранные компании, многие предприятия оказались под их контролем. Отток капитала за рубеж, начавшийся тогда (по разным подсчетам в 90-х годах было вывезено от 400 до 800 и более миллиардов долларов³⁷) и не прекратившийся до сих пор (за 2013 года он составил 62,7 млрд. долл.), сродни выкачки крови из больного организма. Сельское хозяйство также впало в состояние глубокого кризиса. «Реформа разрушила весь микрокосмос сельской жизни и хозяйства. Связка сельсовета (государственной власти) и колхоза или совхоза (центра хозяйственной жизни) была осью, на которой опиралось жизнеустройство деревни»³⁸. Около 20 тысяч сельских поселений просто перестало существовать. Диверсификация экономики декларируется, но основные инвестиции по-прежнему идут в сырьевой сектор, а денег на остальные не остается. Плюс ко всему налицо небывалое социальное расслоение, вызывающее справедливое возмущение и

³⁷ См. Калабеков И. Г. Российские реформы в фактах и цифрах (справочное издание). - М.: РУСАКИ, 2007.

³⁸ Кара-Мурза С. Г. Народное хозяйство СССР. М.: Алгоритм, 2012. - С. 460.

недовольство оказавшихся за чертой бедности или близких к тому (согласно исследованию института социологии РАН от 2013 года³⁹ к категории бедных можно отнести от четверти до трети россиян).

В силу многих причин российская модель экономического развития всегда имела ряд специфических черт. Для описания этого типа экономики известный ученый О. Э. Бессонова использует термин «раздаточная»⁴⁰, конституируя ее принципиальную отличность от экономики рыночного типа. Определяющую роль в налаживании экономических связей и обеспечении эффективности работы хозяйственной системы в России играло на протяжении всей истории государство. Уход государства из экономики не создал, как полагалось, новые возможности для предприимчивых хозяйственников, а привел к разрушению всей системы. Система может быть трансформирована, но такая трансформация будет полезной лишь в том случае, если она не является «антисистемной», то есть уничтожающей базовые принципы, по которым система живет. В России же, как пишет профессор В. Н. Шевченко: «...высокоцентрализованное государство выступает если не единственным, то главным субъектом, ответственным за эффективность экономики и социальную обеспеченность миллионов людей. Крушение высокоцентрализованного государства ведет к разрушению социальной ткани общества, что грозит анархией, ставит под сомнение саму идею российской государственности, существование цивилизации как таковой»⁴¹.

Имперская парадигма позволяет обеспечить развитие без отрицания принципов, которые составляют костяк цивилизации. Империя – это политическое оформление цивилизационной идентичности. Само понятие «империя» не является обязательным для описания политической реальности, в которой утверждается цивилизационная неповторимость данного региона (оно

³⁹ ИС РАН: Бедность и неравенства в современной России. М, 2013. Режим доступа: <http://www.poisknews.ru/php/files/core/contentfile/contentfile/02/84/a0/full.pdf>

⁴⁰ См. Бессонова О.Э. Раздаточная экономика России: эволюция через трансформации. М, 2006.

⁴¹ Шевченко В. Н. Вектор развития российской цивилизации и политические стратегии российской власти // Российское государство: опыт философского прочтения (коллектив авторов). М.: Прогресс-Традиция, 2012. - С. 32.

вполне может быть заменено на термин «союз» или «интегративное государство»), но с точки зрения методологии этот термин представляется наиболее удачным, поскольку он позволяет показать историческую преемственность политических образований схожего типа. Кроме того, использование этого термина и его частичная реабилитация позволяет избежать нагнетания «антиимперских» чувств и настроений, которое, если оно случится опять, не закончится ничем созидательным и продуктивным, а приведет лишь к очередной дестабилизации и нарастанию хаоса. Это мнение разделяет политолог Б. В. Межуев: «И хотя я в ситуации нового разогрева антиимпериалистических чувств по всему миру предпочел бы не использовать слово «империя» в качестве брэнда своего политического проекта, я должен признать, что антиимперская мобилизация, если ее вновь с увлечением подхватит широкое общественное мнение, серьезно угрожает основам государственного бытия России, самому историческому существованию нашей цивилизации. Ибо само это существование, а тем более развитие, укрепление, и в самом деле потребует от нас определенных, хотя, надеюсь отнюдь не колоссальных, жертв»⁴².

⁴² Межуев Б. В. Антиимперская мобилизация. Русский журнал, 2006. Режим доступа: <http://www.russ.ru/Mirovaya-povestka/Antiimperskaya-mobilizaciya-2006>.

Глава 2. К вопросу о национальной идее и русской гражданской культуре.

Вопрос о гражданской культуре – о ее сущности, формах, принципах развития и региональной специфике – составная часть вопроса о человеке, о гражданине. Действительно, сложно представить себе гражданскую культуру без граждан, без сообщества людей, сознательно участвующих в жизни общества и берущих часть ответственности за его судьбы на себя. Среди множества различных подходов к определению гражданственности, остановимся на том, который фокусирует свое внимание на проблеме нового человека⁴³, или иначе – на проблеме возрождения (или перерождения) гуманизма. В этом ракурсе проблема становления гражданской культуры – это, прежде всего, проблема становления гражданина и гражданского самосознания, после – тех или иных форм, с помощью которых через культуру в широком смысле этого слова гражданин выражает себя, свое понимание, свою позицию, свои желания и надежды.

Феномен культуры неотделим от феномена человечности, впрочем, равно и человек не мыслим без культуры. Эту идею удачно выразил французский культуролог Жан Мари Бенуа: «Культура – это специфика человеческой деятельности, то, что характеризует человека как вид. Напрасны поиски человека до культуры, появление его на арене истории надлежит рассматривать как феномен культуры. Она глубочайшим образом сопряжена с сущностью человека, является частью определения человека как такового»⁴⁴. Разговор о культуре невозможен без разговора о человеке. Разговор о политической культуре невозможен без разговора о человеке как существе политическом.

⁴³ Александр Зиновьев, касаясь этой проблемы, говорил следующее: «Я вижу единственную надежду для человечества в том, что появится новый человек. Я надеюсь на чудо рождения этого нового человека. Ведь все эти годы шла непримиримая борьба людей практичных, деловых, расчетливых, жестоких, эгоистичных против всего доброго и гуманного, что есть в нас с вами. Я очень хочу, чтобы новый человек выжил, это моя самая заветная мечта. Если он не выживет — человечество не выживет» (интервью, еженедельник «Российские вести», 22—29 марта 2006 г).

⁴⁴ Цитата по книге П. С. Гуревич. Культурология. М, 2010. Стр. 82-83.

Когда человек начинает сознавать себя субъектом политического и социального действия, когда он впервые понимает, что от него лично нечто зависит, что он не просто винтик, но и тот, кто способен изменить или поспособствовать изменению самого механизма, тогда рождается гражданин и вместе с ним гражданская культура.

Вернейший критерий успеха на этом пути – качество сознания. Ни наличие демократических институтов, ни режим правления, ни степень сбалансированности ветвей власти не могут служить такого рода однозначным критерием развитости начал гражданственности. Насажденные институты не впишутся органично в тело государства, обусловленное огромным неотчуждаемым историческим опытом. Режимы правления, сменяя один другой, вынуждены вбирать в себя черты предыдущего даже в ходе самых радикальных трансформаций, затрагивающих все слои и сферы общества. О чем свидетельствуют все революции, которые знало человечество. Революция оказывается настолько «прогрессивной», приближающей к светлому будущему, насколько люди оказываются готовы жить в нем и творить его своими руками. Привыкшие выживать в «аду», вряд ли построят «рай». Также и сбалансированность властей далеко не всегда идет об руку с высокой созидательной активностью граждан. Если утопии правового государства суждено осуществиться, то ее осуществление – не гарантия пробуждения того, что принято называть гражданским духом. Право регламентирует отношения между людьми, но не устремляет к цели. Любая культура, без сомнения и гражданская в том числе, есть преломление творческого начала в человеке, значит ее развитие подразумевает устремленность вперед – к новым горизонтам. В социальном смысле эти новые горизонты открываются «духом гражданства», который не может быть регламентирован, но который сам задает нормы. И хотя такие понятия как «дух» и «сознание» трудно определяемы, тем не менее, без них не подойти к проблеме человека и проблеме культуры. Ведь быть человеком – значит осознавать человеческое в себе и жить в соответствие с этим сознанием.

2.1. Национальное государство и гражданская культура

Развитие гражданского сознания и гражданского общества исторически связано со становлением института национального государства. Не всякое государство является национальным. Не всякая нация оформлена в политическом отношении, то есть далеко не всегда границы государства и нации совпадают. Когда мы говорим о нации, что мы имеем в виду? Для разъяснения этого термина воспользуемся дефинициями, которые дает известный британский философ и антрополог Э. Геллнер: «1. Два человека принадлежат к одной нации лишь только в том случае, если их объединяет одна культура, которая в свою очередь понимается как система идей, условных знаков, связей, способов поведения и общения⁴⁵. 2. Два человека принадлежат к одной нации лишь только в том случае, если они признают принадлежность друг друга к этой нации»⁴⁶. Два принципа конституируют нацию: «принцип культурной общности» и «принцип добровольности». Когда эти принципы становятся фундаментальными для общества, объединенного в одно государство, образуется *национальное государство*. Идеологией, которая отстаивает существование национального государства как лучшего способа интеграции человеческих сообществ (а значит легитимизирует его), является национализм. «Национализм — это прежде всего политический принцип, суть которого состоит в том, что политическая и национальная единицы должны совпадать»⁴⁷.

Национальное государство – явление историческое. Эпоха Модерна характеризуется вытеснением капиталистического типа производства всех остальных в экономике; преобладанием научного знания и научного мировоззрения в культуре (разум человека полагался всемогущим, способным решить любую проблему и найти ответ на любой вопрос); становлением

⁴⁵ Речь идет о национальной культуре. Не следует путать ее с другими формами культуры, которые могут носить как более широкий, так и более узкий характер.

⁴⁶ Геллнер Э. Нации и национализм. Глава I. Определения. Режим доступа: http://www.e-reading.me/bookreader.php/1019915/Gellner_-_Nacii_i_nacionalizm.html.

⁴⁷ Там же.

национального государства в политике, когда носителем власти выступает нация взамен суверенов-монархов. Цепь преобразований – в политике, экономике и культуре – неразрывна. Трансформации, которые произошли с обществами (изначально европейскими), носили системный характер, изменения в культуре порождали изменения в экономике (Реформация создала новый тип человека, видевшего спасение в достижении материального благополучия, она создала капиталиста, обеспечив нравственное оправдание его делу), изменения в экономике подстегивали изменения в культуре (капитализм заинтересован в развитии наук и потому финансировал их), экономика и культура делали неизбежными революции, радикальное переустройство социально-политической системы.

Национальное государство пришло на смену феодальным монархиям и утвердило ценность права как главного регулятора человеческих отношений. Важно понимать, что оно как явление неотделимо от других элементов единой системы: капитализма в экономике и пафоса рациональности в культуре. Национальное государство – продукт Модерна⁴⁸, оно родом оттуда, и прекращение Модерна влечет за собой закат национальных государств. Модерн постулирует право как высшую ценность, но самого права оказывается недостаточным, чтобы национальное государство существовало как самостоятельная единица. Таковым оно становится лишь благодаря национальной культуре, которая скрепляет сознания индивидов через приобщение их к общим нормам, традициям и смыслам. Заслуга Модерна в том, что он впервые сделал возможным появления на свет человека, понимающего и знающего себя как независимого от монарха, помещика, государства или церкви, человека, способного и готового мыслить самостоятельно. Человек, который выстраивает свои отношения с государством

⁴⁸ Существуют разные концепции, описывающий феномен модернизации. Одна из наиболее аргументированных принадлежит Э. Гидденсу. См., например, его работу «The consequences of Modernity» (Cambridge Polity Press, 1990).

не на принципе беспрекословного подчинения, а сознавая свои права (равно как и обязанности), такой человек уже не подданный, а гражданин.

Понятие «гражданин» пришло из Древнего Рима, в котором гражданин (*civis*) – свободный житель города, обладающий полнотой прав и принимающий непосредственное участие в делах города, решении важнейших его проблем. В русский язык современное значение слова «гражданин» было введено в конце XVIII в. Радищевым – «лицо, принадлежащее к населению какого-либо государства, пользующееся определенными правами», а также «человек, служащий родине, народу, заботящийся об общественном благе»⁴⁹. Начиная с Радищева, в русской культуре закрепилось двоякое значение за этим словом: с одной стороны, гражданин – тот, кто обладает неотчуждаемыми правами, а потому и достаточной долей свободы относительно государства, с другой стороны, гражданин не может быть равнодушен к бедам и горестям народа, он *обязан* думать и заботиться о жизни общества, неотъемлемым членом которого он является. Второй аспект понятия налагал требования этического порядка на всякого, кто претендовал на статус гражданина.

Благодаря национальному государству появились условия, при которых гражданское общество могло обнаружить себя. Но само понятие «нация» стало необходимым именно потому, что на смену старой идентичности («мы – поданные одного короля», «мы – католики») должна была прийти новая, при которой каждый имел право на свободу вероисповедания и право самостоятельно определять свою судьбу (а не по указке монарха). Принятие конституции для формирования новой идентичности было недостаточно. Право не позволяет обнаружить специфику той или иной страны, того или иного народа. Все конституции схожи между собой. Главная роль в деле формирования новой идентичности принадлежала национальной культуре и национальному языку как средству коммуникации носителей этой культуры. Через культуру задавались ориентиры для будущего, определялись ключевые

⁴⁹ Этимологический словарь русского языка. М.: Русский язык от А до Я. Издательство «ЮНБЕС». Москва, 2003. режим доступа: <http://enc-dic.com/semenov/Grazhdanin-597.html>

ценности, разделяемые представителями данной нации и с помощью нее же вызревал определенный образ прошлого, общего исторического пути данного народа. Для англичанина одним из символов, олицетворяющих историю его страны и выступающих на страже преемственности поколений, является королевская семья, уже давно не обладающая действительными властными полномочиями. Королева Великобритании – символ, а не монарх. Французы ежегодно празднуют день взятия Бастилии, символизирующий Великую французскую революцию. Несмотря на жестокости и трагизм хода революции, французы дают себе отчет в том, что без нее не было бы современной Франции. Для американцев национальным праздником стал день независимости (4 июля). Подобные даты и символы есть у каждой нации, национальная символика всегда разнообразна и многоуровневая, она усваивается подсознанием человека с детских лет. Национальные символы всегда специфичны (их не найти у других наций), они передают особые смыслы, вплетаясь в общее полотно культуры, в процессе приобщения к которой и формируется национальное сознание.

Однако национальные ценности всегда ограничены. «Что русскому хорошо, то немцу смерть», – гласит известная пословица. Национальная культура – локальная культура, пределы ее распространения определены достаточно четко. И выйти за эти пределы она не в силах, так как в этом случае она сталкивается с другой национальной культурой, приоритетом над которой она не обладает. Национализм, выдвигая идею нации как высшей формы общественного единства, закрывает перспективы для более обширных форм такого единства.

Более того, национализм зачастую противопоставляет интересы одной нации интересам других. На этой почве прорастает национальный эгоизм. Этот эгоизм не позволяет человеку взойти на следующую ступень на лестнице идентичности, осознать себя членом всего человечества, отыскать те ценности, которые можно было бы назвать общечеловеческими. В этом есть отступление

назад⁵⁰, если сравнивать сознание религиозного человека и сознание человека светского, являющегося патриотом, защитником национальных интересов. Любая из традиционных религий претендует на общемировую значимость, и ценности, которая она утверждает, для религиозного человека выступают в качестве вечных ценностей, необходимость принятия которых существует для каждого независимо от пола, раса, этнической или национальной принадлежности. Поэтому религии могли и были опорой для традиционных империй, ведь империя подразумевает существование наднациональных ценностей, разделяемых населением империи. Такое отступление от общечеловеческого к национальному дало простор человеку и вариативность для его выбора. Религии оказались слишком различны и непримиримы друг с другом, чтобы утвердить действительно общечеловеческое учение. Но проблема поиска общечеловеческих ценностей и идеалов от этого не ушла. И процесс глобализации вновь выносит ее на повестку дня.

Модерн выдвинул ценность права как универсального принципа, того принципа, который должен лежать в основе мирового порядка. Безусловно, идея неприкосновенности основных прав человека – великая идея. Но она не позволяет решить ряд важнейших проблем, перед которыми сегодня встало человечество. Право дает возможность, оно позволяет человеку совершать осознанный выбор, но оно не дает идеала, в том числе идеала совершенного или совершенствующегося человека. Модерн создал нового человека, существенно отличного от человека традиционного. «Продуктом модернизационного развития стал, прежде всего, новый человек – целерациональный, смотрящий на свою жизнь как на путешествие, которое он тщательно планирует»⁵¹. Но такой тип человека уходит сейчас даже в Европе, прародине Модерна. И он не прижился в странах другой – неевропейской – культуры. Оказалось, что иррациональное не менее значимо, чем рациональное.

⁵⁰ «Национализм должен быть осужден христианской церковью как ересь», - считал Н. А. Бердяев, имея в виду крайние формы национализма (Бердяев Н. А. Христианство и антисемитизм. режим доступа: <http://www.vehi.net/berdyaev/ant2.html>)

⁵¹ Федотова Н. Н. «Изучение идентичности и контексты ее формирования». М, 2012. - Стр. 117.

Долгое время сохранилась надежда на то, что наука сможет дать ответы на волнующие вопросы о человеке и «правильном» обустройстве социальной жизни. Претендуя на научность, такие ответы попытался дать марксизм, но история показала, что теория Маркса оказалась, как минимум, не полна. Незавершенность, предполагающая дальнейшее развитие вплоть до пересмотра ключевых идей, присуща большинству научных теорий. Но когда теория превращается в идеологию, всякая критика идей начинается рассматриваться приверженцами этой идеологии как политический акт и потому критика подавляется или не замечается, что в конечном счете вредит, в первую очередь, самой теории. Научная истина добывается со временем и эволюция научных идей – процесс незавершенный. Идеология, апеллирующая к науке, не стала и не могла стать фундаментом для построения долгосрочного наднационального пространства смыслов, способного объять все человечество.

Тем не менее, опыт существования Советского Союза показателен и ценен. Это есть опыт отхода от традиционной религии (и даже воинственности в отношении нее), но при этом также опыт сохранения сверхнациональных целей и единства тела империи, без которой реализация таких целей невозможна. Русская революция была революцией против неизжитых порядков традиционного общества, но она не создала национального государства. Пролетариат и крестьянство пошли за большевиками и избрали для себя иной путь, нежели западные народы. Этот путь был одновременно путем Модерна (предполагавшего индустриализацию, рост научного знания, урбанизацию и т. п.) и в то же время он был альтернативой классической модернизации. Это был путь некапиталистического развития и это был путь не-национального государства. Множество причин обусловило этот выбор.

В начале XX века Россия стояла на перепутье, по какому пути она пойдет, тогда не знал наверняка никто. К 1917 году уровень социального напряжения достиг точки кипения, и только срочные меры позволили предотвратить распад и анархию в стране. Не одна из политических сил кроме большевиков не видели впереди ясной цели (без которой восстановить единство страны не

удалось) и того, как эта цель соотносится с политической практикой, нуждой распутывать клубок накопившихся социальных противоречий. Вот как характеризует эту ситуацию профессор И. К. Пантин: «...большевики овладели властью в октябре 1917 года благодаря вакууму в стране: и монархисты, и кадеты, и меньшевики, и правые эсеры показали себя неспособными решать общенародные, общегосударственные проблемы - кончить войну, провести аграрную реформу, консолидировать огромную полиэтническую и поликонфессиональную страну»⁵². Классическая схема модернизации оказалось неприменимой к российским реалиям. Но в то же время нельзя говорить, что революция 1917 года породила посткапитализм, социально-экономическую формацию высшего порядка. Она решила проблемы схожие с теми, с которыми сталкивались и другие народы при выходе из Премодерна, но сделала это совершенно иначе. «В этой связи по-новому предстает такое событие как Октябрьский политический переворот 1917 г. Его предпосылки заключались не в том, что капитализм в России якобы исчерпал все ресурсы развития – совсем напротив, он быстро рос и в нашей стране, и на Западе, – а в невозможности преодолеть с помощью буржуазного развития старые, идущие от крепостнического прошлого и новые, связанные с особенностями российского капитализма, диспропорции и антагонизмы»⁵³.

Русская революция создала прецедент. Другие страны в Средней Европе, Африке и Азии в ходе революций также избрали дорогу социализма, среди них был и Китай. В связи с нашей темой эта страна представляет особый интерес, поскольку Китай как и Россия – это наднациональное государство. Китай – самая древняя империя в мире (сегодня в Китае более 55 национальностей, 5 автономных районов, дополнительное разнообразие вносит большое количество диалектов в китайском языке). Он демонстрирует свой неповторимый путь развития, в котором переплетаются капиталистические,

⁵² Пантин И. К. Российская история - Русская революция. Политико-философский ежегодник. Выпуск шестой. ИФ РАН, М, 2013. - Стр. 107.

⁵³ Там же. Стр. 109.

социалистические и неповторимые традиционно-китайские (обусловленные его культурой и историей) элементы. Пример Китая лишний раз подтверждает тезис о поливариативности развития и показывает насколько важным является умение отыскать модель развития, подходящую данному народу в данных конкретных исторических условиях.

Национальная парадигма позволила многим народам найти свой путь в обновляющемся мире. Главное, она позволила гражданскому сознанию, стесненному устоями Премодерна, высвободиться и распространиться, захватить массы. Но отождествлять гражданское общество и институт национального государства неверно. Национальное государство – форма, через которую сообщество граждан достигает солидарности. Возможны, существовали и существуют другие формы, через которые граждане также достигали солидарности. Только отсутствие гибкости мышления делают связку «национальное государство – гражданское общество» нерушимой. Из необходимости развития гражданских начал в современной России вовсе не следует неизбежный вывод о необходимости построения национального государства. Гражданская культура сама определяет те формы, в которых народ решает продолжать свое историческое существование.

2.2. Национальная идея как идея имперская (из истории русской мысли)

Однако, если мы все же задаемся целью построить национальное государство, а значит и создать российскую нацию, то каковы те культурные основания, за счет которых российская нация будет существовать как нечто цельное? Если же мы собираемся возродить империю, то каковы те универсальные принципы, за счет которых образуется новый имперский порядок? Формулированием таких оснований занимались многие российские философы, и многие из таких формулировок актуальны и по сей день. При внимательном анализе их, мы можем увидеть, что вышеупомянутая дихотомия «имперского-национального» для ряда из них никогда не существовала.

Многие из дореволюционных философов понимали призвание русского народа в религиозном ключе. Так понимал ее В. С. Соловьев: «Русская идея, исторический долг России требует от нас признания нашей неразрывной связи с вселенским семейством Христа и обращения всех наших национальных дарований, всей мощи нашей империи на окончательное осуществление социальной троицы, где каждое из трех главных органических единств, церковь, государство и общество, безусловно свободно и державно, не в отъединении от двух других, поглощая или истребляя их, но в утверждении безусловной внутренней связи с ними. Восстановить на земле этот верный образ божественной Троицы – вот в чем русская идея. И в том, что эта идея не имеет в себе ничего исключительного и партикуляристического, что она представляет лишь новый аспект самой христианской идеи, что для осуществления этого национального призвания нам не нужно действовать против других наций, но с ними и для них, – в этом лежит великое доказательство, что эта идея есть идея истинная»⁵⁴. Для Соловьева русская идея – эта трансформа христианской идеи, которая в сущности есть идея единства и социальной гармонии человечества и которая понимается им как миссия (общечеловеческое призвание), а не как утверждение национальной исключительности или защита национальных интересов в ущерб интересам других наций.

Для Ф. М. Достоевского русская идея – это идея всемирности и всечеловечности. Для него «сила духа русской народности» есть «стремление ее в конечных целях своих ко всемирности и ко всечеловечности»⁵⁵. «У нас всех есть твердая и определенная национальная идея; именно национальная. Следовательно, если национальная идея русская есть, в конце концов, лишь всемирное общечеловеческое единение, то, значит, вся наша выгода в том, чтобы всем, прекратив все раздоры до времени, стать поскорее русскими и

⁵⁴ Соловьев В. С. Русская идея. Режим доступа :<http://www.vehi.net/soloviev/russianidea.html>

⁵⁵ Достоевский Ф. М. Пушкинская речь. Режим доступа: http://az.lib.ru/d/dostoewskij_f_m/text_0340.shtml

национальными»⁵⁶. Быть русским означало для Достоевского стремиться ко всемирному или, как сказали бы сейчас, глобальному. Но это не растворение в глобальном, в другой цивилизации, это поиск своего слова, своего ответа на вопрос о том, как должно происходить воссоединение человечества, на каких принципах оно должно базироваться. «Мы и не можем быть европейцами... мы не в состоянии втиснуть себя в одну из западных форм жизни, выжитых и выработанных Европою из собственных своих национальных начал, нам чуждых и противоположных, – точно так, как мы не могли бы носить чужое платье, сшитое не по нашей мерке. Мы убедились наконец, что мы тоже отдельная национальность, в высшей степени самобытная, что наша задача – создать себе новую форму, нашу собственную, родную, взятую из почвы нашей, взятую из народного духа и из народных начал»⁵⁷. Не вхождение в Европу, но обретение своего лица и через это нахождение внутри себя всечеловеческого. «Новое слово», которое предназначено сказать русскому народу, будет «заветом общечеловеческого единения», «соединения всего человечества новым, братским, всемирным союзом, начала которого лежат в гении славян, а преимущественно в духе великого народа русского, столь долго страдавшего, столь много веков обреченного на молчание...»⁵⁸.

Своеобразное понимание России и ее места в мире мы встречаем у Н. Я. Данилевского, основателя теории культурно-исторических типов, на несколько десятилетий опередившего в этом западную науку в лице таких ее представителей, как немец О. Шпенглер и англичанин А. Тойнби. Данилевский доказывает принципиальную отличность русской цивилизации от европейской. Он утверждает, что Россия «не питалась ни одним из тех корней, которыми всасывала Европа как благотворные, так и вредоносные соки непосредственно из почвы ею же разрушенного древнего мира, – не питалась и теми корнями,

⁵⁶ Достоевский Ф. М. Дневник писателя. Режим доступа: http://az.lib.ru/d/dostoewskij_f_m/text_0480.shtml

⁵⁷ Там же.

⁵⁸ Достоевский Ф. М. Признание славянофила. 1878. Режим доступа: http://russidea.rchgi.spb.ru/libruss/pdf_txt/37_Dostoevsky.pdf

которые почерпали пищу из глубины германского духа»⁵⁹. В силу иных истоков она «не причастна ни европейскому добру, ни европейскому злу»⁶⁰. Поэтому: «Ни истинная скромность, ни истинная гордость не позволяют России считаться Европой»⁶¹. Россия по Данилевскому – самостоятельный культурно-исторический тип, не сводимый ни к одному из бывших и нынешних. Русская (и славянская) культура еще не достигла своего апогея (период расцвета культурно-исторического типа Данилевский называет цивилизацией), а значит русская цивилизация еще не явила себя миру, ей только предстоит это сделать. Необходимым условием для того, чтобы это произошло, он считает единство славян. Задачу такого единения он формулирует предельно категорично: «Итак, для всякого славянина: русского, чеха, серба, хорвата, словенца, болгар (желал бы прибавить, и поляка), – после Бога и Его святой Церкви, – идея Славянства должна быть высшею идеей, выше свободы, выше науки, выше просвещения, выше всякого земного блага, ибо ни одно из них для него недостижимо без её осуществления, – духовно-народно – и политически-самобытного, независимого славянства; а напротив того, все эти блага будут необходимыми последствиями этой независимости и самобытности»⁶². Позицию Данилевского можно назвать оборонительной, его главная цель – сохранение неповторимости того культурно-исторического типа, которой представляет собой Россия и связанные с ней славянские народы.

Если у Достоевского и Соловьева мы наблюдаем приверженность мессианизму, то есть веру в то, что русский народ призван выполнить особую миссию и тем существенно повлиять на ход исторического процесса, то у Данилевского исключительность русского народа – это данность, которую следует оберегать, вопроса о будущем и единении человечества как перспективы, просматриваемой впереди, он не ставит. Но также как у

⁵⁹ Данилевский Н. Я. Россия и Европа. Режим доступа:
http://az.lib.ru/d/danilewskij_n_j/text_1869_rossia_i_europa.shtml

⁶⁰ Там же.

⁶¹ Там же.

⁶² Там же.

Достоевского и Соловьева собственно национальное, то есть то, что позволяет говорить о сущностных отличиях от других народов, у Данилевского сопряжено с имперским, то есть тем, что выводит народ за пределы собственных границ и соединяет его с другими народами (в данном случае славянами). Соединяет не только в культурном, но и политическом отношении. Спасение мыслителю видится в создании славянами федерации, которая в зависимости от внешних угроз могла бы принимать «форму союзного государства, союза государств или просто политической системы»⁶³.

Весьма определено в том, что касается своего отношения к имперскому, высказывался другой видный русский философ И. А. Ильин, называвшей себя националистом: «Россия никогда не была односоставным простым народным массивом и никогда не будет им. Она была и будет Империей, единством во множестве, государством пространственной и бытовой дифференциации и в то же время – духовного единения»⁶⁴. И одновременно с этим будущую Россию он видел как национальную Россию. Что есть национализм для Ильина? «Национализм есть любовь к историческому облику и творческому акту своего народа во всем его своеобразии. Национализм есть вера в инстинктивную и духовную силу своего народа, вера в его духовное призвание. Национализм есть воля к тому, чтобы мой народ творчески и свободно цвел в Божием саду. Национализм есть созерцание своего народа перед лицом Божиим, созерцание его души, его недостатков, его талантов, его исторической проблематики, его опасностей и его соблазнов. Национализм есть система поступков, вытекающих из этой любви, из этой веры, из этой воли и из этого созерцания»⁶⁵. Философ совмещает в своем мировоззрении интерпретируемый таким образом национализм и имперскую идею, он снимает противоречие между имперским и национальным, для него быть националистом означает быть сторонником империи.

⁶³ Там же.

⁶⁴ Ильин И. А. Наши задачи. Собр. соч. Т. 2. Кн.1. С. 195.

⁶⁵ Ильин И. А. О русском национализме. Режим доступа: http://old-ru.ru/articles/art_10.htm

В 1920-30-е годы в среде русской эмиграции сложилась целая школа русской геополитики и философии, отстаивавшей свое видение предназначения России. В целом настроения членов евразийского кружка (в него первоначально входили Трубецкой Н. С., Савицкий П. Н., Флоровский Г. В. и Сувчинский П. П.) можно назвать проимперскими (хотя термин империя, как правило, представителями этой школы не использовался). Одной из главных своих задач они ставили выявление тех культурных основ, на которой стояло здание русской государственности. Согласно Трубецкому идеал евразийского государства – это идеократическое государство. «В отличие от демократического государства, которое не имеет собственных убеждений, поскольку его правящий слой состоит из членов различных партий, идеократическое государство имеет свою систему убеждений, свою идею-правительницу, носителем которой является объединенный в одну – единственную государственно-идеологическую организацию правящий слой. Поэтому оно должно само активно организовывать все стороны жизни и руководить ими. Идеей-правительницей подлинно идеократического государства, по Трубецкому, может быть только идея, направленная на благо всей совокупности народов, населяющих данный автаркический мир, служащая их развитию и процветанию»⁶⁶. Построение идеократического государства полагалось евразийцами русским национальным смыслом. Идеи евразийцев получили широкое распространение и множество толкований, к евразийцам примкнули видные эмигрантские ученые (Г. В. Вернадский, Н. Н. Алексеев, Р. О. Якобсон, Л. П. Карсавин, В. Э. Сеземан, Д. П. Святополк-Мирский и др.). Особое место в истории евразийской мысли занимает концепция этногенеза, разработанная историком Л. Н. Гумилевым, через призму которой он также стремится объяснить своеобразие России как евразийской державы.

⁶⁶ Степанов Н. Ю. Национально-государственный идеал в представлениях евразийцев 1920-1930 гг. Национальная идея на европейском пространстве в XX веке. М, Институт всеобщей истории РАН, 2005. - С. 68.

Наиболее полно и глубоко концепцию русской идеи разрабатывал Н. А. Бердяев. На его взгляд, «русский народ – религиозный по своему типу и по своей душевной структуре»⁶⁷. Религиозный – не значит приверженный одной религии, одной конфессии, русская религиозность проявляется и в русском атеизме, как бы не казалось это парадоксальным. В типе религиозности содержится ключ к пониманию национального характера русских. «Русская идея – эсхатологическая, обращенная к концу. Отсюда русский максимализм. Но в русском сознании эсхатологическая идея принимает форму стремления ко всеобщему спасению»⁶⁸. По Бердяеву, русский народ – это мессианский народ (здесь он идет в след за Ф.М. Достоевским и В. С. Соловьевым), призванный сыграть решающую роль в мировой истории, так как только в России может быть решен ее [мировой истории] главный вопрос – о синтезе культур Востока и Запада. Национализм и мессианизм не отрицают друг друга. «Национализм и мессианизм соприкасаются и смешиваются. Национализм в своем положительном утверждении, в моменты исключительного духовного подъема переливается в мессианизм»⁶⁹. В работе «Философия неравенства» Бердяев проводит различие между национализмом стихийным и творческим национализмом. Стихийный национализм для философа ассоциируется с выплеском сильных эмоций, низшими страстями и расовыми инстинктами человека. Он иррационален по своей природе и это дурная иррациональность, которая легко используется манипуляторами. В своей конечной форме он обращается в «зоологический национализм», культивирующий враждебное отношение к другим народам и родовое превосходство над ними. Надежду Бердяев возлагает на творческий национализм. «России необходимо мужественное национальное сознание. Необходима творческая работа мысли,

⁶⁷ Бердяев Н. А. Русская идея. Глава X. Режим доступа: <http://philologos.narod.ru/berdyayev/berd-rusidea.htm#10par4>

⁶⁸ Там же.

⁶⁹ Бердяев Н. А. Национализм и мессианизм. Судьба России. режим доступа: http://krotov.info/library/02_b/berdyayev/1918_15_11.html

которая произведет расчленение, прольет свет на русскую тьму»⁷⁰. Творческий национализм предшествует пробуждению мессианского сознанию, которое находится как бы в другом измерении, для того, чтобы оно проснулось, требуется творческая работа по осмыслению своего национального бытия. Русская идея отчасти содержится и в идеологии советского коммунизма. «Русский коммунизм есть извращение русской мессианской идеи. Он утверждает свет с Востока, который должен просветить буржуазную тьму Запада. В коммунизме есть своя правда и своя ложь. Правда – социальная, раскрытие возможности братства людей и народов, преодоление классов; ложь же – в духовных основах, которые приводят к процессу дегуманизации, к отрицанию ценности человека, к сужению человеческого сознания, которое было уже в русском нигилизме. Коммунизм есть русское явление, несмотря на марксистскую идеологию. Коммунизм есть русская судьба, момент внутренней судьбы русского народа. И изжит он должен быть внутренними силами русского народа. Коммунизм должен быть преодолен, а не уничтожен. В высшую стадию, которая наступит после коммунизма, должна войти и правда коммунизма, но освобожденная от лжи»⁷¹. Мессианизм есть свойство национального духа, но он предполагает выход за границы национального в сверхнациональное, ко всеобщему. А такой выход к универсальному в политическом осуществляет империя. «Россия – величайшая в мире сухопутная империя, целый огромный мир, объемлющий бесконечное многообразие, великий Востоко-Запад, превышающий ограниченное понятие индивидуальности. И поскольку перед Россией стоят мировые империалистические задачи, они превышают задачи чисто национальные. Так было в древности в римской империи, так в новое время стоит вопрос в империи Великобританской. Великая империя должна быть великой

⁷⁰ Бердяев Н. А. Национализм и мессианизм. Судьба России. Режим доступа: http://krotov.info/library/02_b/berdyayev/1918_15_11.html

⁷¹ Бердяев Н. А. Русская идея. Глава X. Режим доступа: <http://philologos.narod.ru/berdyayev/berd-rusidea.htm#10par4>

объединительницей, ее универсализм должен одаряюще обнимать каждую индивидуальность»⁷².

Классикам русской философии вторят многие из современных мыслителей, также защищая имперскую идею. Ряд аналитиков именно в советском строе видят лучшую модель решения национального вопроса. По мнению С. Е. Кургиняна, «ни одна русская империя не была выстроена так разумно, как империя советская, коммунистическая. Ибо она не закладывала в свое основание межконфессионального конфликта. Она поднимала светскую идеологию над конфессиональными распрями и уравнивала конфессии. И она дышала пафосом развития, прогресса»⁷³. Такая позиция небезосновательна, но следует признать тот факт, что в конечном счете советская идеология оказалась неспособна удерживать народы в одном государстве, она перестала удовлетворительно объяснять людям, «почему нужно жить вместе».

Известный современный политолог и философ А. Г. Дугин, продолжая традиция евразийства и переосмысливая их в новом ключе, считает, что призвание России – это строительство евразийской империи. Именно в этот он видит залог будущего преуспевания как России, так и остальных государств постсоветского пространства. «Я считаю, – говорит философ в одном из интервью, – что только обращение к историческим, культурным и духовным корням спасет Россию. Империя – это всегда толерантность, это всегда терпимость к меньшинствам. Этот момент мы всегда забываем, чего не стоит делать. <...> Самый лучший вариант для нас – это построение евразийской государственности, евразийской империи, где этнические и религиозные группы будут защищены законодательно»⁷⁴. Важно подчеркнуть, что империю А. Г. Дугин рассматривает не исторически, то есть не как конкретно данный в истории образец в соответствии с которым следует выстраивать

⁷² Бердяев Н. А. Национализм и империализм. Судьба России. Режим доступа: http://krotov.info/library/02_b/berdyayev/1918_15_12.html

⁷³ Кургинян С. Е. Империя - спасение от национализма? Режим доступа: <http://www.kurginyan.ru/publ.shtml?cmd=art&theme=10&auth=&id=1952>.

⁷⁴ Дугин А. Г. Империя - это всегда терпимость к меньшинствам. Интервью. Режим доступа: <http://kavpolit.com/imperiya-eto-vsegda-terpimost-k-menshinstvam/>

государственную политику, но технически, то есть как набор определенных методов, используя которые достигается общность народов, управляемых из одного центра. «Проект же империи, как раз, близок к тому, что сейчас делает Евросоюз. Если воспринимать империю технически, как это делаю я, можно назвать ее и союзом. То есть империя, это сохранение этнокультурного многообразия при единой централизованной системе управления»⁷⁵. Проект Евразийского Союза во многом отвечает духу высказываемых А. Г. Дугиным предложений.

Понятие империи используется не только для описания прошлого или проектирования будущего, но и для характеристики российского настоящего. Так утверждается наличие многих имперских черт у современной российской системы власти. Иногда это делается в отрицательном контексте, но далеко не всегда. Примечательны в этом отношении слова директора Центра общественных наук при МГУ профессора Ю. М. Осипова: «Больная, может быть, сегодня, ослабленная, невразумительная, но ведь империя, ибо не империей такая страна быть просто не может, потому что не страна это, а целый мир: сложный, разнообразный, «суперский». Здесь все супер, все сверх – что территория, что народонаселение, что общество, что цивилизация, что государство. Попробуйте охарактеризовать все российское в обычных, среднеразмерных и однокачественных терминах – ничего не выйдет, – так и захочется перейти на супер-, на сверх-, а потому, что тут спорить: имперскость России – онтологический факт!»⁷⁶. В данном случае имперскость конституируется как неотъемлемый атрибут российского бытия. Быть собой для России означает быть империей: то есть быть большим Миром, в котором сосуществуют бок о бок отличные друг от друга миры.

Можно было бы привести высказывания и многих других мыслителей, полагающих связь между национальным и имперским для русских неразрывной. Но и названных имен достаточно для того, чтобы согласиться с

⁷⁵ Там же.

⁷⁶ Осипов Ю. М. Империя Россия // Философия хозяйства. - 2005. - № 6. - С. 247-248.

тем, что понимание национального как имперского и имперского как национального – одна из магистральных линий мысли внутри русской культуры. Русские коммунисты (подтверждением чему служит не столько их теория, сколько практика), русские консерваторы, евразийцы и религиозные философы – все с разных позиций защищали имперскую идею, не отделяя национальное самосознание от имперского, под имперским понимая, в первую очередь, стремление к универсальному, всечеловеческому, единству Востока и Запада. Особняком стоят только русские либералы, но и среди них можно найти защитников имперской идеи. К последним можно отнести таких видных мыслителей как П. Б. Струве⁷⁷ и М. Н. Каткова⁷⁸. «Антиимперские» настроения в истории русской мысли были характерны лишь для части (хотя весьма влиятельной) русских либералов⁷⁹. Но важнее другое. Русский народ на протяжении последних пяти столетий⁸⁰ строил имперское государство, посредством него определял свою историческую судьбу и с помощью него защищал свои интересы. Нельзя отделить государство от жизни народа. Они – народ и государство – неотделимы друг от друга. Традиции русской государственности есть во многом и традиции русской жизни. Есть такие традиции, от которых следует отказаться, но есть и те, в которых запечатлен

⁷⁷ См. Толстенко А.К. «Национальная империя» Петра Струве и Михаила Меньшикова// Вопросы национализма. №9, 2012. С.130-139.

⁷⁸ См. Кантор В. К. О судьбе имперского либерализма в России (М. Н. Катков) // Философские науки, 2007. № 2. - сс. 66-91.

⁷⁹ «Антиимперским» является несомненно и русский анархизм (среди основных идеологов которого М. А. Бакунин, П. А. Кропоткин и Л. Н. Толстой, развивавший свое принципиально отличное от вышеупомянутых учение), но анархизм - явление не только антиимперское, но и антигосударственное, поэтому рассматривать его в качестве содержащего некую альтернативу российского государственной жизни совершенно бессмысленно.

⁸⁰ Символом начала имперской жизни служит собор Василия Блаженного (он же собор Покрова Пресвятой Богородицы), красующейся на Красной площади. Он был построен в честь взятия Казани в 1552 году. Присоединение Казани и включение Казанского ханства в состав Московского государства - это и есть начало становления Российской Империи, окончательно оформившейся как таковой при правлении Петра Великого. Казанское ханство того времени (16-го века) — это пространство иной культуры, иной религии и иного уклада быта, сосуществование русского мира с этим пространством в рамках одних границ есть уже имперская жизнь. Взятие Казани открыло путь на Восток - в Сибирь. Чем и воспользовался Ермак со своим войском. Позже Петр «прорубил окно» в Европу, и тем окончательно определил статус России как державы евразийской, то есть имеющей выход и на Восток и на Запад. Собор Василия Блаженного символизирует начало имперской жизни России, но он же является и одним из самых узнаваемых национальных символов, что лишний раз подтверждает тот факт, что имперское и национальное у русских никогда не противопоставлялись.

бесценный опыт многих и многих поколений, которые осуществляют связь времен и потому принадлежат не только прошлому, но и будущему. К таким традициям относится и традиция имперской культуры, поверх всех различий и многообразия несущей мир и порядок.

2.3. Феномен имперского сознания

Ошибкой было бы окрашивать любую «имперскость» в розовый цвет. Имперское сознание в том виде как оно нам известно в исторической данности – явление достаточно противоречивое и неоднородное. Попробуем выделить некоторые основополагающие черты, позволяющие говорить о феномене имперского сознания в его отличии от иного.

Для имперского сознания характерна ориентация на «общее благо», чтобы при этом под ним не понималось. Частное благо и личные интересы с точки зрения подобно образом ориентированных людей – вещь подчиненная или соподчиненная, но никогда – превалирующая.

Ни уютной тепленькой сырости,
ни сгибающим спину годам,
ни мещанской постыдной сытости
Революцию я не продам!

(Е. Евтушенко. «Разговор с революцией»)

Здесь в роли «высшего блага» выступает революция. Но «благо» может трактоваться очень по-разному.

Доминанта общего над частным может перерасти в чувство превосходства имперообразующего народа над колониальным населением.

Твой жребий — Бремя Белых!

Как в изгнанье, пошли

Своих сыновей на службу

Тёмным сынам земли.

На каторжную работу —

Нету её лютей —

Править тупой толпою

То дьяволов, то детей.

(Р. Кипплинг. «Бремя Белых»)

В этом случае «общее благо» понимается в первую очередь как благо данного народа. Тогда акцент подчинения частных интересов общим смещаются в сторону подчинения интересов завоеванных народов интересам их завоевателей. Это особенно характерно для колониальных империй вроде Британской, о нелегком бремени солдат и колонизаторов которой и идет речь в знаменитом стихотворении Кипплинга. Справедливости ради, нужно сказать, что колонизаторы ко всем ужасам, которые они творили, принесли в «дикий мир» свою культуру, которая дала мощный толчок развитию народам, в особенности после достижения ими независимости. В отличии от колониальных империй в России «общее благо» понимали действительно как «общее», и тяжесть его претворения в жизнь не в последнюю очередь ложилась на русский – имперообразующий – народ. Бремя побед и поражений в имперских противостояниях в нашем случае – бремя, прежде всего, русских.

Имперское сознание грезит мечтой о достижении глобального единства, если не всего человечества, то значительной его части. Причем пути воссоединения и принципы устройства единого социального пространства могут видеться совершенно различно. От мирного плавного перехода до разовой полномасштабной войны, от утопии всеобщего равенства и братства до идеи «многоэтажного человечества», то есть разделения людей на «низших» и «высших», «достойных» и «недостойных». Приверженцы этой идеи явно показали свое отвратительное лицо в немецком национал-социализме или гитлеризме.

К сожалению, подобные рода идеи, скрываясь под различными масками, живы до сих пор. В последние десятилетия правоэкстремистские группы на волне социальной демагогии и популизма усилили свои позиции в Италии, Франции, Австрии, Германии, Бельгии, Англии, Дании, Швеции. В некоторых странах предпринимаются попытки создания неофашистских ячеек в армиях. Фашистские партии принимают участие в избирательных кампаниях, в парламентских выборах. При этом они действуют зачастую при попустительстве, а то и при пособничестве властей.

Вот, что говорит по этому поводу ветеран Великой Отечественной войны, авторитетный исследователь социологии фашизма и неофашизма, доктор исторических наук А. А. Галкин: «Появился модернизаторский, если можно так выразиться, ревизионистский фашизм, который в какой-то степени дистанцировался от своего предшественника, даже позволял некую критику предшественника, но сохранял некие родовые черты фашизма. Ориентация на национальность, на нацию как инвариант и основную движущую силу развития человеческого общества, и активное неприятие всего того, что выходило за понятие нации, попытка решить социальные проблемы в рамках этих ценностей. Это было так называемое модернизаторское направление, и оно одержало верх в результате конкуренции между традиционным, фундаменталистским фашизмом и новым фашизмом. И это характерно для сегодняшнего фашистского движения в Западной Европе. Это не просто примитивные поклонники Гитлера, Муссолини, своих местных французских, бельгийских фашистов – нет. Это достаточно *динамическое и тем самым опасное движение*, пытающееся взять на вооружение национальную тревогу...»⁸¹.

Потенциал неофашистской идеологии не стоит недооценивать. Угрозу фашизма делает реальной его способность сплотить с помощью простых примитивных идей массы, попавшие в воронку кризиса. Учитывая современное

⁸¹ А. Галкин. Фашизм как болезнь общества. Лекция. - Режим доступа: <http://www.polit.ru/article/2006/05/08/galkin/>

положение Европы, с ее нерешенными экономическими (финансовый кризис), культурными (исламизация региона), миграционными и демографическими (отрицательный естественный прирост) проблемами, фашизм, облаченный в новую форму, может показаться многим выходом из ситуации. Дело в том, что в кризисных ситуациях, в особенности, когда кризис достигает апогея, более востребованными становятся идеи, обладающие мобилизационным потенциалом. Если в ситуации спокойного поступательного движения эволюционные процессы не требуют скопления энергии в одном месте, то в ситуации коллапса для его преодоления часто необходима максимальная концентрация сил и напряжение ресурсов. «Гордиевы узлы» не развязываются, а разрубаются мечом.

Опасность неофашизма заключается в том, что он, спаивая худшее из национализма и империализма, легко определяет «виновных» и через ненависть высвобождает скопленную негативную энергию. Бурление социальной энергии на развилках истории неизбежно, вопрос в том, куда она в конечном счете будет направлена. Современные события, происходящие на Украине, показывают, что неофашизм обладает реальной мобилизующей силой, разрушительной по своей природе. Причем апологеты украинского неофашизма ненависть к России возводят в статус национальной идеи, полагая своей «миссией» – уничтожение Москвы⁸². Такая чистая отрицательная идея и ее популярность у значительной части украинского электората свидетельствует о том, что проект украинского национального государства не состоялся. Главной угрозой является то, что «болезни» украинского общества могут быть подвержены и другие страны. Фашизм очень быстро и легко способен овладевать массовым сознанием.

⁸² «У нас есть один путь — уничтожить Москву. Ради этого и живем. Ради этого и пришли в этот мир, чтобы уничтожить Москву, чтобы уничтожить эту черную дыру европейской безопасности,» – из публичного выступления депутата Верховный Рады И. Д. Фарион.

Альтернативой неофашистскому движению может служить только левое движение нового толка, так как только в рамках левой идеологии видны попытки найти выход из кризиса, носящего глобальный характер, не отвергая при этом саму возможность интеграции разных сообществ, но выдвигая идею «другой глобализации» (движение такого типа получило название «альтерглобализм»). Имперское сознание также может откликнуться на «красное», как и на «черное», ведь идеи коммунизма, возникшее как ответ на вызовы режущего глаза неравенства и несправедливости, изначально подразумевали преодоление национальных границ. Идеология интернационализма в перспективе предполагает устройство «единого мира», но полностью отрицая мораль «господ» в каком бы то ни было из ее разновидностей. И здесь необходимо понять, что идеологии, пробуждающие имперское сознание, имеют преимущества в ситуациях кризиса и слома старых общественных устоев. Если современные тенденции, способствующие нарастанию хаоса, получают продолжение, то выбор одной из них практически неминуем. Преимущества идеологий такого рода связаны со следующей особенностью имперского сознания.

Состоит она в том, что имперское сознание – это сознание силы и порядка. Сила понимается им как гарантия безопасности, процветания и благополучия. Порядок как преодоление безначалия и беззакония. В заботах о силе и мощи государства безусловно есть своя целесообразность – надеяться на добродушие и доброжелательность реальных игроков на мировой политической арене, особенно зная и понимая предысторию крупных и малых войн, просто глупо. До тех пор, пока язык разума не стал общим достоянием всех здравомыслящих людей (когда это произойдет, можно только гадать), язык силы – единственный доходчивый способ отстоять свою позицию, а иногда и свою независимость.

Кроме того, сила – один из ключевых факторов, позволяющих империи нарастить свою плоть, включить в свой состав новые территории и удержать их. Естественно, с помощью одних лишь дипломатических ухищрений подобное расширение не осуществимо, даже если оно выгодно для населяющих

периферийные территории народов. Главнокомандующий во время Кавказской войны генерал А.П.Ермолов писал: «Между народами, загрубелыми в невежестве, чуждыми общих понятий, первый закон есть сила. Один только страх, оружие может удержать горцев в покорности»⁸³. В этих, казалось бы, жестоких словах есть своя правда. Сила – не добро и не зло. Воспитание нравов также не мыслимо без применения силы – мягкой или грубой. До тех пор, пока в человеке живо звериное начало, насилие останется неотъемлемым атрибутом коллективного жизнеустройства.

Вся сложность исследования феномена имперского сознания в том, что «империю» нельзя оценивать однозначным образом. То есть если мы занимаем одну из крайних точек зрения – имперскую или антиимперскую – тем самым мы уже проходим мимо сущности феномена. Империя – то, что творится людьми (сознательно или бессознательно) и то, что выступает формой претворения их опыта совместного проживания. Учитывая тот факт, что империи возникли на относительно поздних стадиях развития человеческих сообществ, мы вправе говорить о том, что исторический опыт, который послужил почвой для вызревания данного явления, весьма значителен и империя – явление не случайное.

На наш взгляд, если рассматривать империю как плод сознательных и бессознательных человеческих устремлений, то в основе всего многообразия их спектра, можно выделить две ключевых интенции⁸⁴. Первая из них – чувство солидарности и желание реализовать принцип соучастия в максимально возможных пределах. Вторая – воля к власти вообще (без той онтологической нагрузки, которое несло это понятие у Ф. Ницше) и завоевательский азарт как одно из ее наиболее значимых преломлений в частности. Обе они иногда идут

⁸³ Чекалин С.В. Под солнцем юга: Кавказские войны в лицах. - М, 2002. - С.131.

⁸⁴ Данный угол зрения не претендует на исчерпывающее объяснение сложного процесса образования империй, он лишь фокусирует внимание на одном из его аспектов.

рука об руку, иногда вступают в противоборство, иногда утихают, уступая место тенденциям к разделению и обособлению.

Первые империи ковались в горниле войн. Достаточно вспомнить завоевательные походы Кира Великого, Александра Македонского и Юлия Цезаря. На примерах ранних империй очень отчетливо видно, как проявляется одна из вышеупомянутых черт имперского сознания – восхищение силой как самоценностью. Быть гражданином Рима означало быть сопричастным к той силе, которую он олицетворял. *Civis Romanus sum!*⁸⁵ – не просто фраза, но и оберег от произвола и посягательств на права личности в пределах всей империи. Неприкосновенность римского гражданина обеспечивалась силой римской армии. Но постепенно голой силы становится недостаточно для того, чтобы поддерживать в единстве разнородные части одной империи. Принцип «разделяй и властвуй» действует до поры до времени, но панацеей его не назовешь. Воля к власти быстро строит и быстро разрушает. Упоение властью и властвованием как процессом разъедает, прежде всего, самую властную верхушку. Из центра «гниение» переносится как вирусное заболевание на региональную элиту. Когда региональная элита больше не способна сдерживать свои властные амбиции, под ее предводительством или в лучшем случае при попустительстве начинают набирать обороты центробежные тенденции. Массы, окончательно разочарованные в тех, кто ими управляет, поднимаются на восстания в первую очередь против центра как фокуса, вобравшего в себя все отрицательное. И тогда на арену выступает другой неперемный элемент любой традиционной империи – религия.

Она дает мировоззренческие основания для сосуществования разных народов и разных культур, выступая фундаментом для образования новой культуры, не связанной этническими ограничениями. Христианство вдохнуло вторую жизнь в Римскую империю, и на ее обломках расцвела Византия. Без ислама нельзя представить себе Арабского халифата и его преемницы –

⁸⁵ Я римский гражданин! (лат).

Османской империи. Распространение и развитие идей конфуцианства совпадает с укреплением и окончательным оформлением централизованной китайской государственности. Религия задает моральные нормы, накладывающие ограничения на поведение элиты и представителей сословия, несущего государственную службу. Тем самым урезая властолюбивые аппетиты и облагораживая души принявших ее искренне. Хотя, конечно, со временем (иногда и сразу) религиозные смыслы превращаются скорее в ширму, чем в реальное содержание политической жизни. Если воля к власти дает, как правило, первоначальный импульс для «собираания земель», то культура соучастия, вскормленная религией, позволяет собранное сохранить и объясняет «почему нужно жить вместе».

Власть и религия, подпирая друг друга, формирует особый тип человека, особый тип социальных отношений, который можно назвать подданничеством. Поданный – тот, кто признает кого-то, стоящего над собой, кого-то, кому следует подчиниться, перед кем следует смириться и принять его волю как более значимую или совершенную чем свою. Если мы рассматриваем подданничество только как политическое явление, то есть лишь как определенный тип властных отношений, мы никогда не поймем причины его возникновения, его генезис. Подданничество – явление не только политическое или социальное, но также культурное и психологическое. Средневековый рыцарь, для которого идеал служения был высшим идеалом, – это, прежде всего, особое состояние сознания, особое качество духа. И, если мы говорим о европейской цивилизации, безусловно служение понималось в первую очередь как служение Богу. Человек – слуга, причем слуга неотменяемо. Но этот статус оправдан тем, что он – слуга Бога. Или ты служишь Богу, или дьяволу. Такова логика средневековой христианской морали. Человек свободен настолько, насколько он предан Богу. Внешняя реальность выступает отражением внутреннего мира. Если ты должен служить Богу, значит в социальном смысле ты служишь тому, кто выступает посредником или представителем Бога на

Земле. Отсюда – имперские амбиции Папы Римского и относительный успех в их осуществлении в период наивысшего влияния Римской курии.

Итак, с одной стороны, религия возвышает принцип служения, делая его одной из базовых констант человеческой психики, с другой, власть не просто призывает, но буквально *вынуждает служить*, не оставляя выбора. Единственное сословие традиционного общества, которое «не служило», состояло из городских мещан и купцов, позже в их число вошла буржуазия. Крестьяне служили дворянам, дворяне монарху, духовенство Церкви. Важным является то, что служение понималось ими как норма, как то, что неотделимо от самой жизни. Пока сильно сознание долга и служения, империя жива. Когда оно угасает, империя рушится. За примерами не нужно далеко ходить. Распад СССР произошел именно тогда, когда угасла вера в «непогрешимость марксизма» и, главное, исчезло доверие к КПСС как к носителю и защитнику коммунистических идеалов. Потому во время августовских событий 1991 года ГКЧП выглядел беспомощным, что ни общество, ни сами члены комитета уже не понимали чему и кому они служат и что защищают.

Две основных интенции формируют имперское сознание. И соединяются друг с другом они в принципе служения. Та власть крепка и сильна, которая опирается на верных поданных. То общество целостно и едино, в котором находятся люди, способные взять ответственность за целое, то есть те, которые понимают свой долг в служении обществу. И стремящиеся к укреплению власти (в каких бы интересах они это не делали) и стремящиеся к утверждению начал солидарности по необходимости будут потворствовать укоренению принципа служения в сознании масс и элиты. Сходясь, воля к власти и воля к единству придают тот противоречивый и неоднозначный оттенок такому явлению как имперская культура.

2.4. Между правом и правдой: о некоторых особенностях русской гражданской культуры

Существует множество теорий гражданского общества. Перечислять их нет смысла. Гражданское общество мы понимаем предельно просто и одновременно обширно: гражданское общество – это совокупность всех граждан, сознательно принимающих участие в политической жизни. Ключевое слово здесь – *сознательно*. Развитие гражданского общества есть, в первую очередь, развитие гражданского сознания и самосознания. Как коллективного, так и индивидуального. По мере того, как человек все более полно сознает себя членом общества, в котором живет, и понимает механизмы влияния на его преобразование, и, понимая, совершает выбор в сторону того или иного рода действия или бездействия, – по мере этого, происходит становление и развитие гражданской культуры.

Форм осмысления человеком того общества, в котором он живет, и своей роли в ней, а также путей эволюции этого общества (или, быть может, отказа от эволюции вообще), а также необходимости вносить свой вклад в дело эволюции или, наоборот, консервирования сложившегося положения вещей, – этих форм было и есть огромное число. По тем или иным причинам одни из них одерживают победу на арене исторической битвы за человеческие умы. Как правило, на определенный промежуток времени (одну историческую эпоху). Другие ждут своего часа. Развитие гражданской культуры подразумевает, что человек самостоятельно стремится понять и осмыслить все то, о чем размышляли и что стремились понять многие до него. Конечно, поиск в очень редких случаях приводит к созданию новой теории или внесению заметного вклада в развитие политической мысли. Те, кто начинают такого рода поиск, почти всегда заканчивают его выбором одной из уже сложившихся теорий или парадигм, которые оказались близки им в силу индивидуального психического склада, воспитания, уровня образования, личного опыта и т. п. Но в массе своей люди ничего не выбирают и ничего не ищут. Они пассивно воспринимают ту информацию, которая льется на них через средства массовой

информации, и тогда их представления о своих гражданских правах и обязанностях ограничиваются тем набором красивых (но зачастую пустых) фраз, которые они краем уха уловили при просмотре телевизоре или краем глаза зацепили при чтении газеты. Говорить о сознательности в этом случае не приходится. Особенно учитывая тот факт, что те, кто определяют работу СМИ, редко заинтересованы в том, чтобы уровень сознательного отношения рядового гражданина к происходящим событиям возрастал.

Другой источник (помимо СМИ), из которого члены общества черпают знания, необходимые для выработки стратегии политического поведения, – традиция. Это жизненный опыт, запечатленный прошлыми поколениями в определенных принципах и нормах, которые создают стереотипы взаимодействия человека и власти. Эти принципы и нормы осваиваются людьми чаще всего бессознательно. Сыновья перенимают их от своих отцов, а те от своих отцов и т. д. Третьим источником выступает социальный опыт человека, его опыт взаимоотношений с властными структурами (или людьми, имеющими непосредственную связь с политикой), а также опыт такого взаимоотношения его ближайшего окружения. Этот опыт также оказывает значительное и опять же очень часто неподконтрольное разуму воздействие на формирование гражданской позиции, выбор того или иного способа взаимодействия с властью и всем, что ассоциируется с ней.

В какой же степени уместно говорить о сознательности вообще? Верно говорить об эволюции политического сознания. Сознание человека средних веков в разы более забито, темно и ограничено, нежели сознание современного человека. Представление о власти, как о чем-то стоящим недостижимо высоко, над обывателем, над простым тружеником, кажется сейчас нам диким. Власть, сакрализованная, овеянная ореолом таинственности, внушает страх и трепет, но только тогда, когда ты не обладаешь достаточной информацией о том, что на самом деле из себя представляют люди, обладающие властью. При более пристальном взгляде на лица исторических фигур кажется абсурдным «обожествление» того или иного монарха, а тем более целого рода правителей.

Божественного в них оказывается не больше, чем в любом другом человеке. А наследование престола по крови ничем другим, кроме как невежеством масс и инстинктивным желанием «господина» передать потомку свою собственность (в виде государства), объяснить нельзя. Но люди так жили на протяжении столетий и воспринимали подобное положение вещей как норму.

Верно сказать, что произошли определенные положительные сдвиги в политическом сознании народов. Но верно так же сказать, что несмотря на все революции, гражданские войны, социальные катаклизмы и потрясения, эти сдвиги не столь уж значительны. Человек по-прежнему мало чего понимает в том, что происходит, в том, каковы реальные движущие силы тех или иных политических событий, в том, что из себя представляет общество, в котором он живет, в том, как оставаться свободным от потока лжеинформации, льющейся на него со всех сторон. И это проблема. В связи с этой проблемой встает вопрос о *рождении* гражданина. О рождении, которому лишь предстоит случиться. Опасно строить иллюзии на этот счет. Опасно полагать, что достаточно дать свободу, лишить опеки со стороны государства, и гражданин, а вместе с ним и гражданское общество, выйдут сами из ниоткуда и устранят все противоречия. За эти иллюзии российское общество поплатилось «лихими девяностыми», когда единственной внесударственной самоорганизующейся силой оказались преступные группировки. Может это и было то гражданское общество, которого ждали?

Демократия как форма человеческого общежития получила наибольшее распространение в современности. Многие видят в ней безусловное благо, но демократия – двуликий янус. С одной стороны, она обеспечивает свободное волеизъявление всех без исключения членов общества. И в этом ее – демократии – непреходящая заслуга. Если быть точным, демократия не защищает свободу, она защищают свободу воли. Свобода воли – необходимое условие для того, чтобы человек стал свободным, но недостаточное. С другой стороны, демократия предписывает покорность большинству. Демократия, ставя власть народа высшей ценностью, проходит мимо того факта, что народ

не есть нечто безусловно «разумное и правое». Народ в самом простом понимании этого слова есть совокупность граждан, и демократия подразумевает то, что основные вопросы совместной жизни они решают голосованием, где приоритет отдается позиции большинства. Но если сорвать пелену иллюзий, то становится очевидным, что большинство, как правило, голосует бессознательно, а потому очень часто оказывается не правым, выбирает не лучшую альтернативу из имеющихся. И никакой прямой связи между количеством людей, принимающих участие в принятии решения, и качеством этого решения не просматривается. Власть народа совсем не равна власти разума или хотя бы *разумной власти*. В этом корень проблемы. И, конечно, решение ее не в отказе от демократии, но в повышении качества коллективного сознания. Только по мере роста качества политического сознания, будет происходить действительное развитие гражданской культуры.

В этом ракурсе противопоставление гражданского общества и государства теряют свою актуальность. Оно целесообразно в том случае, если государство чрезмерно распространяет себя, подчиняя своему влиянию те сферы жизни, где ему не место. Но сам по себе уход от государства, уменьшение его давления и силы, разумен лишь до определенного предела. Государство – не противоположность гражданскому обществу, оно при естественном положении вещей его продолжение. Оно становится враждебным гражданскому обществу лишь тогда, когда само гражданское общество отчужденно от дел, которые призвано решать государство. Безусловно власть имущие хотят сохранить свое положение и использует все подручные средства для этого. Но это показатель общего уровня политической культуры общества. Тоталитарное государство возможно лишь при условии, что большинство готово подчиняться и прогибаться перед «тотальной силой». «Культ вождя» возможен лишь там, где еще не изжиты традиции идолопоклонства. Нет нужды воевать против государства, потому что единственно разумный путь – изменять государство, то есть повышать духовный и культурный уровень людей, составляющих его костяк. Сменяемость этих людей сама по себе не может дать многого (хотя

иногда и бывает необходимой), ведь те, кто приходят на смену, редко оказываются более ответственными, честными и знающими по сравнению со своими предшественниками.

Следует признать одну простую истину: гражданин – это феномен, а не массовое явление. И бессмысленно винить в этом кого-то; реальность такая, какая она есть. Если мы хотим, чтобы российское государство было эффективным, социально ориентированным, некоррупцированным и подотчетным, стоит задуматься о собственной культуре и собственной активности в вопросах политической жизни. Государство – это люди. И все они были воспитаны в одном обществе, и они несут в себе его характерные черты в свернутом виде. Элита отчуждена от народа до тех пор, пока народ не чувствует ответственности за свою собственную судьбу и позволяет элите использовать его в своих интересах. Какой смысл в том, чтобы рассуждать о недостатках элиты и призывать к замене одних на других? На смену приходят новая элита, такая же или еще хуже по своему качеству. Пока сознание масс не изменилось и уровень культуры оставляет желать лучшего, манипуляция коллективным сознанием будет продолжаться. Справедливо писал И. Кант: «Посредством революции можно, пожалуй, добиться устранения личного деспотизма и угнетения со стороны корыстолюбцев или властолюбцев, но никогда нельзя посредством революции осуществить истинную реформу образа мыслей; новые предрассудки, так же как и старые, будут служить помочами для бездумной толпы»⁸⁶. Единственное дело, которое может дать плоды в долгосрочной перспективе эволюции политических отношений, – создание гражданского общества с опорой на новый – более высокий – уровень политического сознания. Речь идет об эволюции человека, духовной и материальной, раскрытии его внутреннего потенциала, его разума. Только там, где есть эволюция человека, есть эволюция общества. И прежде, чем родится гражданское общество, должен родиться гражданин.

⁸⁶ Кант. И. «Что такое просвещение?» Собр. соч. в 6 т. Т. 6. М., 1966. С. 26.

В силу тех исторических условий, в которых происходило формирование российского государства, становление гражданской культуры не могло происходить независимо от воздействия внешних факторов, то есть культурных народов и в первую очередь европейских. В XIV-XV веках процесс собирания русских земель проходит параллельно с процессом созидания единого культурного поля, определяемого духом православного учения. Российское государство выступает в роли христианской державы, тем самым противопоставляя себя Востоку и получая нравственное оправдание борьбе с татаро-монгольским игом и дальнейшему продвижению за Урал. Православный фактор, став решающим культуuroобразующим фактором на несколько столетий, предопределил многие культурные особенности нашей страны⁸⁷. Он оградил русский народ от поглощения его исламской цивилизацией, надвигающейся с Юга и позже из Средней Азии. Но в то же время он сделал русскую цивилизацию иной и в сравнении с европейской. Разница между католицизмом и православием слишком значительна, чтобы возможно было становление единой цивилизации в лоне этих двух конфессий. Европа и Россия вышли из христианства, в этом заключается их родство. Но они вышли из двух очень отличных друг от друга течений христианской культуры, а потому родство их носит очень противоречивый характер. Россия – эта другая Европа. Потому европейцы всегда испытывали перед русскими бессознательный страх, видели в России угрозу своему существованию. Это объясняется тем, что Россия в зеркале Европы – ее «альтер эго», второе «я», от которого она прячется и которое она не в силах постигнуть.

Гражданская культура в Европе получила более раннее развитие, хотя оно, об этом не стоит забывать, не завершено. Европейская гражданская культура не абсолютна и не универсальна. Однако по причине того, что именно Европа

⁸⁷ Одна из интересных попыток осмыслить судьбу России сквозь призму православного идеала представлена в книге А. Л. Казина. Последнее царство (Русская православная цивилизация). — СПб.: Изд-во Спасо-Преображенского Валаамского монастыря, 1998.

впервые подняла вопрос о гражданских свободах не только в теории, в рассуждениях отдельных мыслителей, но на практике, сделав его краеугольным камнем политической жизни, – по этой причине все остальные народы вынуждены были так или иначе соотносить свой гражданский быт с теми порядками, которые утвердились в Европе и Америке, ставшей Новой Европой. Россия как старый сосед европейских стран, имеющий с ними давнюю историю взаимодействия (как вооруженных столкновений, так и сотрудничества), была и остается особенно чутка к веяниям европейской культуры. Россия – это другая Европа, и в этом факте кроется решение загадки столь яростного противостояния славянофилов и западников. Для западников очевидно, что Россия – это Европа, и что без освоения европейского наследия у России нет будущего, ибо на стороне Европы прогресс. Для славянофилов очевидны существенные отличия российской цивилизации от европейской и негативные стороны последней.

О кризисных тенденциях внутри европейской цивилизации, набравших оборот в 19 веке, верно писал И. В. Киреевский: «Так западный человек, исключительным развитием своего отвлеченного разума утратив веру во все убеждения, не из одного отвлеченного разума исходящие, вследствие развития этого разума потерял и последнюю веру свою в его всемогущество. Таким образом был он принужден или довольствоваться состоянием полускотского равнодушия ко всему, что выше чувственных интересов и торговых расчетов (так сделали многие, но многие не могли, ибо еще сохранившимися остатками прежней жизни Европы были развиты иначе), или должен был опять возвратиться к тем отвергнутым убеждениям, которые одушевляли Запад прежде конечного развития отвлеченного разума, – так сделали некоторые; но другие не могли потому, что убеждения эти, как они образовались в историческом развитии Западной Европы, были уже проникнуты разлагающим действием отвлеченного разума и потому из первобытной сферы своей, из самостоятельной полноты и независимости, перешли на степень разумной системы и оттого являлись сознанию человека западного как односторонность

разума, вместо того чтобы быть его высшим, живительным началом»⁸⁸. Эти кризисные тенденции, имевшие разлагающие значения для души человека, не только не были преодолены к началу века XXI-го, но достигли своего апогея, представ в безобразном лице Постмодерна.

Славянофилы были правы, когда писали о тех опасностях, которые исходят от Европы, о том, что далеко не всему следует учиться у Запада. Но западники были правы не меньше, утверждая то, что учиться нужно и очень многому. Дилемма: «Россия – Европа» или «Россия – не Европа», - глупа. Она проходит мимо сути. Противоречия и трагедии русской гражданской жизни были во многом обусловлены господством подобного рода вилки в сознании русских интеллигентов. Не отчуждение от европейской культуры, но творческое переосмысление ее наследия – единственное, что может помочь утверждению русской самобытности и вместе с тем вывести Россию из круга самоограниченности. Победа марксизма на культурном пространстве не могла осуществить эту задачу, поскольку марксизм – это часть европейской культуры вполне определенной эпохи, и марксизм в принципе не способен найти решение тех проблем, которые ставили славянофилы, а позже представители русской религиозной философии. Марксизм, как это ни странно, позволил России сохранить свою самобытность и остаться «другой Европой», но лишь на короткий промежуток времени. Идеи Маркса имеют ограниченный ареал применения, и превращение этих идей во всеобъемлющее учение жизни – затея бессмысленная и заранее обреченная на провал. Триумф либерального дискурса после ошеломительного краха марксизма на советском пространстве также не позволил и не мог позволить выйти из капкана вышеназванной дилеммы, потому что это безрассудный уклон в сторону западничества. Последовавший за ним откат в сторону консервативных умонастроений закономерен. Россия – это другая Европа, но она еще не нашла себя вполне в этом качестве.

⁸⁸ Киреевский И. В. О характере просвещения Европы и его отношении к просвещению России. Духовные основы русской жизни. - М.: Институт русской цивилизации, 2007. - С.157.

Трансформации ментальности западного человека (которые красочно характеризовал И. В. Киреевский) привели к тому его положению, что «правда» стало частным делом каждого, то есть «правды» не стало вовсе, ибо правда по определению не может быть частной. Частным может быть мнение или позиция. Отсюда торжество либерального взгляда на мир, при котором остается лишь одно – консенсус на взаимовыгодных условиях частных «правд», то есть интересов, которые к правде не имеют никакого отношения. Понятие «правды» в социальном ракурсе предполагает существование неких универсальных начал, стоящих поверх индивидуального разума человека. Оно предполагает существование разума, превышающего личный разум, а также возможность переустройства общества согласно этим универсальным началам и этому высшему разуму. Кто-то скажет, что существование таких начал – это вопрос веры, а вера – это личное дело каждого. В этом есть ловушка либерального дискурса. Безусловно веру нельзя насадить искусственно, ибо насильственно привитая вера – уже не вера, а страх. Но дело в том, что именно принятие универсального, стоящего за границами частного, лежит в основе всякого подлинно культурного начинания. Если верить античным философам, культура держится на трех китах – истина, добро, красота. И не было бы науки и философии, если бы люди на протяжении веков не стремились к истине. И не было оснований для нравственной жизни, если бы категории добра и справедливости не жили и не давали плода в душах человеческих. И не было искусства, если бы художники самых разных направлений не служили божеству красоты. Нивелирование этих универсальных начал в сознании человека ведет к гибели культуры.

Для кого-то ее гибель приемлема, и частное право на мнение будет видится такому человеку гораздо более ценной вещью, чем культура. Что ему истина, добро и красота, если он хочет мастерить свою «истину», свое «добро» и свою «красоту»? Но тогда «истин» становится бессчетное количество, они плодятся как мухи, и мир повергается в хаос, и не остается никакой другой общей истины, кроме истины рассудка и животных потребностей. В России

еще живо понятие «правда». Для вышеописанной категории людей это понятие кажется главным недостатком русской культуры, от которого следует избавиться в первую очередь. Избавиться от него, значило бы избавиться от всей русской культуры. Но есть и другие люди, которые живут правдой и жаждут правды. Они есть соль русской земли. Это не значит, что эти люди уже знают правду во всей полноте, что они совершенны и безупречны. Они ошибались и ошибаются, но сознание правды ведет их вперед и вместе с ними весь русский народ. «Как бы не оценивали российскую революцию, одно несомненно: в ней проявилось громадное напряжение русского народа в искании политической и социальной правды. Русский народ не виноват, что учителя у него оказались плохие и что искание правды получило направление болезненное и нелепое. Русский народ есть народ с великой душой, и он не откажется от искания правды тогда, когда поймет ничтожность ее теперешних учителей и той правды, которой они учили»⁸⁹. Слова философа и правоведа Н. Н. Алексеева о «ничтожности учителей» относятся к большевикам, но их по справедливости можно адресовать и к защитникам нынешних принципов государственного устройства, в которых правды не больше, чем в принципах, постулируемой советской идеологией.

Для одной категории людей угроза – в существование самого понятия «правда». Для другой (к ним причисляет себя и автор этих строк) угроза номер один – в уничтожении этого понятия, в размывании правды или искажении ее до неузнаваемости. Без правды нет русской культуры и нет культуры вообще. Как же соотносится понятие правды и понятие гражданина?

Гражданин – тот, кто осознает себя частью целого, тот, кто выстраивает отношения с целым – обществом – исходя из понимания своего долга перед ним и понимания долга государства перед гражданином⁹⁰. Гражданин «без

⁸⁹ Алексеев Н. Н. На путях к будущей России. Русский народ и государство. - М.: Аграф, 2003. - С. 289.

⁹⁰ Делая акцент на устремленность гражданина к общественной пользе, И. К. Пантин дает следующее определение гражданскому обществу: «Гражданское общество – это, прежде всего, борьба за общее

правды», то есть имеющий лишь свои частные интересы, выстраивает отношения с государством таким образом, чтобы государство по максимуму удовлетворяла эти интересы. Ущемляет ли удовлетворение его личных интересов интересы других граждан его не слишком волнует, по крайней мере, до тех пор, пока не возникает конфликта в том или ином виде. Конфликт интересов и право сильного – повседневная реальность либерального общества так, как оно сложилось. И каждый из участников конфликта стремится выйти из него победителем; компромисс же достигается тогда только, когда все участники конфликта понимают, что дальнейшее его продолжение для них невыгодно. Это узаконенная «борьба всех против всех».

Гражданин, для которого существует правда как универсальная категория, выстраивает свои отношения с обществом и государством, опираясь на правду, то есть на цельные представления о справедливости и общем благе. Тогда гражданин не стремится к удовлетворению своих интересов любой ценой, ибо поверх частных интересов для него стоит общее благо. Тогда гражданское общество не есть случайное сцепление борющихся между собой индивидов и групп интересов (партий, движений, союзов, блоков, лоббистских организаций и т. п.), но обладает общим вектором движения, которые может и должен корректироваться со временем. Развитие общества как чего-то цельного возможно лишь во втором случае (гражданственности с правдой). В первом случае (гражданственности без правды) единственным регулятором человеческих отношений остается формальный закон и формальное право. Правда не отменяет значение права и закона, но стоит поверх них, и благодаря ней в обществе есть более весомые и неприкосновенные регуляторы – *ценности и идеалы*. «В нашу эпоху, – пишет тот же Алексеев, – когда и восточные народы стали жить самосознанием и уже не дремлют в старом блаженном сне, нельзя объединить государство иначе, как обращаясь к сознательности, ища в душах народных того стремления, которое способно

создать солидарность, послужить основой для объединения. Союз народом, хотим сказать мы, можно сковать только на почве веры в общие идеалы».⁹¹ Отказ от идеалов есть также отказ от культуры. А поскольку гражданская культура не самостоятельна, но имеет неразрывные связи с культурой во всем ее многообразии, в долгосрочной перспективе отказ от идеалов приведет вначале к медленному угасанию, а потом и вовсе затуханию огня гражданского сознания и гражданской воли.

Если мы исходим из определения гражданского общества, данного ранее (совокупность всех граждан, сознательно принимающих участие в политической жизни), то факт включенности людей в процессы управления обществом имеет значение, но определяющим для его характеристики является не сам этот факт, а то, насколько сознательно это участие происходит. Сознательность одного типа предполагает погоню за удовлетворением личных желаний, и политика тогда будет являться лишь инструментом для реализации частного интереса. Человек может давать себе в этом ясный отчет, и в этом смысле быть сознательным. Но эта сознательность касается лишь понимания своих личных мотивов и не касается целого. Кроме того, даже для самых гнусных поступков человек склонен придумывать оправдания. Оправдания отличны от правды. Сознательность, при которой человек исходит из правды, предполагает воззрение на общество как целое и на себя как на часть его, то есть она позволяет охватить гораздо более широкий спектр проблем и явлений, мысль в этом случае на порядок глубже и шире. Правда – то, чего ищет душа человека. Не всегда удается ее поймать за хвост. Но сознательность ищущего правды человека и гражданина есть сознательность гораздо более высокого уровня, нежели сознательность человека, замкнутого на себя. А значит и гражданская культура его более объемна и совершенна.

«Не слишком еще скоро мы дождемся, чтобы каждый честный и храбрый человек стал гражданином, а до той поры... постоянно будет утрачиваться в

⁹¹ Алексеев Н. Н. На путях к будущей России. Русский народ и государство. - М.: Аграф, 2003. - С. 367.

долгие периоды общественной апатии большая часть тех приобретений, какие делаются в мимолетные эпохи общественного одушевления»⁹², – мудрые и горькие слова Н. Г. Чернышевского! Но в чем причина мимолетности эпох общественного одушевления? Не в том ли, что одушевление происходит лишь тогда, когда гражданин понимает, *ради чего* он борется, *ради чего* готов он «презреть грошевый уют» и пойти на жертвы, как минимум свободного времени, как максимум собственной жизни. В периоды социальных катаклизмов обычные условия жизни становятся настолько невыносимы (например, продовольственный дефицит, порождающий голод), что на восстания и мятежи поднимаются массы. Но восстания и мятежи – не признак гражданской жизни, они лишь симптоматизируют о том, что государство не справляется с функциями, возложенными на него. Гражданин имеет своей целью не бунт, «бесмысленный и беспощадный», но он видит перед собой то устройство общества, которое считает правильным или более совершенным в сравнении с наличествующим. Он сражается и трудится ради тех изменений, которые вдохновляют его, «одушевляют». «Честный и храбрый человек» тогда становится гражданином, когда гражданский долг становится для него делом чести, то есть когда участие в политической жизни принимает форму духовного подвижничества. Духовное подвижничество – это движение к идеалу, прививаемому культурой. Следовательно, «эпоха общественного одушевления» будет длиться без перерыва лишь тогда, когда культура, приобщающая человека к идеальному, станет повсеместной, проникающей внутрь и трогающей каждого без исключения⁹³.

На таком базисе возможно построение гражданского общества иного типа. Общества взаимовыручки, а не холодного расчета. Общества солидарности, а не отчужденности всех от всех. В российской культуре есть задатки для построения такого – иного – гражданского общества. Нет нужды оглядываться

⁹² Цитата по книге Пантина И. К. «Судьбы демократии в России». М.: ИФ РАН, 2004. - С.128.

⁹³ «Дума о Культуре есть Врата в Будущее,» – писал выдающийся русский художник Н. К. Рерих, указывая на непреходящее значение основ культуры для эволюции человеческих сообществ. (Рерих Н. К. Врата в будущее. 1936. Режим доступа: http://www.icr.su/rus/family/nkr/about_culture/vrata.php).

за границу и копировать увиденное там. Россия – другая Европа, ее «инаковость» позволяет явить миру альтернативные пути развития. В то же время Россия очень близка Европе, а значит усвоение европейских ценностей для нее гораздо проще, чем для любой восточной культуры. Россия, которая обретет себя в качестве другой Европы, то есть возьмет эстафетную палочку истории у своего давнего соседа, может стать опорой альтернативного сценария глобализации, надеждой как для развивающихся и отстающих стран, так и для самой Европы, которая находится в духовном тупике. Вопрос в том, хватит ли мудрости, сил и мужества российскому народу не попасть в ту же ловушку, не войти в тот же тупик.

Отношения гражданского общества и государства становятся натянутыми тогда, когда между ними лежит пропасть, непреодолимый барьер. Бюрократия – государственническая каста по природе своей. И в том случае, если общество строится на принципах согласования и противоборства интересов, слой государственных чиновников выделяются в особую группу интересов, преследующую свои корпоративные интересы и стремящуюся подчинить своим интересам деятельность остальных групп, представляющих гражданское общество. Так было во все времена, так происходит и сейчас. На примере нарождающегося Европейского Союза мы видим, как «союзная» бюрократия, преследующая вполне конкретные цели, завязанные на их личные интересы и интересы тех, кто с ними связан, определяет внешнюю политику национальных европейских правительств. Стоит ли говорить о том, что эта политика далеко не всегда соответствует реальным национальным интересам того или иного европейского государства? Это пример показывает сложную современную иерархическую систему властных отношений. Внизу – европейские граждане, отстаивающие свои экономические и иные интересы, наверху – общеевропейская бюрократия, посередине – национальные правительства и парламенты. Собственно национальная власть теперь зависит не только, а может и не столько, от волеизъявления граждан, которых они представляют, сколько от стоящей выше них общеевропейской бюрократии, а потому

«общевропейские» интересы начинают определять всю политическую жизнь в Европе. Разногласия между верхом и низом в данном положении дел неизбежны, и единственное, что сглаживает их, – разговоры об общевропейских ценностях и идея общеевропейского дома, продвижением которой целенаправленно занимаются все доступные средства пропаганды. Насколько проект Европейского Союза окажется удачным покажет время. И во многом это будет зависеть от того, насколько миф о «цивилизованности» европейцев выдержит испытание реальностью. Всякое лицемерие рано или поздно обнаруживает свою подлинную сущность.

А что в России? Бюрократизм и произвол чиновников разве имеет в ней меньшие размеры? Многие не без основания скажут, что не меньшие, но большие. Но устранение пороков политической системы бесперспективно, если исходить из оппозиции «гражданин-чиновник». Гражданин, ставший государственным служащим, является чиновником. И чиновник является гражданином в той мере, в какой он приобщен к пониманию своего гражданского долга. Бюрократизм никогда не удавалось победить извне, в лучшем случае таким образом получалось умереть его аппетиты. Господство частного интереса в ментальности государственных служащих прямым следствием своим имеет взяточничество и казнокрадство. Но как формируется ментальность государственного служащего? Разве она – не результат воздействия той культуры, в которой он рос и социализировался? Государство должно измениться, но государство – это люди, значит прежде должны измениться люди. Варварство живет внутри людей, и политика – самая удобная область для прорыва варварства наружу, для разгула слепых необузданных и диких стихий. Преодолевается варварство только через культуру. Политическое варварство преодолевается через окультуривание масс и воспитание отдельного индивида, превращение его в гражданина, действующего сознательно и ответственно. Рождение сознательного и волевого гражданина из недр политического хаоса, лишённого всякого высшего смысла, – единственная надежда на подлинное преобразование государства и преображение власти.

Вопрос о российском государстве при принятии идеи гражданского общества иного типа также предстает в ином – непривычном – свете. Ее решение видится тогда не в том, чтобы вернуться к империи, такой какая она была, и в не том, чтобы строить национальное государство по лекалам Модерна, но в том, чтобы преобразовать государство с опорой на гражданскую культуру правды. Отличие его от прошлых империй будет заключаться в том, что «правда» не спускается сверху, не диктуется безропотному народу, в «правде» насажденной силой всегда много лжи. Насилие в сфере убеждений само по себе есть кривда, искажение истины, оно закрывает сознание человека, а не благоприятствует его развитию. Правда должна прорасти снизу и захватить государство, изменив его изнутри. Общество должно найти свет в самом себе, и этим светом возродить государство на иных началах.

Не в том ли и заключается «русская идея»? Не есть ли русская идея – идея переустройства общества согласно принципам высшей справедливости, то есть принципам не произвольно выдуманными людьми, но отвечающим их глубинной нравственной сути? Эта идея, вероятно, еще не выражена в полной мере в русской мысли, она не еще не до конца нашла себя в культуре, и, тем более, она очень далека от воплощения в действительность. Но большинство русский интеллектуалов интуитивно предчувствовали и следовали за ней. Одним из первых, кто попытался выразить эту идею, летающую в воздухе, в слове был, как ни странно, яростный критик русской жизни и первый западник П. Я. Чаадаев. Он писал в «Апологии сумасшедшего»: «... у меня есть глубокое убеждение, что мы призваны решить большую часть проблем социального порядка, завершить большую часть идей, возникших в старых обществах, ответить на важнейшие вопросы, какие занимают человечество. Я часто говорил и охотно повторяю: мы, так сказать, самой природой вещей предназначены быть настоящим совестным судом по многим тяжбам, которые ведутся перед великими трибуналами человеческого духа и человеческого

общества»⁹⁴. Уж кого, а Чаадаева сложно заподозрить в пристрастии к идеализации русских нравов и русского быта.

Является ли русская идея той самой национальной идеей, которую принято судорожно искать в последние годы? О правомерности самого понятия «национальная идея» размышляет профессор В. М. Межуев: ««Русскую идею» трактуют часто как национальную. Но в каком вообще смысле можно говорить о национальной идее? Ее, видимо, не следует смешивать с национальным интересом, играющим важную роль в политической практике, в частности в области межгосударственных отношений. Каждое государство обладает своими национальными интересами, защита которых - преобладающий тип политики в современном мире. Россия здесь не исключение. Никто не станет отрицать наличия у нее национальных интересов - даже самые ярые противники национализма. Что же вызывает у них смущение при слове «идея»? Различие между идеей и интересом трудно установить в границах существования одной нации, но оно становится очевидным, как только мы ставим вопрос о принадлежности данной нации к более широкой исторической общности - цивилизации. При несходстве своих национальных интересов разные нации, принадлежа к одной цивилизации, выражают свою общую принадлежность к ней в идее. Идея, следовательно, - это осознание своей цивилизационной идентичности, которую следует отличать от национального интереса. Можно спорить о том, в чем состоит эта идея, но она, несомненно, присутствует в сознании любого народа, принадлежащего вместе с другими к общей им всем цивилизации»⁹⁵.

Невыраженность русской идеи является признаком невыраженности, неоформленности российской цивилизации. Наша цивилизация еще находится в процессе своего становления. Из чего не следует, что ее нет вовсе. Никто не отрицает существование русской культуры как культуры самобытной,

⁹⁴ Чаадаев П. Я. Апология сумасшедшего. Режим доступа: <http://www.vehi.net/chaadaev/apologiya.html>

⁹⁵ Межуев В. М. Идея культуры. Очерки по философии культуры. - М.: Прогресс-традиция, 2006. - С. 334.

уникальной и одновременно универсальной, несущий в себе общечеловеческие ценности. Цивилизация – это культура, которая нашла форму для своего окончательного выражения. Согласно О. Шпенглеру, цивилизация – закат культуры. С этим можно согласиться лишь отчасти, ведь продолжение развития культуры есть и продолжение развития цивилизации. Становление российской цивилизации – незавершенный процесс, и чем завершится и завершится ли вообще – зависит от судеб русской культуры. Русская культура еще не нашла окончательные ответы на те вопросы, которые были поставлены в ней. И потому российская цивилизация и существует и не существует одновременно. Она есть поскольку проблемы, затронутые деятелями русской культуры и то, как ставились они, позволяют определить ее сущностную отличность от других культур, но ее нет, поскольку не все ответы найдены и не все проблемы нашли свои решение.

Вопрос о государстве – одна из таких проблем. Противники становления российской цивилизации – в этом вопросе сторонники национального государства. Они исходят из того, что русский народ должен войти в семью европейских народов в статусе одной из европейских наций. То есть русским не следует искать свою цивилизационную идентичность, им достаточно принять европейскую цивилизацию как родную и «подтянуться» до уровня уже определившихся в этом вопросе народов. Последние события, происходящие вокруг ситуации на Украине, показывают, что при всем желании это задача невыполнима. Европа не собирается принимать Россию на правах одного из членов союза даже в отдаленной перспективе. Европа не считается с национальными интересами России, рассматривая ее лишь в качестве колонии, из которой удобно поставлять природные ресурсы, но которая ни при каких обстоятельствах не должна стать серьезным игроком на мировой политической арене. Европейские власти панически боятся усиления России, превращения ее в империю того или иного качества, по причине того, что сами строят новую империю (конкурентов «Рим» не терпит). В 2007 г. в интервью немецкой газете «Ди Вельт» председатель европейской комиссии Ж. М Баррозу сравнил

Евросоюз с империей, но тут же сделал оговорку, что это «неимперская империя»⁹⁶. «Неимперская империя» – это все-таки империя, это все та же старая римская идея, но представленная в новом виде и с учетом прошлых ошибок. По понятным причинам термин «империя» не фигурирует в дискурсе официальных европейских лиц, но иногда он все же «вылезает» наружу, приоткрывая завесу реальных планов.

Сторонники российской цивилизации делятся на два типа. Взор первых устремлен в прошлое, в нем они видят «потерянный идеал», то, к чему следует вернуться. Православная святая Русь – их греза, их мечта. Их желания еще более незрелы и безрассудны, чем желания тех, кто видят перспективу во всеобъемлющей «европеизации». Прошлое ушло и к нему нет возврата. Оно не было идеальным, скорее, его следует назвать трагическим. Каждый, кто знаком с российской историей, просто не имеет морального права грешить против истины и упиваться ретроградскими фантомами. Россия никогда всецело не жила христианской моралью. Возможно, это будет справедливо сказать и про другие христианские народы, но не о них речь. Глупо искать в прошлом того, чего там нет. Богоносный народ – это перспектива, это потенциал, который русский народ имеет, и о реализации которого чаяли выдающиеся русские мыслители, но это не данность, это не свершившийся факт. Русская идея рождена неутолимой тягой к грядущему, светлому будущему. Как точно выразился В. Г. Белинский, Россия – страна будущего. «Какую идею предназначено выражать России, – определить это тем труднее и даже невозможнее, что европейская история России началась только с Петра Великого и что поэтому *Россия есть страна будущего*. Россия, в лице образованных людей своего общества, носит в душе своей непобедимое предчувствие великости своего назначения, великости своего будущего. И не

⁹⁶ Dimensionen eines Imperiums. Die Welt. 17.10.2007. Режим доступа:
http://www.welt.de/welt_print/article1272705/Dimensionen_eines_Imperiums.html

увлекаясь ни детскими фантазиями, ни ложным патриотизмом, можно сказать смело, что есть факты, превращающие это предчувствие в убеждение»⁹⁷.

Другие сторонники российской цивилизации смотрят в будущее. Они находят в прошлом основание для прорыва вперед – через современность – в новую эпоху. Предпосылки лишь точка опоры, от которой следует оттолкнуться, но не самоцель. Идея национального государства потому для них не приемлема, что они видят громадный нерастраченный потенциал у России, раскрытие которого сулит открытие новых исторических горизонтов для всего человечества. Они видят в русской культуре предвестие сверхнационального единства на принципах отличных от европейских – единства, основанного не на праве, но на правде. Правда не отрицает права, но стоит поверх него, вбирая его в себя. «Государство правды», как именовал будущее российское государство Н. Н. Алексеев, не может быть национальным государством, потому что задачи его шире национальных. «Государство правды» – империя, но не империя силы, а империя духа. Само слово «империя» кажется не подходящим для описания такого государства, но другого слова пока нет, хотя возможно оно и появится со временем. Такое видение проблемы предполагает готовность к историческому творчеству, к созиданию своего величия, оно требует мужества и воли, в противовес и пустой восторженности былой «святостью» (которой никогда не было), и слепому преклонению перед Западом. Невозможно предугадать заранее окажутся ли правы те, кто верят в славное будущее России. Будущее не просчитывается рассудком. «В Россию можно только верить», – писал Тютчев. А можно и не верить. Выбор дороги навстречу мечты осуществляется через веру. Всегда будут те, кто не верят в будущее своего отечества, и они найдут аргументы в пользу того, что у него нет никакого особенного будущего. Найдутся и те, кто разделяет ту веру, которой сознательно или полусознательно были привержены лучшие русские умы. О вере не спорят.

⁹⁷ Белинский В. Г. На «сочинения Державина». Четыре части. Санкт-Петербург. 1843. Статья вторая. Режим доступа: http://dugward.ru/library/dergavin/belinsky_dergav.html

«Государство правды» – не очередная ли это утопия? Пусть так. А разве всякая утопия плоха? Не приводит ли отсутствие идеала, пусть и недостижимого в скором времени, к глубокому кризису общества и культуры? И не является ли не очень убедительное (особенно для стороннего наблюдателя) состояние современной философии следствием потери *идеального*? «Проблема, перед которой стоит философия, – та же самая, перед которой стоит современное общество, – поясняет академик А. А. Гусейнов. – У них нет идеальной перспективы. Нет некоего всеохватывающего, философски осмысленного и аргументированного идеала в качестве перспективы, вдохновляющей практические усилия по совершенствованию форм жизни. Старая утопия, делавшая ставку на счастливое преобразование мира через посредство науки и техники, потерпела крах. Новая утопия не выработана. Складывается впечатление, что общество собирается привыкать к укороченности и несовершенству земного существования, а философия – обходиться без метафизики и прорыва к трансценденции. <...> Можно предположить, что именно в этом, в отказе от утопий, в утрате морально-возвышающего пафоса заключается кризис современной философии»⁹⁸. Ряд мыслителей считают философию «квинтэссенцией культуры». Если это так и философия не откроет себя для идеального, то и вся культура окажется в состоянии упадка. Идеалы не судят, ими живут. Отечество не выбирают, ему служат. Не способный к самоотверженному служению не ощущает нужды в идеале. Но что есть человек, оставленный без надежды перед невзрачным лицом современности?

⁹⁸ Гусейнов А. А. Философия как утопия для культуры. - Вопросы философии. 2009. №1. - С. 16.

Глава 3. Российское государство и русский народ⁹⁹

3.1. Самодержавная власть во главе модернизации и вопреки ее сущности

На протяжении трех последних столетий эволюция российского государства связана с процессом, за которым закрепилось название «модернизация». Парадигма модернизации имеет свои истоки в общеевропейском пути развития, который начал обретать ясные очертания после эпохи Реформации. Модерн постулирует высшую ценность свободы и прав индивида, среди которых право на жизнь, право на свободу передвижения, право на свободу совести и слова, принцип равенства всех перед законом, право на частную собственность. Эти и другие права утвердились в качестве общепризнанных не сразу, а в ходе длительной борьбы за их осуществление. Экономическим фундаментом для модернизации западного общества выступил капитализм. Капиталисты оказались заинтересованы в торжестве либеральных ценностей, среди которых присутствовала идея неприкосновенности частной собственности. Буржуа имели личную мотивацию для того, чтобы способствовать социально-политическому развитию общества. Она выражалась в желании сохранить неприкосновенность собственного капитала. Когда они такой мотивации не имели (то есть их капиталу ничего не угрожало), они выступали в роли реакционной силы, о чем свидетельствует ход событий революции 1848 год. Кроме того, капитал покровительствовал науке и ее достижениям, так как успешность и конкурентоспособность капиталистического предприятия во многом зависела от его технического оснащения и качества выпускаемой продукции. Быстрый промышленный рост шел в тесной взаимосвязи с ходом научной революции. Модерн прошел под

⁹⁹ Мы используем термин «русский народ», а не российский, потому что, во-первых, это словосочетание было традиционным для политической, литературной и философской мысли в России, а, во-вторых, потому что термин «русский» подчеркивает связь народа с русским языком (термин «российский язык» давно не употребляется, хотя раньше иногда встречался) и русской (опять же не «российской») культурой.

знаком господства науки в духовной сфере и научного мировоззрения среди образованных слоев населения.

В России модернизационный процесс шел иначе, чем в Западной Европе. Там он вызревал изнутри, движимый органичным для своего времени капиталистическим укладом и трансформациями в культуре, цепь которых шла непрерывно со времен Возрождения. Политика в этом смысле «поспевала» за экономикой и культурой. Достижениям в политической сфере предшествовал слом старых ментальных установок и становление производственных отношений нового типа. В России же капитализм не был органично вписан в социальную реальность, капиталистические элементы насаждались со времен Петра посредством государства в силу вынужденных обстоятельств. Наука, а с ней и новые веяния в духовной сфере, также были привнесены извне тем же самым Петром. В 1724 году император своим указом основал Академию наук. «По его проекту Академия существенно отличалась от всех родственных ей зарубежных организаций. Она была *государственным учреждением*; ее члены, получая жалование, должны были обеспечивать научно-техническое обслуживание государства»¹⁰⁰.

Фигура Петра I является ключевой для понимания той модели развития, которой придерживалась наша страна в течение последних столетий. Основным субъектом развития в этой модели выступало государство. Именно оно (вплоть до революций 1905-1917 годов) было главным инициатором проводимых реформ. Самодержавная власть находилась в таких условиях, при которых отчужденность от достижений западных стран, была чревата разгромом государства извне. Понимая угрозу военного поражения и необходимость торгового, технологического и культурного обмена с европейскими странами, Петр I сосредоточивает свои усилия на строительстве флота и создании армии, способной побеждать армии сильнейших европейских держав. Это была первоочередной важности задача, без решения которой само существование

¹⁰⁰ Осипов Ю.С. Академия наук в истории Российского государства. М., «Наука», 1999. Режим доступа: <http://histrf.ru/ru/lenta-vremeni/event/view/osnovana-akadiemii-nauk>.

российского государство находилось под вопросом. При Петре I началось бурное строительство мануфактур, то есть можно сказать, что капитализм пришел в Россию с Петром. Но здесь важно отметить, что мануфактурное производство в России было капиталистическим лишь отчасти, оно было государственно-капиталистическим, при нем использовался труд крепостных крестьян. Сами мануфактуры призваны были работать на удовлетворение государственных интересов и не были независимы от самодержавия, даже обладая такой независимостью формально.

Промышленность была изначально ориентирована на обеспечение нужд армии и флота. Военные задачи стояли впереди остальных. Петровские преобразования проводились железной рукой, жестко, насильственными методами. В эпоху Петра были созданы современная (для того времени) победоносная армия и флот, заложен фундамент российской промышленности, наполнен с избытком государственный бюджет, предприняты меры для повышения качества образования и начато дело всеобщего просвещения. Все преобразования, который совершал Петр, понимались им как полезные для возглавляемой им державы. Такую модель преобразований можно назвать *имперской*.

С точки зрения внутренних процессов суть имперской модели состоит в том, что институт власти выступает в роли стержня, на который «насаживаются» все остальные социальные институты. Государство становится центром общественной жизни. Он обладает достаточными административными, экономическими и финансовыми ресурсами, чтобы управлять и координировать течение хозяйственной жизни. Он выступает в роли попечителя культуры и науки, создает условия для их расцвета. Он организует все население страны, мобилизуя его на реализацию того или иного проекта, имеющего общегосударственное значение.

Имперская модель развития может быть эффективна только в том обществе, членам которого присущ *дух служения*. Дух служения не есть дух услужения (раболепства). Служение предполагает сознание долга, выраженное

в конкретных действиях, на практике. Поэтому сильная и слаженно работающая армия всегда является неотъемлемым атрибутом имперского государства, ведь в ней наиболее ярко выражен дух служения и порядка. Российская армия самодержавных времен состояла по преимуществу из простых людей – крестьян. И тот факт, что в XVIII-XIX веках она одержала ряд грандиозных побед (над шведами, турками, поляками, персами, французами), благодаря которым империя укрепила и значительно расширила свои границы, говорит, что народ в своей массе обладал таким сознанием долга.

Петр I задал парадигму развития, по которой власть всеми силами стремилась «догнать» Запад, прежде всего, в военно-технологическом аспекте. Но одновременно сделать это так, чтобы не пострадала «миссия» государства. И.К. Пантин и Е. Г. Плимак отмечают: «Петр не просто «прорубил окно в Европу», он создал на наш взгляд сам «архетип» или «генотип» развития России, при которой задачей самодержавного абсолютизма становилось прежде всего и помимо всего прочего создание и поддержание военного могущества ради обеспечения своих каких угодно: геополитических, панславистских, империалистических, а позже всемирнокоммунистических притязаний. Менялись «формации», системы и режимы, имена и деяния властителей, но сама нацеленность политики и дипломатии оставалась прежней. «Мы единственно военными упражнениями выступили из тьмы, - пытался наставлять своего злосчастного сына Алексея Петр I, - дали знать о себе другим народам и заставили их уважать себя». «Русская идея», идея российского мессианизма, всегда была присуща политике власти, хотя не всегда находились средства ее обеспечения»¹⁰¹.

Однако Петр I достиг успехов не только в военном отношении. Он принес в Россию первые зачатки просвещения. Точнее сказать, он открыл «шлюзы», через которые европейская культура смогла влиться в культурное поле российской жизни. Многие из нововведений Петра I были поверхностными

¹⁰¹ Плимак Е. Г., Пантин И. К. Драма российских реформ и революций (сравнительно-политический анализ). – М.: Издательство «Весь Мир», 2000. – С. 15.

(вроде бритья бород и замены платья), но совершенный поворот с неотвратимостью повлек за собой изменения в сознаниях тех, кто приобщился к привнесённой извне культуре. К сожалению, следствием такого приобщения стал духовный раскол общества, наслоившийся на сословную дифференциацию. Европейская ментальность была усвоена (в определенной степени) лишь представителями высшего сословия (только они имели возможность говорить и читать на иностранных языках и выезжать за границу), крестьянская масса жила в патриархально-православном символическом поле. Следствием такого положения вещей стало то, что первые «вольнлюбивые» антисамодержавные брожения начались среди дворян. При том, что дворянство как господствующий класс в целом было «шкурно» заинтересовано в сохранении существующего положения вещей.

Раскол общества мог бы быть преодолен, если бы произошло освобождение крепостных и введено всеобщее образование. Единственным институтом, способным осуществить такого рода преобразования было самодержавие. Екатерина II, считая себя преемницей Петра, вначале своего правления порывается дать вольную крестьянам, но позже передумывает. Единственным сословием, на которое она могла опираться в своем правлении, было дворянство, а пойти против интересов дворянства значило для нее подвергнуть себя риску очередного дворцового переворота, путем которого она сама пришла к власти. Достигая успехов во внешней политике и в некоторых отношениях во внутренней¹⁰², в вопросе освобождения основной части населения страны Екатерина пошла на попятную. Более того, закрепощение

¹⁰² Некоторые ее достижения в цифрах по Ключевскому выглядят так: «Армия со 162 тыс. человек усилена до 312 тыс., флот, в 1757 г. состоявший из 21 линейного корабля и 6 фрегатов, в 1790 г. считал в своём составе 67 линейных кораблей и 40 фрегатов и 300 гребных судов, сумма государственных доходов с 16 млн руб. поднялась до 69 млн, то есть увеличилась более чем вчетверо, успехи внешней торговли: балтийской — в увеличении ввоза и вывоза, с 9 млн до 44 млн руб., черноморской, Екатериной и созданной, — с 390 тыс. в 1776 г. до 1 млн. 900 тыс. руб. в 1796 г., рост внутреннего оборота обозначился выпуском монеты в 34 года царствования на 148 млн руб., тогда как в 62 предшествовавших года её выпущено было только на 97 млн» (Ключевский В. О. Курс русской истории. Режим доступа: <http://www.magister.msk.ru/library/history/kluchev/kluch001.htm>).

крестьян не только не ослабло, но усилилось, вплоть до того, что указом 1767 г. им было запрещено подавать какие бы то ни было жалобы на помещиков.

Дарование «Жалованной грамоты дворянству» усугубило раскол. Дворяне приобрели достаточную долю независимости от самодержавия. С точки зрения личных выгод бороться с царизмом им было не за что. Тем не менее, именно представители дворянства готовят «революционный» демарш. Крестьянские восстания (типа «пугачевского») не могли радикально повлиять на ситуацию даже в случае победы. За ними не стояло никакого продуманного сценария действия, программы реформ, предполагающей системные изменения. Первыми из тех, кто решился выступить за ограничения власти царя оказались декабристы. Они потерпели поражение, но оставили след в российской истории как образец гражданских добродетелей, подлинного благородства и чести.

Парадигма развития, заданная Петром I, породила противоречия. Власть была весьма эффективной в решении отдельных проблем и одерживала блистательные победы на военном поприще, в столкновении с врагами из-за границы. Но она не была способной и не хотела менять себя, своей деспотической природы. Если бы тот или иной самодержец сумел опереться на лучших, наиболее прогрессивных представителей дворянского сословия вроде декабристов, тогда бы существовал шанс «некровавого» преодоления социальных диспропорций и межсословного антагонизма. Но этого не случилось и, как показывает история других стран, монархи практически никогда самостоятельно не идут на ограничение своей абсолютной власти.

Нежелание проводить реформы подводит страну к концу правления Николая I к тому состоянию, когда консервация общественных отношений приводит к разительному экономическому и военно-техническому отставанию от ведущих мировых держав. «Страны Запада обгоняли Россию по технике производства, видам и качеству продукции, а главное по производительности труда и объемам производства. Удельный вес России в совокупной выплавке чугуна пятью странами (Англия, США, Германия, Франция, Россия) упал за 1825-1860 гг. с 15 до 5%. Ее удельный вес в мировом промышленном

производстве – при непомерных амбициях российского абсолютизма – составлял в 1860 г. 1,72 % и уступал Франции в 7,2 раза, Германии в 9 раз, Англии в 18 раз. Уровень грамотности, важнейший критерий «цивилизационности» страны, был просто мизерным – примерно 6%!»¹⁰³. Как и раньше, военные неудачи (в данном случае поражение в Крымской войне) становятся главным стимулом для осуществления давно назревших реформ.

С отменой крепостного права российская власть опоздала на век. В 1861 году Александр II все-таки решается на его ликвидацию, но она носит настолько неоднозначный и незавершенный характер, что в результате крестьяне оказались обделены землей и обозлены на помещиков еще больше, чем до реформы. Стесненные безземельем, разорительной податной системой и выкупными платежами, прикованные к своему наделу, крестьяне копили свое недовольство в течение последующего полувека. Рано или поздно оно должно было выйти наружу. Ленин говорил: «1861-й породил 1905-й». 1905-й был предтечей 1917-го года. Пережитки феодальных отношений, вступившие в причудливый симбиоз с нарождавшимися капиталистическими отношениями, нависли ярмом над полунищей Россией. «Социальное зло» рабочими и крестьянами виделось равно в лицах помещика и капиталиста. Потому феодализм был сметен революционной волной не ради капитализма (не для утверждения свободы предпринимательства и права на частную собственность), а вместе с ним.

Военно-технологическое развитие немислимо без развития научного и социально-экономического. Развитие производства оказывается невозможным без вольнонаемных рабочих, а значит и без отмены крепостного права. Царская власть одной рукой способствовала просвещению, другой придерживала его. Она отменяет крепостную зависимость, но ставит крестьян в такое положение, что говорить об их свободе можно только формально. Это послужило одной и главной причин того, что капитализм в России не стал преобладающей

¹⁰³ Плимак Е. Г., Пантин И. К. Драма российских реформ и революций (сравнительно-политический анализ). – М.: Издательство «Весь Мир», 2000. – С. 17.

экономической формацией. Не оказалось достаточного количества вольного рабочего населения для всеобщей индустриализации и не были созданы условия для развития мелких и средних частных предприятий. Интересы крупных капиталистов совпадали с интересами помещиков, наследников феодальных традиций. Как уже говорилось ранее, капитализм в конкретных исторических условиях может способствовать социальному прогрессу, а может выступать в качестве реакционной силой для него. Последнее произошло в России.

Развитие науки и образования открывает врата для вольнодумных идей. Они проникают из Европы и получают свое неповторимое отражение в русской мысли. Начинает образовываться слой интеллигенции, который хочет думать, а значит и жить свободно. Именно ей – интеллигенции – предстоит сыграть решающую роль в подготовке российских революций. Но идеи, которыми они будут руководствоваться в этой подготовке будут иметь российскую специфику, они будут значительно отличаться от старых модернистских утопий в пользу утопии коллективистской (которую русские марксисты переняли у народников, несколько трансформировав ее содержание). Ценность справедливости станет приоритетной, что будет подогрето царящей вопиющей несправедливостью.

Самодержавие, с одной стороны, прилагает усилия для того, чтобы не «отстать» от европейских держав, потому что затянувшееся «отставание» чревато поражением в одной из имперских войн. С другой стороны, самодержавие боится ограничить себя, изменить своей самовластной природе. Российское государство обеспечивает единство множества народов и неразделимость огромных территорий. Русский народ на протяжении веков идентифицирует себя с этим государством, защищает его, служит ему. Но государство не слишком считается с ним, попирая его права и зачастую не считаясь даже с примитивными материальными потребностями простого люда.

Ни один другой институт кроме централизованного государства в имевших место исторических условиях не мог бы обеспечить сохранность обширной российской территории и добиться технологического прогресса и

создания единой (на всей территории) хозяйственной системы. Но ни один другой институт не был столь отчужден от русского народа, далек от понимания его нужд и умонастроений. В этом драматизм российской истории.

Имперская модель предполагает особый статус государства и в определенной мере неприкосновенность этого статуса. То, что государство выступает в роли довлеющей силы имеет негативную сторону, которая заключается в том, что личность, интересы человека, а также интересы отдельных групп, могут уничтожаться. Империя собирает всех по одним началом (не обязательно монархическим), вокруг одной идеи или миссии. Дух служения есть предание себя воли этого начала, которое полагается олицетворяющим «благо». В действительности то начало, вокруг которого происходит сосредоточение, чаще всего, не является ни безусловно «благим», ни безусловно «дурным». Оно нуждается в корректировке извне и снизу, и потому подавление гражданской активности всегда идет не в пользу, но во вред институту власти.

Особенность российского модернизационного процесса состояла в том, что достижения Модерна российской властью и российским обществом не воспринимались как самоцель. Капитализм как социально-экономическая формация подвергался критике в среде российских интеллектуалов и справа, и слева. Ценность права признавалась таковой, но не имела того значения, какое ей придавали в Европе. Правда ставилась выше права (о чем уже было сказано ранее). Идея рационального подхода к жизни, неограниченных возможностей человеческого разума также не прижилась в русской культуре. Хотя российская наука (оплот разума) – одна из самых результативных, ее представителями совершенно немало фундаментальных и прикладных открытий. Российское государство и российское общество «использовали» Модерн, многое переняли у зарубежных стран, но не переняли главного – идеала. Идеал правового государства не был подсознательно усвоен русским человеком. В России так и не был сформирован целерациональный психический тип индивида. В массе своей люди не жили по принципам Модерна. Поэтому и идея национального

государства (которая является одной из составляющих целостного «проекта» Модерн и не может быть рассмотрена вне его контекста) не укоренилась в почве российской жизни. При этом национальное как таковое не отрицается, но противопоставление его сверхнациональному – имперскому – противоречит многовековому историческому опыту.

Имперская идея, полагая государство важнейшей и направляющей социальную эволюцию силой, *не обязательно абсолютизирует его роль*. Более того, такого рода абсолютизация в конечном счете подрывает основания имперской идеологии, поскольку служение государству оправдано (легитимизировано) лишь как служение всему обществу и человеку. Отсутствие в сознании людей, населяющих империю, такой связки, ментальной сцепки идей служения обществу и государства ведет к разрушению основ государственного устройства. Гражданин служит государству не потому, что покоряется его прессу (прогибается под его тяжестью), но потому, что видит в этом свой долг. Империя держится духом служения и жертвенности. Совместим ли этот дух с гражданской культурой, которая воспитывает чувство личного достоинства и свободы?

Одним из тех людей, которому удавалось совмещать преданность империи и достоинство гражданина, был А. С. Пушкин, певец империи и свободы по выражению Георгия Федотова. «Пушкин никогда не отъединял своей личности от мира, от России, от народа и государства русского. В то же время его живое нравственное сознание, хотя и подчиненное эстетическому, не позволяло принять все действительное как разумное. Отсюда революционность его юных лет и умеренная оппозиция режиму Николая I. Но главное, поэт не мог никогда и ни при каких обстоятельствах отречься от того, что составляло основу его духа, от свободы. Свобода и Россия – это два метафизических корня, из

которых вырастает его личность» (Г. П. Федотов)¹⁰⁴. Пожалуй, лучше всего гражданское самосознание Пушкина видно в его отношении к Петру I, в котором проступает и его отношение к российскому государству в целом. Личность Петра – сквозная тема для всего творчества Александра Сергеевича. Пушкин восхищается Петром, воспевает его мужество, его деятельную мощь и неукротимую волю к преобразованию окружающего мира:

То академик, то герой,
 То мореплаватель, то плотник,
 Он всеобъемлющей душой
 На троне вечный был работник.

Пушкин видит в Петре силу, способную вызвать ужас, и благородную красоту этой силы:

Выходит Петр. Его глаза
 Сияют. Лик его ужасен.
 Движенья быстры. Он прекрасен,
 Он весь, как *божия гроза*.

«Божия гроза», можно ли сказать лучше? Восторженное восприятие гения войны и победы – черта имперского сознания. Империя растет и славится победами. Но восхищению есть предел. Слишком явственны неоправданная жестокость и деспотический произвол «революционера на троне». Двойственность личности Петра, совмещающего в себе гения и самодура, не могла быть не замечена Пушкиным: «Достойна удивления разность между государственными учреждениями Петра Великого и временными его указами. Первые суть плоды ума обширного, исполненного доброжелательства и

¹⁰⁴ Г. П. Федотов. Певец империи и свободы. Пушкин в русской философской критике: конец XIX - первая половина XX века. М, 1990. С. 356-357.

мудрости, вторые нередко жестоки, своенравны и, кажется, писаны кнутом. Первые были для вечности или, по крайней мере, для будущего, – вторые вырвались у нетерпеливого, самовластного помещика» (из «Истории Петра Великого»).

Венчает размышления Пушкина о Петре, образ царя, прорисованный в поэме «Медный Всадник». Величие и неоднозначность самодержца отражается в облике бронзового памятника, который, приобретая живые черты, выступает вторым главным героем поэмы наряду с Евгением. Петр предстает сразу в двух ракурсах: как творец и обуздатель стихии и как грозный истукан, возвышающийся над простым человеком. Он поражает широтой своих замыслов:

И думал он:

Отсель грозить мы будем шведу,

Здесь будет город заложен

На зло надменному соседу.

Природой здесь нам суждено

В Европу прорубить окно,

Ногою твердой стать при море.

И умением воплощать их в жизнь:

Прошло сто лет, и юный град,

Полнощных стран краса и диво,

Из тьмы лесов, из топи блат

Вознёсся пышно, горделиво.

Усмиритель хаоса, добивающийся результата, не взирая на трудности. «Строитель чудотворный», на топи болот воздвигающий «парадиз», – таков

первый лик Петра. Но есть и другой, отталкивающий своей гордой отстраненностью:

И, обращен к нему спиною,
В неколебимой вышине,
Над возмущенною Невою
Стоит с простертою рукою
Кумир на бронзовом коне.

И вселяющий необъяснимый ужас:

Кругом подножия кумира
Безумец бедный обошёл
И взоры дикие навёл
На лик державца полумира.

И, зубы стиснув, пальцы сжав,
Как обуянный силой черной,
«Добро, строитель чудотворный! -
Шепнул он, злобно задрожав, -
Ужо тебе!...». И вдруг стремглав
Бежать пустился.

В «прозрачном сумраке» проступают черты, обнажающие неприятное качество императора и вместе с ним имперской власти вообще: презрение к человеку, его личности, его повседневным заботам и нуждам. «Властелин судьбы», раздвигающий своей могучей рукой горизонты будущего, но ей же ломающий жизни невинных людей, которые будто подвернулись под ноги его ретивого коня. И в том противоречивость и сложность понимания и оценки личности Петра I, что в нем совмещается

неуклонная созидательная сила, восторгающая своим напором и результативностью, и высокомерное пренебрежение ко всем тем, кто встает на пути данной силы или просто не способен вынести ее давления. Осознавая это противоречие, неизбежно вместе с Пушкиным задаешься вопросом о целесообразности и смысле творимого и тайне самого творящего:

Какая дума на челе!
Какая сила в нем сокрыта!
А в сем коне какой огонь!
Куда ты скачешь, гордый конь,
И где опустишь ты копыта?
О мощный властелин судьбы!
Не так ли ты над самой бездной
На высоте, уздой железной
Россию поднял на дыбы?

Образ Петра Великого в преломлении творчества Пушкина интересен нам не сам по себе, его детальный и всесторонний анализ - задача культурологов и литературоведов. Пристальное внимание к нему для нас обусловлено тем, что в этом образе находит выражение сущность русской власти с ее былыми достоинствами и непреодолимыми недостатками. Русская власть – власть имперская. Тяжесть ее всегда давила, иногда калеча судьбы миллионов, иногда давая послабление, но почти неизменно стесняя личность человека. Потому свободолюбивый человек редко не был к ней в оппозиции. Но она же – русская власть – сложила великую державу, создав условия для возникновения уникальной цивилизации. Потому русский человек, даже вступая в борьбу с властью предрержащими, редко выступал против «сильной власти» как таковой, понимая или интуитивно ощущая необходимость ее наличия для сохранения исторического бытия России.

Все современные страны проходили через тот этап в своей эволюции, когда монархизм (в его абсолютистской форме) переставал соответствовать требованиям граждан и вызовам времени. Крах царизма в России – закономерное явление с точки зрения логики общемировой истории. Но тот проект, который пришел на смену самодержавного государства, стал явлением, выходящим за рамки привычных представлений о векторах исторического процесса. Он открыл новый этап истории для всего мира (всего человечества), не до конца решив те внутрироссийские проблемы, которые достались в наследство от предшествовавших эпох. Советский строй – это попытка совершить прыжок в коммунизм из феодализма, спаянного с отдельными элементами не получившего достаточного развития капитализма. В этой попытке проглядывается огромное историческое притязание, порой идущее поверх объективных обстоятельств и словно не замечавшее ограничений, которые накладывали минувшие эпохи, и в конечном счете не сумевшее их преодолеть.

Русский народ в начале XX века совершил выбор в пользу *некапиталистического развития*¹⁰⁵. Гражданская война – страшное бедствие, становящееся неотвратимым, когда раскол внутри общества достигает предела. Гражданская война – крайняя форма политического конфликта. Тот факт, что большевикам удалось выйти из этого конфликта победителями, преодолеть сопротивление белого движения (многие участники которого были профессиональными военными), пресечь поползновения интервентов, свидетельствуют о том, что им действительно удалось заручиться поддержкой основной массы населения, рабочих и крестьян¹⁰⁶. Выбор в пользу

¹⁰⁵ Еще в 1880-х годах один из экономистов-народников В. П. Воронцов, отстаивая вариативность форм экономического развития, писал: «Капиталистическое производство есть лишь одна из форм осуществления промышленного прогресса, между тем как мы его приняли чуть не за самую сущность». (Воронцов В. П. Судьбы капитализма в России // Народническая экономическая литература. М., 1956. С.463).

¹⁰⁶ Подробнее см. Кара-Мурза С. Г. Глава 6. Гражданская война. Советская цивилизация (от начала до наших дней) — М., Эксмо, 2008.

некапиталистического развития был гражданским, народным выбором. Он не был навязан, не был спущен «сверху». Он стал цивилизационным выбором русского народа.

Такой выбор был предопределен историей. В культурной сфере почву для него подготовило православие. Одними из основополагающих ценностей для православного учения являются *соборность* и *нестяжание*. Они прямо противоположны ценностям протестантизма, который утверждает *индивидуализм* и поощряет *накопительство*. Протестантизм, возобладавший на религиозном поприще на Западе, стал ментальным и духовным стержнем капитализма, что весьма убедительно показал М. Вебер в своей известной работе «Протестантская этика и дух капитализма». В России не было Реформации. Не получила в ней сколько-нибудь широкого распространения и протестантская религия. Потому говорить о том, что в российской культуре были этические основания для капиталистического типа хозяйства нельзя. Правда, многие старообрядческие общины довольно успешно вели свое хозяйство, в том числе имея во владении промышленные предприятия, но по духу и методам управления это хозяйствование сложно назвать капиталистическим в западном смысле этого слова.

Крестьянская община стала другим предопределяющим фактором совершенного выбора. Она сложилась как вследствие природных (большая часть территории страны находится в зоне рискованного земледелия, вести хозяйство в которой в одиночку слишком опасно) и социально-экономических (нагрузка поборов со стороны государства и тягловых обязательств перед помещиком распределялась по всему коллективу, что позволял избежать разорения отдельных его членов) причин, так и под влиянием духовных императивов. О когерентности принципов православия и принципов жизнеустройства русской крестьянской общины пишет Н. В. Сомин:

«Русская община – это особый социальный мир, удивительный и во многом замечательный. Как указывалось, ценность общины для крестьян заключалась в социальных гарантиях, которые «мир» мог дать

общинникам. Основу этих гарантий составляла общая собственность на землю. Причем эту принадлежность земли общине, а не отдельному крестьянину община активно использовала, периодически осуществляя переделы земли. Молодым семьям община давала надел, снимая землю у семей, которые уже не могли ее эффективно обрабатывать. Особо нужно указать, что все важные для общины решения принимались сообща, на общем сходе. Благодаря такой народной демократии и общинной собственности земли осуществлялась поразительно точная социальная справедливость.

Суровость жизненных условий требовала от крестьян взаимовыручки. Всевозможные виды взаимопомощи («помочи», «дожинки», «капустники», «толока»), сбор средств погорельцам были обязательной составной частью общинного быта. Никто никогда не бывал забыт, несправедливо обижен или выкинут из общинного социума. Было бы натяжкой считать, что весь уклад общины являлся прямым следствием искреннего принятия крестьянами православной веры – живучесть общины зиждилась прежде всего на даваемых ею социальных гарантиях. Однако несомненно, что и общинная собственность на землю, и «помочи», и решение дел на сходе полностью гармонировало с существующими в Православии принципами общности земных благ, милосердия и соборности и поддерживалось ими»¹⁰⁷.

Взяв за систему координат марксизм, русское общество выбрало социалистический путь развития. Община сама по себе (чего так вслед за Герценом чаяли народники) не стала основой для нового экономического уклада. Произвести подобного рода трансформации была способна только новая сильная власть. Православие, некогда духовно питавшее русских людей, став символом покорности самодержавной системе, было отвергнуто, но не были отвергнуты упомянутые выше принципы жизнеустройства. Марксизм стал тем интеллектуальным оружием, с помощью которого удалось отстоять

¹⁰⁷ Сомин Н. В. Лекция 14. Развитие капитализма и общинная жизнь в России. «Экономические категории в Священном Писании и церковном учении». Режим доступа: http://www.chri-soc.narod.ru/posobie_14.htm.

традиционные для русского мира ценности и вписать революционные события в логику глобальных исторических свершений. Коллективизм, имевшую глубокие корни в российской действительности, и идеология марксизма, привнесенная из Европы, в союзе стали оплотом нового порядка. И следует заметить, что марксистская идеология без опоры на общинные традиции не имела бы сколько-нибудь значительного успеха в России. Но и крестьяне, бесконечно далекие в своей ментальности от европейской мысли, без руководства со стороны идеологически заряженных людей вряд ли бы решились на кардинальное переустройство всей системы общественных отношений (они даже не мыслили в категориях подобного типа). Промежуточным звеном между крестьянами – основной массой населения (85% по данным переписи 1913 года) – и идеологами стал пролетариат, который, с одной стороны, сохранял тесную связь с деревней, и по своему духу был близок крестьянам, с другой стороны, проживая в городе, приобщился к идеям, активно распространяемым интеллигенцией.

Решения постреволюционной власти (выражавшиеся в декретах о мире, о земле, о полноте власти Советов, об образовании Рабочего и Крестьянского правительства, об уничтожении сословий и гражданских чинов и др.), позволявшие сломать старый строй и проложить дорогу в будущее, были проведены в жизнь сильной централизованной властью. Что свидетельствует о том, что имперская модель развития (которую не верно отождествлять с абсолютизмом) не исчерпала себя. Она нуждалась в обновлении, в живительных соках снизу, поддержки со стороны граждан. Такую поддержку большевики нашли в лице пролетариата.

Большевики выбрали ту же модель развития, что и Петр I. Центральная власть сосредоточила в своих руках все рычаги для проведения полномасштабных, охватывающих все отрасли реформ. Такое сосредоточение позволило решить ряд важнейших задач: обеспечить крестьян землей, уничтожить социальное неравенство, уравнивать в правах мужчин и женщин, провести индустриализацию в предельно короткие сроки, ликвидировать

безграмотность, ввести всеобщее среднее образование, подготовить специалистов для осуществления НТР, добиться независимости от внешнего рынка. Возможно было ли срочное решение этих задач без централизации управления, без мобилизации ресурсов и населения? Вряд ли. Имперская модель в этом случае показала свою эффективность. Но, к сожалению, личность человека, его свобода опять оказалась попрана. Тем не менее, не верно было утверждать, что в советском обществе не было гражданской культуры, что советский человек не имел гражданского сознания. Во многих отношениях гражданское сознание и гражданская активность советского человека была более высокого уровня, чем таковые современного россиянина. Советская гражданская культура была сонаправлена марксистско-ленинской идеологией, которой удавалось выполнить функцию сверхнационального регулятора духовной сферы. Идеология дала импульс для развития гражданских начал, но она накладывала столь стесняющие мысль ограничения, что в конечном итоге пробужденная энергия обернулась против нее самой.

3.2. Советский проект и причины его провала

Поднимая тему российского государства, нельзя не обратиться к опыту строительства советской империи. Очень важно понять позитивные стороны этого опыта и причины неудачи советского проекта, понять ошибки, из-за которых советская империя прекратила свое существование. Не может быть слепого возврата к старому, история не повторяется, и попытка «притянуть за уши» в настоящее то, что ушло безвозвратно, приводит лишь к усилению противоречий и углублению кризисных тенденций. Но это не означает, что нечему учиться у прошлых эпох, что невозможно извлечь оттуда и применить на практике подлинные достижения.

Прежде всего, опыт существования советского государства есть опыт существования наднационального государства. И существования в рамках этого государства наднациональной (или сверхнациональной) общности –

советского народа. Верно сказать, что эта общность как нечто окончательно завершенное и цельное до конца сформирована не была. Но верно также сказать и то, что уровень единства как качественной характеристики этой общности был достаточно высок. Подтверждением чему служит победа во Второй мировой войне: народ разобщенный и раздробленный не способен побеждать в таких военных конфликтах. Подтверждением тому служит и глубина межэтнического взаимодействия, при которой брачные союзы между представителями разных национальностей были в порядке вещей. Также обращает на себя внимание и терпимость разных этнических сообществ друг к другу, которая, к сожалению, не наблюдается в современной России.

За счет чего может быть достигнуто наднациональное единство? Только за счет совпадения национальных интересов и наличия ценностей и целей, разделяемыми различными национальными (или этническими) общностями. Такие ценности и цели выдвигали коммунисты, и потому они смогли построить наднациональное государство. Конечная цель – коммунизм – не предполагала национализма в какой бы то ни было форме, коммунизм – достояние всего человечества, своего рода «земной рай» для всех и во имя всех. Ценности также не привязывались к какой-либо отдельной национальной культуре, не полагались вытекающими из нее, но постулировались как общечеловеческие ценности. При этом особую роль уделяли науке, как источнику истинного знания, и по этой причине марксистскую идеологию объявляли научной, и, как следствие, верной. Однако идеология – это идеология, и путать ее с научной теорией значит мешать развитию последней и предавать ложный статус первой. Эта путаница – одна из главных причин провала советского проекта.

Однако наличия наднациональных ценностей и целей недостаточно для того, чтобы идеал интернационализма, то есть действительного и действенного сотрудничества между народами, воплотился в реальность. Для этого необходимо, чтобы появился субъект, разделяющий эти ценности и цели. Социальный субъект, не окрашенный национальными оттенками того или иного рода, должен возглавить борьбу за интернациональное братство. Тогда

коммунистический проект хотя бы потенциально становится реализуемым. Таким субъектом, согласно марксизму, должен стать пролетариат: трудящиеся и эксплуатируемые всех стран. Отсюда – идея диктатуры пролетариата как условия для победы интернационалистического проекта «рая для всех». Однако история показала, что пролетариат не способен быть политическим субъектом, то есть таким субъектом, которому принадлежит власть и который распоряжается ей в соответствии со своей волей. Так или иначе выделяется элита, которая и становится реальным носителем власти. Она может в отдельных аспектах своей деятельности опираться на интересы пролетариата, в других – исходить из своей логики и внутривнутриполитических коллизий. Элита, как это и произошло в СССР, отрывается от класса, который был опорным для нее, когда она вела борьбу за власть, и это отчуждение постепенно может достичь размеров, угрожающих ее легитимности. Тогда вновь начинают просыпаться национальные чувства и возрождаться национальные проекты в противовес имперскому. Сама империя начинает отождествляться с элитой, которая потеряла «связь с народом».

Просчет марксистских теоретиков оказался в том, что пролетариат не был готов выполнять роль политического субъекта или даже арбитра внутриэлитных разборок. Во-первых, пролетариат – слишком широкий социальный слой, а для управления государством требуется относительно небольшое количество высококвалифицированных людей, понимающих как оно (то есть государство) работает. Во-вторых, весьма невысокий уровень политической культуры рабочих стал тормозом для развития демократических тенденций внутри советского общества. В-третьих, настоящей субъект – партия – во главе со Сталиным узурпировала власть и во имя ускоренной индустриализации не считалась с мнениями пролетариев и, тем более, крестьян. В-четвертых, по мере нарастания темпов научно-технического прогресса и структурных изменений в социуме (увеличения численности и значения интеллигенции) во второй половине XX века пролетариат уже перестал быть

столь всеобъемлющем и играть столь важную роль как раньше. Образно говоря, он перестал быть «локомотивом истории».

Когда нет субъекта, интернационального по своей природе, готового брать на себя ответственность за настоящее и будущее империи, тогда идеал интернационализма, как бы возвышен и прекрасен он не был, остается лишь проекцией в голове. Поскольку реальный и единственный политический субъект Советского Союза – коммунистическая партия – к концу 80-х годов сложила с себя всякую ответственность как за настоящее, так и за будущее, и сама отказалась от имперской идеи, то, естественным образом, Союз распался¹⁰⁸. Он не мог не распасться, так как на политической арене не оказалось никого, кто был бы заинтересован в продолжении его существования.

Деградация и дезориентация политического субъекта сопровождалась кризисом идеологии. Вдруг оказалось, что учение Маркса не всеильно, из чего сделали не подкрепленный логикой, но однозначный вывод, что оно абсолютно не верно. На всем протяжении двадцатого столетия идеи Маркса и Ленина в Советском Союзе не развивались, идеология заостенела, превратилась в мертвые догматы. Развитие подразумевает критику того, что должно быть развито. Табу на критику вырождается в табу на развитие. Это и произошло с марксизмом-ленинизмом. Кризис идеологии повлек за собой в массовом сознании кризис советского идеала как перспективы. Когда имперский проект дискредитирован, причем дискредитирован теми людьми, кто раньше являлся его «преданными» сторонниками и апологетами, когда вместе с этим происходит разложение субъекта, несущего ответственность за реализацию проекта, тогда крах империи неизбежен.

Но в чем суть проекта, предложенного Лениным? В чем его ценность для будущего? Прежде всего, Владимир Ильич был яростным защитником права наций на самоопределение. И не менее яростным противником империализма,

¹⁰⁸ О том, что среди главных причин распада Союза нельзя назвать экономический коллапс, убедительно говорит статистика ключевых экономических показателей: вплоть до начала перестройки хозяйство развивалось нарастающими темпами. См. книгу С. Г. Кара-Мурзы «Народное хозяйство СССР» (М., Алгоритм, 2012).

то есть ущемления свободы народов. Каждый народ имеет безусловное право сам выбирать свою судьбу и никакой другой народ или отдельные лица (в роде монарха) не имеет права диктовать ему условия этого выбора. Критикуя позицию Розы Люксембург, Ленин пишет следующее по этому поводу: «гонясь за “практицизмом”, Роза Люксембург просмотрела главную практическую задачу и великорусского и инационального пролетариата: задачу повседневной агитации и пропаганды против всяких государственно-национальных привилегий, за право, одинаковое право всех наций на свое национальное государство; такая задача наша главная (сейчас) задача в национальном вопросе, ибо лишь таким путем мы отстаиваем интересы демократии и равноправного союза всех пролетариев всяческих наций»¹⁰⁹.

Тезис о национальном самоопределении был включен в советскую конституцию и во многом благодаря ему события конца 80-х и начала 90-х годов XX столетия не приняли характер тотальной братоубийственной войны¹¹⁰. Выдвигая этот тезис, Ленин порывает с имперской традицией прошлого, выступает против империй, но именно империй старого образца. Ленинский проект советского государства – тоже имперский проект, но империи нового типа.

Советская империя обладала признаками, присущими всем прошлым империям: сильной централизованной властью, обширностью территории (одна шестая часть суши!), поликультурностью, полиэтничностью, независимостью во внешней политике от других государств, экономической самодостаточностью, идеологией, скрепляющей все социальные институты и задающей вектор движения. Но Ленин попытался привнести в эту империю то, чего империи никогда не знали ранее. А именно демократическую культуру. «На деле именно эта пропаганда (за право наций на самоопределение - *примеч.*

¹⁰⁹ Ленин В. И. «О праве наций на самоопределение». Журнал «Просвещение». №№ 4, 5 и 6. – Режим доступа: <http://www.revolucia.ru/pravonac.htm>

¹¹⁰ События в нагорном Карабахе, приднестровский конфликт, гражданская война в Таджикистане в 1992-1997 годах и другие столкновения на национальной почве показывают, что такая угроза была вполне реальна.

И. У.), и только она, обеспечивает действительно демократическое и действительно социалистическое воспитание масс. Только такая пропаганда гарантирует и наибольшие шансы национального мира в России, если она останется пестрым национальным государством, и наиболее мирное (и безвредное для пролетарской классовой борьбы) разделение на разные национальные государства, если встанет вопрос о таком разделении»¹¹¹. Отстаивая право наций на самоопределение, Ленин боролся за демократию, за возможность народов самостоятельно определять свое будущее. Вместе с тем, он призывал народы к единству, к сплочению, указывая на общность их интересов и ценности наднационального порядка. В этом новизна ленинского проекта – в стремлении совместить демократические начала и имперскую форму государственного устройства.

Проект остался на бумаге. Демократические начала не получили развития, и политика Сталина убила их ростки на корню. По факту, в особенности после смерти Ленина, советская власть продолжала политику старого имперского типа. Нации не чувствовали себя свободно, ощущая давление центра. Это давление было связано не столько с давлением в отношении какого-либо конкретного народа, но с сущностью самого политического процесса. Русский народ был угнетаем так же, как и остальные. Советское общество стало равно недемократичным. Пролетариат оказался не способен поддерживать демократию, контролировать партию и чиновничий аппарат. Власть сосредоточилась в одних руках. Национальное самосознание пробудилось позже как ответ на узурпацию власти и из-за желания выразить гражданскую жизнь в национальной форме. Первичная причина – отсутствие возможности для гражданского самовыражения в рамках союзного государства. Национальные движение вторичны. Если бы существовала возможность для полноценной гражданской жизни в рамках единой страны, движения за независимость не получили бы широкого распространения.

¹¹¹ Ленин В. И. «О праве наций на самоопределение». Журнал «Просвещение». №№ 4, 5 и 6. – Режим доступа: <http://www.revolucia.ru/pravonac.htm>

Союз мог бы быть сохранен и демократические преобразования могли произойти без крушения государственного строя. Мог бы, если бы не одно обстоятельство: духовный кризис советского человека. Наднациональное единство существуют лишь тогда, когда существуют идеи, объединяющие людей, представляющих разные народы. Лишь тогда, когда существует ответ на вопрос «зачем мы вместе». Когда ответа нет, единство рушится, происходит возврат к национальному самосознанию. Марксистская идеология перестала отвечать на духовные запросы общества, в особенности интеллигенции. Главная скрепа союзного государства вылетела, а за ней последовали и все остальные. Для того, чтобы народы сосуществовали в одном государстве должно присутствовать представление об общем благе, о том, в чем оно заключается и почему оно не противоречит благу конкретного народа и как оно включает его в себя. Такое представление позволяет народам сделать выбор в пользу союза или империи сознательно, не из страха или привычки, но из разумения собственного предназначения и необязывающих предпочтений.

Нечто подобное мы наблюдаем сейчас на примере Европейского Союза. Это добровольное объединение демократических государств, ставящих перед собой общие цели и разделяющих единые ценности. Конечно, Европейский Союз – не империя (на данный момент), и проблем, стоящих перед ним предостаточно. Процесс дальнейшей интеграции под вопросом. Но объединение такого рода появилось не случайно, оно продиктовано совпадением интересов, в том числе и экономических. Координация единого пространства позволяет извлечь большую выгоду и предохраниться от угроз, исходящих от других крупных экономических и государственных образований. Одни из угроз исходят с мусульманского Востока, другие – из-за океана. Национальное государство в современном мире становится слишком слабо, чтобы защищать свои интересы самостоятельно. Оно оказывается вписано в огромное количество связей – культурных, финансовых, социальных, этнических, технологических – между целыми регионами планеты. Оборвать эти связи – значит обречь себя на самоизоляцию и, как следствие, стагнацию.

Если развивать связи, то возникает вопрос: с кем в первую очередь? Естественно, приоритет отдается соседям, обладающим схожим пониманием принципов мироустройства и сотрудничества. Наднациональные структуры начинают играть все большую роль в жизни национальных государств. И это неизбежно. И рано или поздно эти структуры приобретут статус довлеющих над национальной политикой. Вопрос заключается не в том, удастся или не удастся национальному государству оставаться эталоном организации политического пространства. Национальное государство уходит со сцены мировой истории. Дело лишь в сроках. Вопрос в другом: на каких принципах будут функционировать институты власти сверхнационального (наднационального) порядка?

3.3. Вопрос о российском государстве в контексте проблемы столкновения цивилизаций

Известный американский политолог Сэмюэль Хантингтон полагал, что «центральной осью мировой политики в будущем станет конфликт между «Западом и остальным миром», и реакция незападных цивилизаций на западную мощь и ценности»¹¹². Такая постановка проблемы приобретает для России особый смысл, ведь русская цивилизация (со всеми оговорками, отмеченными ранее) – это незападная цивилизация, и на протяжении всей истории между этими двумя мирами шел непростой процесс взаимодействия: Россия то училась у Запада подобно школьнику, то обличала его пороки подобно учителю.

Постараемся рассмотреть сущность проблемы столкновения цивилизаций. Цивилизация – это наиболее широкая культурная общность (достигшая оформления), шире ее – только человечество, то есть выше культуры, стоящей у истока образования той или иной цивилизации, находится только культура в общем смысле, культура как особый вид жизнедеятельности человека,

¹¹² Хантингтон С. «Столкновение цивилизаций?». Полис. 1994. № 1. - С. 12.

наблюдаемый везде, где есть «*homo sapiens*». Конечно, можно говорить о культуре как о том, что объединяет людей, в том числе и принадлежащих к разным цивилизациям. Но региональные различия культур слишком значительны и играют слишком большую роль, чтобы их не учитывать. Чем дальше идет процесс экономической интеграции, чем более тесно взаимодействуют между собой представители разных цивилизаций, тем острее ощущаются эти различия. И если и раньше ценностные разногласия приводили к разного рода конфликтам, вплоть до военных (к примеру, религиозные войны между протестантами и католиками в Европе длились целое столетие от начала шмалькальденской войны в 1546 г. до вестфальского мира в 1648 г.), то теперь в XXI веке, который иногда называют информационным, значение культурных и антикультурных явлений возрастает в разы. Культурные течения порождают те или иные информационные волны, под воздействием которых формируется сознание современного человека. А скажем, те волны, которые порождаются культурой Постмодерна и культурой традиционного ислама, не только различны, но и не совместимы, а значит столкновение между ними неизбежно. В современном мире, когда на вооружении наиболее развитых государств стоят технологии, способные уничтожить всю планету, цена военного конфликта слишком высока. Поэтому поле битвы перемещается из пространства географического в пространство психоинформационное.

Первыми среди осознавших необходимость подобного рода смены стратегии ведения борьбы за свои интересы оказались США. И им принадлежит пальма первенства в деле разработки технологий «информационных войн». Со времен окончания Второй мировой войны вплоть до прекращения существования Советского Союза ход истории задавало противостояние двух сверхдержав, двух цивилизаций. США оказались более успешны в цивилизационном смысле, поэтому, несмотря на военную мощь СССР, они вышли победителями из «холодной войны». Одна из главных причин крушения советского строя – застойность советской идеологии. И сопутствующее ей и одновременно порождающее ее бессмыслие советской

партийной номенклатуры. Культура – явление саморазвивающееся и тем задающее развитие всем остальным сферам жизни. Так можно говорить об экономической культуре, правовой культуре, эстетической культуре, бытовой культуре, гражданской культуре и т. д. Если происходит изменение экономической культуры, меняется ценность труда и отношение к нему со стороны человека, и, как следствие, трансформируется вся экономическая модель. Так протестантская этика вызвала на поверхность те духовные силы, которые потянули за собой все остальное, и некогда презренное третье сословие в лице буржуазии выступило вперед как независимый субъект и творец истории. Но когда культура дряхлеет и размываются ценностные основания цивилизации, и на их смену не приходит новых, империя, которая оформляет цивилизацию в политическом отношении, оказывается бессильной для сдерживания центробежных тенденций. Результат всегда один – распад.

Крах советской цивилизации есть, прежде всего, крах советских ценностей. Безусловно, к середине 80-х годов, когда была затеяна «перестройка» во главе с М. С. Горбачевым, Советский Союз испытывал затруднения и в экономической, и в социальной, и в политической сферах, но не эти затруднения стали решающими. Для того, чтобы это понять и признать, достаточно вспомнить 1917 год. В то время царила экономическая разруха, жуткое социальное расслоение, страна буквально кипела, шла война, империя разваливалась изнутри при активном участии в протекающих в стране процессах широких слоев населения. И это сильно отличалось от 1991 года, когда все решения принимались «наверху». Положение страны в 1917 году было в разы опаснее и труднее, нежели в конце 1980-х годов. И, тем не менее, целостность государства удалось сохранить. Значит, дело не в тех экономических и политических проблемах, с которым столкнулось советское общество. Точнее, не только в них. Главная же причина заключалась в том, что не нашлось воли и сил преодолеть эти трудности, найти выход из ситуации, при этом сохраняя свое лицо. Так, Китай накануне реформ Дэн Сяопина находился в гораздо более тяжелом положении. Но у руководства страны нашлось

достаточно воли и мудрости, чтобы суметь, не разрушая сложное, перестроить систему в соответствии с вызовами, вставшими перед ним. Теперь Китай вместо Советского Союза выступает в роли своеобразного противовеса пытающимся удерживать позиции мирового гегемона Соединенным Штатам.

Итак, когда мы говорим о воле, о сломленном духе, мы касаемся проблемы ценностных предпочтений. И, естественно, если в иерархии ценностей человека понятие гражданского долга стоит на последних местах или отсутствует вообще, глупо надеяться, что в условиях кризиса люди, лишённые чувства гражданской ответственности, окажутся способными найти из него достойный выход. Для того, чтобы найти выход из проблем, касающихся целого (народа, государства, общества), следует прежде научиться принимать на себя ответственность за целое, то есть выходить за пределы своего «я» или, как говорят некоторые психологи, расширять свое «я» до масштаба общего. Но воспитание и возвращение ценностей есть задача культуры. И, признавая тот факт, что советская элита предала ценностные основания той системы, которая подняла ее наверх, следует признать и то, что, следовательно, в самой культуре, транслирующей данные ценности, были серьезные изъяны. Ведь не только элита отвернулась от прошлого, хотя она это сделала первой, но и весь советский народ в целом проявил пассивность в деле защиты своих идеалов. Хотя при этом нельзя сказать, что он полностью от них, то есть идеалов, отказался¹¹³. Здесь другое. Не отказ, но утрата доверия и понимания того, как эти идеалы могут быть реализованы.

Ни одна властная система не простоит долго без поддержки снизу. Без доверия власть недееспособна. К закату «советской цивилизации» КПСС израсходовала почти весь свой лимит доверия. Но ситуация не была безысходной. Доверие могло быть восстановлено, если бы произошла реорганизация партии и обновление идеологии. Реорганизация и обновление –

¹¹³ Согласно некоторым социологическим исследованиям к советским ценностям и сейчас положительно относится большая часть населения России. См. например исследования АКСИО. Режим доступа: <http://eot.su/node/6548>.

понятия не тождественные «разрушению» и «дискредитации». Вся властная система Советского Союза, как и ранее в Российской империи, замыкалась на одного человека. Такой принцип организации характерен для большинства империй, он имеет свои преимущества, но при этом и колоссальные недостатки. Один из которых заключается в том, что если этот самый человек (монарх, император, генсек, президент) оказывается сознательно или подсознательно настроен против системы, то она может быть полностью разрушена в короткие сроки. Это было наиболее уязвимое место советской системы, ее ахиллесова пята. А если известна точка, при давлении на которую рухнет вся постройка, то, по выражению Александра Зиновьева, «иглой можно убить слона». «...о такой "иглке" Запада, как генсек-агент Запада, я говорил как о чисто гипотетическом феномене. Но западные стратеги уже смотрели на такую возможность как на реальную. Они выработали план завершения войны: взять под свой контроль высшую власть в Советском Союзе, поспособствовать приходу на пост Генерального секретаря ЦК КПСС «своего» человека, вынудить его разрушить аппарат КПСС и осуществить преобразования («перестройку»), которые должны породить цепную реакцию распада всего советского общества»¹¹⁴ (А. Зиновьев).

Мы не собираемся строить теории конспирологического порядка, обвиняя М. С. Горбачева в сотрудничестве с ЦРУ и т. п. Имеет значение другое. В ситуации цивилизационного кризиса один человек может сыграть решающую роль. Когда подорваны культурные основания, удерживающие всю социальную архитектуру, достаточно нажатия на «болеву точку», и многоэтажное здание власти складывается как карточный домик. Победила подпольная диссидентская культура, но не потому, что она оказалась близка многим и сумела действительно объединить широкие слои населения и выразить их реальную чаяния, но потому, что та культура, которая объединяла до этого,

¹¹⁴ А. Зиновьев. Как иглой убить слона. Режим доступа: <http://www.zinoviev.ru/rus/slon.html>

утратила свою силу. Старое исчерпало себя, новое не родилось. В этом подлинная суть и трагедия краха Советского Союза.

«Перестройка» приобрела деструктивные черты, так как изначально она не была направлена на «строительство», то есть созидание нового. И это видно по культурным веяньям тех лет, когда из-под полы было вынуто все, что могло обличить и укорить советское государство и его устроителей. Критика – вещь необходимая, когда она подразумевает желание исправить существующее положение вещей, но критика ради критики, отрицание ради отрицания всегда – разрушительны.

И до сих пор находятся «перестройщики», которые главную беду видят в наследии советского периода. По мнению Сергея Караганова, автора проекта, который в прессе получил название «Десталинизация»: «Убежден, модернизация страны ни на техническом, ни на политическом уровне невозможна без изменения сознания общества, возвращения у народа чувства ответственности за себя, страну, гордости за нее, пусть временами и горькой. <...> Общество не может начать уважать себя и свою страну, пока оно скрывает от себя страшный грех – 70 лет тоталитаризма, когда народ совершил революцию, привел к власти и поддерживал античеловеческий, варварский режим. <...> Продолжать скрывать от себя эту историю означает неявно оставаться соучастниками этого преступления»¹¹⁵. Согласно подобного рода представлениям главное препятствие для развития общества, для его «модернизации» – недостаточное «покаяние» за «грех советского прошлого». Но даже если видеть в советской эпохе только «черное» (хотя каждому мыслящему человеку понятно, что ни один исторический отрезок нельзя рассматривать сквозь призму категорий «черное-белое»), что может дать подобного рода самобичевание, тем более сейчас, когда мы стоим перед проблемами совсем иного порядка?

¹¹⁵ Новая газета. Спецвыпуск «Правда ГУЛАГа» от 04.02.2011.№3.

«Перестройка» – это самобичевание, затеянное самой советской властью и ее же и разрушившее. Цивилизация, повернувшись спиной к самой себе, либо перерождается, либо погибает. Империя, уничтожая имперскую вертикаль власти, дискредитируя ее, тем убивает себя. Цивилизация – понятие, характеризующее культурную общность. Империя – понятие, характеризующее политическую общность. Национальное государство в отличие от империи никогда не было способным объединить под одним крылом разные народы, приверженные к разным культурам. Цивилизация подразумевает наличие метакультуры, которая способна вобрать в себя то, что мы называем национальной культурой. Империя подразумевает наличие метасилы, которая стоит над всеми остальными силами, обладающими в пределах своего ореола долей независимости.

В этом смысле США являются империей, которая, объединяя относительно независимые штаты, стремится расширить зону своего влияния на всю планету (или на большую ее часть). США могут быть империей благодаря метакультуре, проявляющейся в особом отношении к личности человека, его правам и свободам безотносительно его национального происхождения. Симбиоз цивилизационной и имперской составляющих позволяет государству быть действительно эффективным в деле защиты и продвижения своих интересов на международной арене. До середины XX века излюбленным способом разрешения политических разногласий была война. И вопрос о военной силе был вопросом номер один. Не случайно Петр I, родоначальник Российской империи, в первую очередь думал об армии и флоте, после – об остальном. Но в современном мире вперед выходит цивилизационная составляющая, и методы борьбы не могут свестись к вооруженным столкновениям, хотя и последние имеют место (взять хотя бы войну в Ираке или интервенцию в Ливию). Главное, не питать иллюзий по поводу того, что само противоборство закончилось и возможен мир, где всем «хорошо». Он невозможен не потому, что он невозможен в принципе, но потому что западная цивилизация по своему типу – цивилизация агрессивная,

экспансивная, а значит стремящаяся подчинить или «перезформатировать» по своему другие цивилизации. Одновременно с этим западная цивилизация объективно наиболее развита, следовательно, ее экспансия имеет все шансы быть успешной.

Обычно проводят различие между понятиями «модернизация» и «вестернизация», понимая под первым процесс становления современного общества, под вторым – распространение западных ценностей и вытеснение ими ценностей автохтонных культур. Но неизбежно возникает вопрос, а что такое современное общество? Часто в пример ставится Япония, которой удалось стать современной и успешной, при этом сохранив свою самобытность. И она действительно сохранила свои самобытные черты, но удалось ли ей сохранить нерушимым ценностный стержень своей цивилизации – это вопрос. Дело в том, что современное общество – это потребительское общество. Та культура, которая реально стала приобретать глобальный характер, проникая во все общества, это не культура права и личной свободы (которая лежит в основе многих достижений западных стран), а культура потребления. То есть не культура Модерна, а культура Постмодерна. Ценности потребительской культуры можно назвать антиценностями. А саму потребительскую культуру можно назвать антикультурой, так как она не воспитывает любовь к созиданию, но поощряет страсть поглощения, «пожирательства». Окончательная победа потребительского духа подразумевает остановку развития, ведь человеку, зараженному чумой потребления, не нужно стремиться к чему-либо, изменяться, совершенствоваться, его счастье – в приобретении новых товаров. И отношение к жизни, к окружающим людям, к природе, к знаниям, к искусству начинает формироваться по принципу рыночных отношений, а значит собственно «человеческое» исчезает, уходит в небытие.

И японское общество, став современным, не стало квазиевропейским или квазиамериканским. Однако оно столкнулось с теми же самыми проблемами, которые рождают потребительские ценности. Две из них предельно очевидны. Одна из проблем – это падение рождаемости (в Японии в сочетании с высокой

продолжительностью жизни это привело к самому быстрому во всем мире «старению» населения), другая – «виртуализация» жизни. Современным миром, по словам французского философа Ги Дебора, правит «Гаджет» во всех своих ипостасях (в роли «гаджетов» могут выступать не только материальные вещи, но и удачно продаваемые идеи)¹¹⁶. Человек уходит из реальности¹¹⁷, его перестает интересовать подлинное, настоящее, важным оказывается форма, а не содержание. И такое отчуждение распространяется во всех направлениях, вплоть до отчуждения от самого себя. Член современного общества не живет (существует, но не живет) и не стремится дать жизнь, то есть рожать и воспитывать новое поколение. Такое положение вещей – прямое следствие торжества потребительского духа.

А культурные основы любой цивилизации противны антикультуре потребления, так как любая высокая культура задает идеалы, устремляясь к которым человек преодолевает узкие рамки своего «личного», и таким преодолением совершенствуя не только себя, но и общество. Тот, кто возвышает себя до идеала, пусть не становясь им в полной мере, но противопоставляя примером своей жизни идеальное обыденному, тот в массовом сознании выступает в роли героя. Но герои есть до тех пор, пока существует идеальное. Смерть идеального означает и смерть героического. Как верно заметил английский философ Т. Карлейль: «Если сами мы холопы, для нас не может быть героев»¹¹⁸. Холоп - тот, кто подчиняется обыденному, стремясь «поймать», взять из окружающего; свободный – тот, кто дает, кто независим от окружающего и благодаря своей независимости может изменять его, хаос претворять в космос; свободный – творец истории, холоп – раб

¹¹⁶ Ги Дебор. Общество спектакля / Пер. с франц. С. Офертаса, М. Якубович. М.: Логос-Радек, 2000.

¹¹⁷ Показательно в этом отношении такое явление как хикикомори или НЕЕТы (ниты) в западной терминологии. Хикикомори (яп. «сидение взаперти») - особый вид асоциального поведения, когда по тем или иным причинам подросток или молодой человек устранивается от всех контактов с обществом и проводит в своей комнате несколько месяцев или даже несколько лет. Согласно психологу Сайто Тамаки, в Японии насчитывается до 1 миллиона хикикомори (20% от всех молодых (до 30 лет) людей в Японии или 1% от всего населения Японии).

¹¹⁸ Карлейль Т. Теперь и прежде/ Сост., подгот. текста и примеч. Р. К. Медведевой. - М.: Республика, 1994. - С. 329.

времени. Антикультура потребления делает «холопство» нормой, на место идеала ставит отсутствие всяких идеалов. Так из жизни исчезает не только герои, но и само представление о подвиге, о нужности героев. «Я думаю, что уважение к героям, – пишет Т. Карлейль, – в различные эпохи проявляющееся различным способом, является душой общественных отношений между людьми и что способ выражения этого уважения служит истинным масштабом для оценки степени нормальности или ненормальности господствующих в мире отношений»¹¹⁹. Видимо, на лицо все признаки «ненормальности».

В сложившейся ситуации существует два выхода, позволяющие стране сохранить свою цивилизационную идентичность. Первый – попытаться изолироваться от глобализационных процессов, одновременно осуществляя возврат к традиционным ценностям. Отчасти это можно наблюдать в некоторых странах мусульманского региона. Второй – предложить альтернативный вариант глобализации, основанный не на потребительских антиценностях, а на метакультуре, который могла бы, с одной стороны, не противоречить напрямую цивилизационным основам жизни тех или иных народов, а с другой стороны, смогла бы выступать в роли глобальной, претендующей на всеобщность. Именно этот сценарий реализовывался в Советском Союзе. Но неудачно, в силу допущенных ошибок «эксперимент» провалился. Но означает ли это, что подобный сценарий в принципе не осуществим?

Дело в том, что для России первый вариант не приемлем. Ей некуда возвращаться. К православию? Но что тогда делать с иноверцами и теми, кто не исповедует никакой веры? Кроме того, православие в той институциональной форме, в которой оно представлено на данный момент, даже у многих из тех, кто считает себя верующими, вызывает недоверие или, как минимум, толику скептицизма. В прошлое возврата нет, российское общество уже невосвратимо ушло от традиционного уклада, хотя отдельные элементы его сохраняются

¹¹⁹ Там же.

(например, фигура президента, глава государства по-прежнему предстает в роли верховного арбитра, к которому обращаются не только для разрешения крупных вопросов государственного значения, но и по самым мелким проблемам местного значения). Но и модернизация в классическом варианте также не русский путь. Потому что Россия – не европейская, другая цивилизация, и ценности Модерна она усвоила, значительно их переработав. Точнее сказать, процесс усвоения и перерабатывания еще продолжается. Но факт «инаковости» уже явственен.

Второй сценарий более трудно осуществим. Альтернативный путь глобализации подразумевает выработку альтернатив в трех главных сферах социальной жизнедеятельности: политике, экономике и культуре. Китаю удастся идти «своем путем» в двух из них: экономике и политике. Но вопрос об альтернативной глобальной культуре он не решает и вряд ли способен. При этом, Китай – империя. И благодаря своей имперской структуре ему удастся оставаться самостоятельным и независимым от кого бы то ни было. И, безусловно, Китай – особая цивилизация, и его имперская мощь лишь способствует проявлению неповторимого лика этой древней цивилизации. Но проблема потребительского отношения к жизни и тех последствий, которые оно вызывает, видна и там. Борьба с потребительским духом происходит в Китае в основном посредством репрессивных мер, что вряд ли может быть эффективным в долгосрочной перспективе.

Единственный выход для России – взять на себя ответственность за реализацию альтернативного сценария глобализации. И для этого она должна стать империей нового типа¹²⁰. Это единственный выход для нее. Во-первых, потому что российское общество предельно атомизировано и процессы

¹²⁰ Один из наиболее интересных историков современности А. И. Фурсов так разъясняет этот термин: «Под "имперскостью" имеется в виду не восстановление империи типа Российской или квазиимперии типа СССР — реставрировать в истории ничего нельзя. Речь идет о высокоцентрализованной высокоинституционализированной наднациональной структуре, державообразующим народом которой являются русские» (Будущее российской цивилизации: Нация? Цивилизация? Иное? Российская Федерация сегодня. 2011. № 6. Режим доступа: <http://www.pu.virmk.ru/aktual/MNENIE/authors/fursov.htm>).

разложения, несмотря на пресловутую «стабильность», не остановлены, но продолжают набирать обороты. Во-вторых, потому что единственный способ заново собрать столь разнородное общество – это сборка с помощью метакультуры, которая бы, не отрицая культуры и традиции отдельных народов, создавала общий купол смыслов, под которым все бы смогли ужиться. В-третьих, потому что культура России содержит в себе элементы культур Азии и Европы, а значит синтез Востока и Запада возможен только здесь. «Проблема Востока и Запада, – писал Бердяев, – в сущности, всегда была основной темой всемирной истории, ее осью»¹²¹. В-четвертых, потому что в России разгул антикультуры достиг небывалого размаха, и, следовательно, необходимо предпринимать поистине сверхусилия, чтобы не допустить окончательного падения вниз, на дно. В-пятых, потому что Россия имеет советский опыт, пусть завершившийся неудачей, но все-таки реальный опыт сопротивления глобализации в современном ее виде. Сопротивления не слепого, но апеллирующего к иному идеалу всечеловечности. СССР – это империя, равно как и США. Противостояние между ними было противостоянием двух проектов глобализации, с крушением одной из империй проект остался один. Но то место, которое отведено России в нем, не может устраивать русский народ¹²².

3.4. Русский народ: историческое самоузнавание

Сколько речей было сказано о национальной идее, которую якобы нужно найти русскому народу. Сколько слов было написано в попытках сформулировать эту идею, но формулировки бессильны, если они не основаны на реальном опыте и чувстве народной жизни. Русский народ на протяжении всей своей истории выходил из своих границ, он преодолевал себя старого и через это преодоление находил себя нового. Выход из границ своего прошлого

¹²¹ Бердяев Н. А. Судьба России. М.: АСТ, 2010. - С. 185.

¹²² Это место сырьевого придатка. М. Тэтчер однажды обронила фразу (дословно): «экономически целесообразно, по оценкам мирового сообщества, оставить проживать на территории России 15 миллионов человек».

существования (не только географических и политических, но и смысловых, культурных) и нахождения себя вне старых пределов – в этом суть имперскости русских. Русский народ – народ расширяющейся, осваивающей новое и собирающей множество непохожих в одно целое. И если говорить о национальной идеи и предназначении русского народа, то в чем оно может еще заключаться как не в собирании многих в единое?

Но признать это, значит отказаться от строительства национального государства, то есть такого государства, которое ограничивает само себя. И речь опять же идет не столько о политических границах, которые меняются, но всегда есть и будут, сколько о границах духа, границах культуры. Ведь любое национальное государство ограничено национальной культурой, нация целостна лишь тогда, когда она связана традициями, нарративами и ценностями, задаваемыми этой культурой. Без нее нация рассыпается или завоевывается изнутри представителями более пассионарных национальностей, которые вписавшись в нее формально, на деле привносят совершенно иную культуру, изменяя облик нации до неузнаваемости. Именно это и происходит сейчас во многих странах Европы, когда выходцы из исламского мира, не отказываясь и не думая отказываться от своих традиций и ценностей, не вливаются в русло европейской цивилизации, но являясь гражданами европейских стран, добиваются утверждения своей культуры и этических норм как естественных и неприкосновенных.

Особенность русской культуры – это выход за свои пределы и умение черпать из других культур то, что позволило бы ей продолжать себя. Выражаясь иначе, национальная культура России сверхнациональна, то есть национальная культура России содержит в себе неотчуждаемую ценность интернационализма (называемого разными именами, но суть которого всегда сводилась к наличию представления об общем благе разных народов в противовес благу одного за счет других), отречение от этой ценности привело бы к отречению и от национальной культуры, без которой строительство национального государства немислимо. То есть, как это не парадоксально

звучит, если мы хотим строить национальное государство, мы должны строить империю. Национальное государство для русских – это империя.

Но какая империя? Россия никогда не была колониальной империей в отличие от Великобритании, Франции, Испании, Голландии, Италии, Германии, успевшими побывать с разным успехом в статусе метрополий и во многом за счет ресурсов зависимых территорий построить свою экономику. Территории, присоединяемые на протяжении веков к России, не были ущемлены в правах в сравнении с первоначальными, население, проживающее на них, нельзя назвать эксплуатируемым. Присоединение к России Средней Азии привело к преодолению безграмотности, разительному повышению культурного уровня ее народов, разрешению этнических противоречий внутри региона и ускоренному экономическому росту среднеазиатских республик, продолжавшемуся весь XX век. Для кавказских народов присоединение к Российской империи означало спасение от притязаний со стороны Османской империи и Персии, нахождение под владычеством которых тогда было равносильно медленной гибели, утрате всякой самостоятельности и самобытности (в особенности для православных Грузии и Армении). Прибалтийские страны, антиимперские настроения в которых наиболее сильны, за последние два десятилетия потеряли значительную часть своего населения (люди непрекращающимся потоком переезжают на Запад, в основном в статусе рабочих низкой квалификации) и большую часть своих производительных мощностей. В то время как в Советском Союзе Прибалтика занимала лидирующую позицию и по темпу роста производительных сил и по качеству жизни.

Россия – империя не колониальная, а континентальная. Причем присоединяемые вновь территории всегда рассматривались не как чужие, которыми можно пользоваться, не особенно считаясь с нравами населяющих их народов, но как свои, как органические части одного тела. Россия – империя органическая, стремящаяся к созданию единого геополитического пространства, функционирующего на подобии одного организма.

Однако возникает вопрос, если Россия никогда не была колониальной империей, то есть не угнетала присоединенные народы, из-за чего сами народы чувствовали это угнетение и при кризисе советской власти добровольно вышли из состава СССР? Ответ на этот вопрос кроется не в национальной политике власти дореволюционной и советской (которая, конечно, не была абсолютно идеальна, но никогда и не была направлена на ущемление прав национальных меньшинств), а в природе самой русской власти. Русская власть была недемократична и подавляла многие зачатки демократизации, в независимости от того, в каком народе или народности эти демократические тенденции проявлялись. Прежде всего, был угнетаем русский народ, с его мнением считались меньше всего. Другие народы были угнетаемы также, но поскольку в советский период республики имели право на отделение, в их отношении допускались своего «поблажки» из-за опасения возникновения очагов сепаратизма. Но сущность угнетения не в господстве одного народа над другими, а в господстве властной прослойки (которая была пестра по своему этническому составу) над всеми остальными. То есть проблему угнетения в русской истории верно рассматривать под углом зрения оппозиции «государство-народ», а не оппозиции «метрополия-колония», в которой метрополия – пространство русского народа, а колонии – пространства других народов. И как показывает история последнего двадцатилетия, власть в бывших советских республиках после их отделения не стала более демократичной, а в некоторых случаях произошел откат к средневековью и на месте бывших республик образовались «ханства», прикрытые фасадом «современного государства».

Отказ от имперского типа государственного устройства не есть решение проблем русской власти. Это решение находится в другой плоскости. И демократическая культура не противоречит русской имперской культуре, наоборот, она необходима для ее развития. Также и развитие гражданского общества не приведет к окончательной гибели империи, а, скорее, к ее возрождению в ином виде. Русский гражданин – это гражданин империи,

сильного государства, собирающего под своим началом многих непохожих друг на друга. Возрождение русского имперского духа, способности русского человека выходить за границы привычного быта и бытия, вбирать и понимать «другое», учась у «иных», даст новый стимул для развития гражданских начал, а не уничтожит все демократическое, что было завоевано с трудом в ходе исторического процесса. Демократия «по-русски» – это демократия, при которой народы, населяющие нашу страну, могут, не теряя своих корней и своей самобытности, выражать свою волю ненасильственным методом и при которой существует консенсус в том, что касается основополагающих целей и ценностей (то есть когда существует не только «право», но и «правда»). И такой подход позволяет уйти от чрезмерного индивидуализма, больше характерного для западной (в особенности протестантской) культуры, и приводящей в итоге не к свободе, а отчуждению от других людей. Быть свободным не значит противопоставлять себя другому или выстраивать отношения с другим на принципах договора. В договоре всегда есть отчужденность, которая преодолевается лишь через умение прийти к согласию в духе, то есть в том, что стоит над умом, над рациональным.

Проблема империи в контексте российской истории – это не проблема прошлого, это проблема будущего. *Вопрос в том, какой быть России. Вопрос в том, как быть, чтобы быть Россией. Как быть, чтобы остаться собой. И вопрос в том, как быть, чтобы история продолжалась, чтобы продолжалось развитие.* Ответы на эти вопросы даст только время. Но время – это люди, времена таковы, каковы люди, живущие в данное время и творящие его. И каким будет будущее зависит от нас. И будет ли оно или может произойдет возврат в прошлое, инволюционный разворот? Многие сейчас говорят об упадке, но восхождение к высшему также необходимо для человека как эволюция для растительного и животного царств. Свобода и единство – часто противопоставляемые понятия, но российская действительность вынуждает учиться совмещать то и другое, учиться независимости и солидарности. Империя подразумевает единство, но есть единство от страха, а есть единство

от сердца, то есть выбранное человек свободно с опорой на внутреннее чувство и сознание, рожденное из глубины. Выбор с опорой на сердце – это выбор свободного человека, выбор гражданина.

Россия – многомирный Мир¹²³. Гражданин России – это гражданин Мира, то есть тот, кто умеет понять правду других миров, не только своего локального «мирка». И через приобщение к правде другого мира (мира другого человека, мира другой культуры, мира другой веры, мира другого уклада) он преоборевает свою ограниченность и, выходя за пределы, становится гражданином Мира. Выходя из себя, он возвращается к себе обновленным. Таков русский гражданин в своей потенции. А вот раскроется ли она или нет, зависит от того, найдет ли в себе русский человек уже почти утерянную способность к такому выходу, к жизни за пределом.

Задача на ближайшие десятилетия – собирание империи. Эта задача обусловлена как внешними вызовами, вызванными сущностью глобализационных процессов, так и внутренними, связанными с общеструктурным кризисом всего российского общества. Собираение империи есть собирание русского народа заново, его возвращение в историю. Когда произойдет оно, другие народы, жившие ранее с ним «под одной крышей», сами потянутся к России как центру силы. Другого пути нет, потому что в условиях продолжающейся глобализации либо Россия станет региональным центром, на которого в экономическом, социальном и культурных фокусах ориентируются близлежащие страны, либо она станет страной, вынужденной встраиваться в игру, правила которой определяет другой лидер (таким лидером может быть Китай или Европейский Союз), которому она будет интересна только в качестве сырьевого придатка. Последней сценарий ведет к цивилизационной катастрофе, полному краху не только имперского государства, но и всей русской цивилизации. Собираение империи не будет происходить за счет усилий власти, которая на данный момент даже не

¹²³ Мир миров как ее называл М. Я. Гефтер.

понимает масштаб вызовов, поставленных перед ней. Оно (собрание империи) окажется вероятным только при условии пробуждения гражданского духа. Но важно, что сама перспектива собирания народов в новый союз способна послужить мощным толчком для пробуждения сознания гражданина.

Свободен лишь тот, кто действует сознательно¹²⁴. Политическая свобода сопряжена с политической ответственностью и сознательностью в выборе той или иной альтернативы действий. Чувство исторической ответственности – то, что отличает настоящего политика от политикана. Нельзя заставить человека быть ответственным, но можно вынудить безответственного уйти с занимаемого поста. Народы, населяющие страны бывшего Союза, ушли не от России, не от русского народа, они бежали от власти, отвратившей от себя миллионы своей безответственностью и бесхребетностью (в плане готовности совершать назревшие преобразования). Они ушли от безысходности, из-за потери доверия к центру. Собрать империю вновь возможно лишь после радикальной трансформации русской власти, после прихода во власть людей совершенно иного качества.

¹²⁴ «Свобода есть осознанная необходимость», - говорили древние стоики.

Заключение

В ходе проведенного исследования было установлено, что российское государство формировалось под воздействием множества факторов, которое обуславливало логику его развития. Многие из этих факторов остаются обуславливающими дальнейшее его развития и по сей день. Среди них: географический фактор (наличие огромных просторов и разнообразие природных ландшафтов); полиэтничность населения; сложное геополитическое положение¹²⁵; плохая налаженность горизонтальных связей между регионами и, как следствие, неизбежный централизм; наличие широкого спектра культур, вынужденных уживаться рядом друг с другом и искать общие истоки и смыслы для формирования единого ценностного поля. Эти факторы нельзя отбросить, их нельзя не учитывать, они носят неотвратимый характер.

Под влиянием этих и некоторых других исторических факторов российское государство сформировалось как государство имперского типа. Вокруг понятия «империя» сложилось немало мифов¹²⁶, которые не позволяют произвести различие между сущностью имперскости как таковой (в ее отличии от сущности неимперских государственных образований) и особенностями конкретных исторических имперских государственных образований. Например, насилие в качестве инструмента расширения своего господства использовала (и продолжают использовать!) не только имперская власть, но и правительства европейских национальных государств, и властители

¹²⁵ С Запада подступает европейская цивилизация в ее постмодернистском варианте. На Юге распростерся беспокойный, бушующий архипелаг мусульманских стран, хаос из которых легко может перекинуться в приграничные российские регионы. На Востоке встает в полный рост древний, но ставший современным, Китай, экономическая мощь которого (при слабости нашей собственной экономики) является угрозой для нас в силу объективных закономерностей обращения капитала.

¹²⁶ В диссертации перечисляются и опровергаются пять основных: «империя — синоним насилия», «империя — враг демократии», «политика империи всегда сопряжена с войной», «империя — пережиток прошлого», «в империи нет граждан».

этногосударств¹²⁷, и вожди диких доисторических племен, и почти всякая власть, которая известна истории. Вопрос заключается в том, почему имперской власти удавалось распространить свое господство на столь обширные территории и сохранять его в течении продолжительного времени (иногда целых эпох), а другим государствам — не-империям — этого не удавалось. Поиск ответов на этот и схожие с ними вопросы (как империям удавалось сглаживать межэтнические противоречия, не позволять возобладать сепаратистским тенденциям, за счет каких духовных ресурсов поддерживалась согласованность между приверженцами разных вер и убеждений) приводят нас к следующему определению имперского принципа власти. *Имперский принцип власти — принцип организации на универсальных принципах больших пространств, населенных народами с различной культурой.* Универсализм — ключевой признак имперской власти. В этом признаке и стоит искать отличие империй от других типов государств.

Гражданская общество в России еще только формируется. В диссертационной работе показано, что истоки русской гражданской культуры имеют свою специфику. Во-первых, русскую гражданскую культуру нужно рассматривать в контексте всей русской культуры. Гражданская культура — ее неотъемлемая часть. Во-вторых, русская гражданская культура развивалась совместно с русской имперской культурой, они оказались тесно переплетены, не верно говорить об их несовместимости. В-третьих, гражданская активность российского населения была выражена наиболее ярко в те исторические периоды, которые требовали максимальной консолидации общественных сил, которые требовали от гражданина заботы обо всех, а не только и не столько о себе. Вследствие названных причин для русского гражданского сознания характерна ориентация на общее благо, достижение его понимается как выполнение гражданского долга. Менее развито понимание гражданственности

¹²⁷ Например, режим в современной Северной Корее можно назвать «диктаторским», «тоталитарным», «волюнтаристским» и т. п. Но из этого никак не следует, что к Северной Корее применим термин «империя». Северная Корея — относительно небольшое этническое государство.

как защиты частных интересов, своих личных или групповых прав.

Гражданская культура в России — не культура права, а культура *правды*¹²⁸.

Процесс становления российской цивилизации еще не завершен¹²⁹, и поэтому наличествующие потенции гражданской культуры еще не проявлены в полной мере. Идея построения национального государства в России по сути своей есть идея вхождения России в европейскую цивилизацию. Проект национального государства, как он декларируется, подразумевает торжество ценности права над всеми остальными. Право — ключевая ценность современной западно-европейской (не мировой!) цивилизации. Но русская гражданская культура — это культура правды. Русская национальная культура никогда не ставила право выше других ценностей. Поэтому, как это ни странно звучит, построение национального государства в России ведет к отрыву от национальных корней. Но без национальной культуры нет и не может быть нации. В противоречии между русской национальной культурой и национализмом¹³⁰ заключается одна из главных причин, из-за которой модернистский проект российского национального государства не состоятелен.

Автор диссертации отстаивает позицию, которая заключается в том, что русский народ не должен отрекаться от имперской идеи. Русская имперская идея — это идея *государства правды* (термин Н. Н. Алексеева). Однако имперская идея в XXI столетии будет сильно отличаться от имперской идеи в том виде, в котором она существовала раньше. Она может существовать только как идея гражданская, то есть вызревшая внутри общества и имеющая поддержку снизу. Она же — идея российской цивилизации, ее возрождения на иных началах. Россия — многомирный Мир. Быть гражданином России значит

¹²⁸ Из этого не следует, что она отрицает право. Правда включает в себя идею права. Но ценность права не является для русской культуры стержневой.

¹²⁹ Именно поэтому некоторые мыслители говорят о том, что российской цивилизации не существуют. Решение вопроса о ее существовании во многом относится к будущему. Но существование самобытной и великой русской культуры не отрицает никто. Цивилизация — это последнее слово культуры. Возможно, русская культура еще не сказала своего финального слова, но нельзя отрицать возможность того, что оно будет сказано.

¹³⁰ Русская культура подразумевает выход во вне, включения в себя других культур, это культура не предела, а выхода за всякие пределы, в том числе и выхода из ограниченности национальной.

быть гражданином Мира, значит уметь вмещать в себя правду других миров, принимать и понимать их, не теряя связующей нити Целого.

Литература

1. *Аверинцев С. С.* Другой Рим: Избранные статьи. — СПб.: Амфора, 2005. - 366 с.
2. *Аксютин Ю. М.* Понятие «имперская культура» в современной общественной и научной практике. Вестник Томского государственного университета. № 329, 2009. - С. 57-60.
3. *Аксаков И. С.* Возврат к народной жизни путем самосознания. «День». № 1. Режим доступа: http://az.lib.ru/a/aksakow_i_s/text_0330.shtml
4. *Аксаков И. С.* В чем сила России? «День». 1863. № 16. Режим доступа: http://az.lib.ru/a/aksakow_i_s/text_0310.shtml
5. *Аксаков И. С.* В чем сила народности? «День». 1863. № 12. Режим доступа: http://az.lib.ru/a/aksakow_i_s/text_0290.shtml
6. *Аксаков И. С.* В чем наше историческое назначение? «Русь», 1883. Режим доступа: http://az.lib.ru/a/aksakow_i_s/text_0370.shtml
7. *Алексеев Н. Н.* Русский народ и государство. — М, «Аграф», 2003. — 640 с.
8. *Алексеев Н. Н.* Основы философии права. — СПб.: Юридический ин-т, 1998. — 256 с.
9. *Алмонд Г., Верба С.* Гражданская культура и стабильность демократии// «Полис». 1992 — №42 — Режим доступа: http://www.civisbook.ru/files/File/1992-4-Almond_Verba.pdf
10. *Багдасарян В. Э.* О запрете государственной идеологии в Конституции РФ. Режим доступа: <http://rusrand.ru/analytics/o-zaprete-gosudarstvennoj-ideologii-v-konstitutsii-rf>.
11. *Багдасарян В. Э., Сулакшин С.С.* Национальная идея как ценностный интегратор страны // Высшие ценности российского государства. М.: Научный эксперт, 2012. - С. 624.
12. *Балибар Э., Валлерстайн И.* Раса, нация, класс. Двусмысленные идентичности. — М.: Логос-Альтера, 2003. - 272 с

13. *Баталов Э.Я.* Без идеала. Свободная мысль. № 3, М., Издательство «Пресса», 1996. — С. 73-93.
14. *Баталов Э. Я.* Политическая культура России сквозь призму civic culture // Pro et contra. 2002. Том 7, № 3. — С. 7-22.
15. *Баталов Э.Я.* Русская идея и американская мечта. М., Прогресс-традиция, 2009. - 384 с.
16. Бедность и неравенства в современной России. — М., ИС РАН, 2013 — 168 с. Режим доступа:
<http://www.poisknews.ru/php/files/core/contentfile/contentfile/02/84/a0/full.pdf>
17. *Бердяев Н. А.* Русская идея. — Спб., Азбука, Азбука-Атикус, 2012. — 320 с.
18. *Бердяев Н. А.* Судьба России. — М., АСТ, 2010. — 333 с.
19. *Бердяев Н. А.* Христианство и антисемитизм. ПУТЬ, Париж, 1938. Режим доступа: http://www.vehi.net/berdyaev/ant2.html#_ftn1
20. *Бердяев Н. А.* Истоки и смысл русского коммунизма. YMCA-PRESS, Париж, 1955. Режим доступа: <http://vehi.net/berdyaev/istoki/index.html>
21. *Бердяев Н. А.* Смысл творчества. — М.: АСТ, 2007. — 416 с.
22. *Бердяев Н. А.* Царство кесаря и царство духа. Библиотека «ВЕХИ». Режим доступа: <http://www.vehi.net/berdyaev/carstvo.html>
23. *Бессонова О.Э.* Раздаточная экономика России: эволюция через трансформации. — М., РОСПЭН, 2006. — 109 с.
24. *Биллингтон Дж.* Россия в поисках себя. — М.: РОССПЭН, 2005. — 224 с.
25. *Борко Ю.* Россия и Европа: состоится ли партнерство? Свободная мысль. № 3, Москва, Издательство «Пресса», 1996. 52-66.
27. *Васильев А. А.* Византийская империя. — М., Алгоритм, 2012. — 432 с.
28. *Васильев А. А.* Слава Византийской империи. — М., Алгоритм, 2013. — 416 с.
29. *Вернадский Г. В.* Опыт истории Евразии. Звенья русской культуры. — М.: Товарищество научных изданий, 2005. — 339 с.

30. Вехи. Сборник статей о русской интеллигенции. — Спб.: Азбука-Аттикус, Авалонъ, 2011. — 320 с.
31. *Волкова И. В.* Становление Российской империи: роль военных структур и военных действий. Имперский вопрос — национальный ответ (сборник научных статей). Издательский дом ГУ ВШЭ, 2008. - С. 147-165.
32. *Володин Э. Ф.* Имперская культура: державное достоинство. Режим доступа: <http://www.voskres.ru/idea/volodin1.htm>
33. *Вольнов В. В.* Феномен справедливости // Социум и власть. - 2007. - № 1, 2. — С. 20-27.
34. *Гавров С. Н.* Модернизация во имя империи. Социокультурные аспекты модернизационных процессов в России. — М.: Едиториал УРСС, 2004. — 352 с.
35. *Гавров С.Н.* Модернизация России: постимперский транзит: Монография / Предисловие Л.С. Перепелкина. – М.: МГУДТ, 2010. – 269 с.
36. *Гавров С. Н., Ивановский В. В.* Россия после кризиса: возрождение всероссийского имперского мира // www.rspp.su. — 2009. Режим доступа: http://www.rspp.su/articles/08.2009/gr_sila.html
37. *Гайдар Е. Т.* Гибель империи. Уроки для современной России. 2-е изд. — РОСПЭН, 2006. — 448 с.
38. *Галкин А. А.* Фашизм как болезнь общества. Лекция. — Режим доступа: <http://www.polit.ru/article/2006/05/08/galkin/>
39. *Геллнер Э.* Нации и национализм. Режим доступа: http://www.e-reading.me/bookreader.php/1019915/Gellner_-_Nacii_i_nacionalizm.html
40. *Гефтер М. Я.* Мир миров: российский зачин. 1994. — Режим доступа: <http://lizard.jinr.ru/~tina/world/history/inoe/geft.htm>
41. *Герцен А. И.* Избранные философские произведения: в 2 т. Ин-т философии. — Л., Госполитиздат, 1948.
42. *Глинчикова А. Г.* Россия и Европа: два пути модернизации (сравнительно-политологическое исследование). Диссертация доктора политических наук.

М., 2013. Режим доступа:

http://iph.ras.ru/uplfile/aspir/autoreferat/Glinchikova_diss.pdf

43. Горбачевские чтения. Вып. 5: Гражданское общество: настоящее и будущее. 1937—2007: Память и Ответственность / Под ред. О.М.

Здравомысловой. — М.: Горбачев-фонд, 2007. — 230 с.

44. *Грин Самюэль А.* Государство и общественный суверенитет. Pro et contra. № 1 (31). 2006. — с. 25-40.

45. *Гудков Л. Д., Дубин Б. В., Зоркая Н. А.* Постсоветский человек и гражданское общество. - М.: Московская школа политических исследований, 2008. — 96 с.

46. *Гусейнов А. А.* Философия как утопия для культуры. — Вопросы философии. 2009. №1. — С. 11-16.

47. *Гумилев Л. Н.* От Руси до России. М.: Айрис-пресс, 2003. — 318 с.

48. *Гуревич П.С.* Культурология. — М.: Издательство «Омега-Л», 2010. — 427 с.

49. *Давидсон А. Б.* Последствия распада империй. Имперский вопрос — национальный ответ (сборник научных статей). Издательский дом ГУ ВШЭ, 2008. - С. 276-308.

50. *Данилевский Н. Я.* Россия и Европа. / Составление и комментарии Ю. А. Белова / Отв. ред. О. Платонов. — М.: Институт русской цивилизации, 2008. — 816 с.

51. *Дейвид У. Ловел.* Доверие и политика в посткоммунистическом обществе // Pro et contra. 2002. Том 7, № 3. — С. 147-162.

52. *Достоевский Ф. М.* Полное собрание сочинений в 30 т. — Ленинград, Наука, 1972-1990.

53. *Дроздов Ю. И., Илларионов С. И.* Куда мы держим курс? — М., Издательство ООО «Артстиль-полиграфия», 2009. — 352 с.

54. *Дугин А. Г.* Империя — это всегда терпимость к меньшинствам. Интервью. Режим доступа: <http://kavpolit.com/imperiya-eto-vsegda-terpimost-k-menshinstvam/>

55. *Дугин А. Г.* Теория многополярного мира. М.: Евразийское движение, 2012. — 532 с.
56. *Жукова О. А.* Русская культура как основа национально-исторического бытия России // Русский мир как цивилизационное пространство. — М., ИФ РАН, 2011. — С. 50-93.
57. *Зиновьев А. А.* Идеология партии будущего. 2003. Режим доступа: <http://gtmarket.ru/laboratory/basis/5623>
58. *Зиновьев А. А.* На пути к сверхобществу. 2000. Режим доступа: <http://www.zinoviev.ru/rus/textsverch.pdf>
59. *Зиновьев А. А.* Как иголкой убить слона? Режим доступа: <http://www.zinoviev.ru/ru/articles/zinoviev-slon.html>
60. *Зиновьев А. А.* Катастрожка. 1989. Режим доступа: <http://www.zinoviev.ru/rus/katastroika.html>
61. *Зиновьев А. А.* Рогатый заяц. Режим доступа: <http://www.zinoviev.ru/rus/rogsa.html>
62. *Иванов А.В.* Евразийство: ключевые идеи, ценности, политические приоритеты: монография / А.В. Иванов, Ю.В. Попков, Е.А. Тюгашев, М.Ю. Шишин. Барнаул: Изд-во «Азбука», 2007. — 246 с.
63. *Иванов А. В.* О вечных устоях в последние времена (философско-публицистические этюды). — Барнаул: Изд-во АКОФ «Алтай — 21 век», 2010. — 182 с.
64. *Ильин И. А.* Наши задачи (сборник статей 1948-1954). Режим доступа: <http://apocalypse.orthodoxy.ru/problems/>
65. *Ильин И. А.* Россия в русской поэзии. Режим доступа: <http://www.rusinst.ru/articletext.asp?rzd=1&id=1300>
66. *Казин А. Л.* Последнее царство (Русская православная цивилизация). — СПб.: Изд-во Спасо-Преображенского Валаамского монастыря, 1998. — 141 с.
67. *Калабеков И. Г.* Российские реформы в фактах и цифрах (справочное издание). - М.: РУСАКИ, 2010. — 605 с.

68. *Кант И.* «Что такое просвещение?» Собр. соч. в 6 т. Т. 6. М., 1966. — С. 25-35.
69. *Кантор В. К.* Русский европеец как явление культуры (философско-исторический анализ). — М.: РОССПЭН, 2001. — 704 с.
70. *Кантор В. К.* О судьбе имперского либерализма в России (М. Н. Катков) // *Философские науки*, 2007. № 2. - сс. 66-91.
71. *Кантор В. К.* Санкт-Петербург: Российская империя против российского хаоса. К проблеме имперского сознания в России — М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2007. — 544 с. Кантор В. К. О судьбе имперского либерализма в России (М. Н. Катков) // *Философские науки*, 2007. № 2. - С. 66-91.
72. *Капустин Б. Г.* Критика политической философии: Избранные эссе. М.: Издательский дом «Территория будущего», 2010. — 424 с.
73. *Карамзин Н. М.* Записка о древней и новой России в ее политическом и гражданском отношении. М.: Наука, 1991. Примечания Ю.С.Пивоварова. Режим доступа: <http://www.hist.msu.ru/ER/Text/karamzin.htm>
74. *Карамзин Н. М.* История государства Российского. — М., Эксмо, 2010. — 1076 с.
75. *Кара-Мурза А. А.* Между «империей» и «смутой»: Избр. соц.-филос. публицистика. — М., ИФ РАН, 1996. — 173 с.
76. *Кара-Мурза А. А.* Как возможна Россия? — М., Библиотека русского либерализма, 1999. — 224 с.
77. *Кара-Мурза А. А., Поляков Л. В.* Реформатор: Русские о Петре. Опыт аналитической антологии. — Иваново: Фора, 1999. — 328 с.
78. *Кара-Мурза С. Г.* Манипуляция сознанием. — М., Эксмо, 2009. — 864 с.
79. *Кара-Мурза С. Г.* Советская цивилизация (от начала до наших дней) — М., Эксмо, 2008. — 1200 с.
80. *Кара-Мурза С. Г.* Народное хозяйство СССР. — М., Алгоритм, 2012. — 480 с.

81. *Каспэ С. И.* Империя и модернизация: Общая модель и российская специфика. — М., РОССПЭН, 2001. — 256 с.
82. *Киреевский И. В.* Духовные основы русской жизни. — М., Институт русской цивилизации, 2007. — 448 с.
83. *Ключевский В. О.* Курс русской истории. — М., Альфа-книга, 2011. — 1200 с.
84. *Ключевский В. О.* Письма. Дневники. Афоризмы и мысли об истории. — М., Наука, 1968. — 528 с.
85. *Красин Ю. А.* Национальные интересы: миф или реальность? Свободная мысль. № 3, Москва, Издательство «Пресса», 1996. С. 3-13.
86. *Крыштановская О. В.* Анатомия российской элиты. — М., Захаров, 2005. — 384 с.
87. *Кургинян С. Е.* Исав и Иаков. Судьба развития в России и мире: в 2-х томах. - М.: МОФ ЭТЦ, 2009. - Т. 1. 642 с., Т. 2. 572 с.
88. *Кургинян С. Е.* Империя - спасение от национализма? Росбалт, 2007.
Режим доступа:
<http://www.kurginyan.ru/publ.shtml?cmd=art&theme=10&auth=&id=1952>.
89. *Левада Ю. А.* От мнений к пониманию. Социологические очерки 1993-2000. — М., Московская школа политических исследований, 2000. — 506 с.
90. *Леонтьев К. Н.* Византизм и славянство. 1875. Режим доступа:
<http://knleontiev.narod.ru/texts/vizantizm.htm#a>
91. *Летняков Д. Э., Чижков С. Л.* Очерки истории русской политической мысли. — М., Летний сад, 2012. — 176 с.
92. *Ленин В. И.* Полное собрание соч., 5 издание. — М., Издательство политической литературы, 1965-70.
93. *Макаров Д. А.* Система права Византийской империи: историко-правовой аспект: диссертация кандидата юридических наук: 12.00.01. - Санкт-Петербург, 2007. — 222 с.
94. *Матвейчев О. А.* Гражданское общество и государство. Модели взаимоотношений. // Логос № 3 (48). 2005. — С. 124-134.

95. *Малахов В. С.* Национализм как политическая идеология. — М., КДУ, 2010. — 318 с.
96. *Махнач В. Л.* Империи в мировой истории. Русский Архипелаг. 1995. Режим доступа: <http://www.archipelag.ru/geopolitics/nasledie/cosmopolis/31/>
97. *Межуев Б. В.* Антиимперская мобилизация. Русский журнал, 2006. Режим доступа: <http://www.russ.ru/Mirovaya-povestka/Antiimperskaya-mobilizaciya-2006>.
98. *Межуев Б. В.* Империя или глобальная гегемония? // Космополис.— М., 2003. № 3(5). С. 25—29.
99. *Межуев В. М.* Идея культуры. Очерки по философии культуры. — М.: Прогресс-Традиция, 2006. — 408 с.
100. *Межуев В. М.* Идея национального государства в исторической перспективе. Режим доступа: <http://www.civisbook.ru/files/File/1992-5-6-2-Mezhuev.pdf>
101. *Межуев В. М.* «Русская идея» и цивилизационные особенности Русского мира // Русский мир как цивилизационное пространство. — М., ИФ РАН, 2011. — С. 9-50.
102. Мифы и заблуждения в изучении империи и национализма (сборник). Коллектив авторов. — М.: Новое издательство, 2010. Режим доступа: http://www.kniga.com/books/preview_txt.asp?sku=ebooks317408#ТОС_IDAFXUAB
103. *Михайловский Н. К.* Письма о правде и неправде. // Сочинения: В 6 т. Т.4. СПб., 1897. — С. 381-464.
104. Национальная идея на европейском пространстве в XX веке. — М., ИВИ РАН, 2005. — 250 с.
105. *Орлов И. Б.* Политическая культура России XX века. — М., Аспект Пресс, 2008. — 223 с.
106. *Осинов Ю.С.* Академия наук в истории Российского государства. М., «Наук», 1999. — 208 с.
107. *Осинов Ю. М.* Империя Россия. — М., МГУ, 2005. — 512 с.

108. От миропорядка империй к имперскому миропорядку (коллективная монография). Отв. ред. Ф. Г. Войтоловский, П. А. Гудев, Э. Г. Соловьев. М., Научно-образовательный форум по международным отношениям, 2005. — 204 с.
109. *Паин Э. А.* Между империей и нацией: Модернистский проект и его традициона-листская альтернатива в национальной политике России. — М., Фонд «Либеральная миссия», 2003. — 164 с.
109. *Пантин В.И., Семененко И.С.* Проблемы идентичности и российская модернизация. В сб. Будущее России. — М., 2000. — Режим доступа: <http://spkurdyumov.ru/future/problemu-identichnosti/>
110. *Пантин И. К.* А. И. Герцен: начало либерального социализма. Вопросы философии. 2006. № 3. Режим доступа: http://vphil.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=251
111. *Пантин И. К.* Проблемы и противоречия становления демократии в России. Демократия и суверенитет: многообразие исторического опыта. — М., Идея-Пресс, 2010. — С. 19-49.
112. *Пантин И. К.* Российский выбор: сделан, отсрочен, отменен? // Политико-философский ежегодник. Вып. 3. — М., ИФРАН, 2010. — С. 119-145.
114. *Пантин И. К.* Российская история - Русская революция. Политико-философский ежегодник. Выпуск шестой. — М., ИФ РАН, 2013. — С. 85-118.
115. *Пантин И. К.* Социалистическая мысль в России: переход от утопии к науке. — М., Политиздат, 1973. — 358 с.
116. *Пантин И. К.* Судьбы демократии в России. — М., ИФ РАН, 2004. — 196 с.
117. Политическая наука: научный журнал. — М.: ИНИОН РАН, 2013. — №3. Между империей и современным государством. Трансформация политического порядка на постимперских пространствах. — 360 с.

118. Под стягом России. Сборник архивных документов. Сост., примеч. А. А. Сазонова, Г. Н. Герасимовой, О. А. Глушковой, С. Н. Кистерева. — М.: Русская книга, 1992. — 432 с.
119. *Плимак Е. Г., Пантин И. К.* Драма российских реформ и революций (сравнительно-политический анализ). — М.: Издательство «Весь Мир», 2000. — 360 с.
120. *Пушкин А. С.* Собрание сочинений в 10 томах. — М.: ГИХЛ, 1959—1962.
121. *Рачков П. А.* «Правда - справедливость» // Вестник Московского университета. Серия 7. Философия. №1. 1996. — С. 14-33.
122. Российская империя в сравнительной перспективе (сборник статей). Под ред. Миллера А. И. — М., Новое издательство, 2004. — 381 с.
123. Российское государство: вчера, сегодня, завтра. Под общ. ред. И. М. Клямкина. — М., Новое издательство, 2007. — 624 с.
124. Российское государство: опыт философского прочтения / Коллектив авторов (ИФ РАН). — М., Прогресс-Традиция, 2012. — 512 с.
125. Россия и ее «колонии». Как Грузия, Украина, Молдавия, Прибалтика и Средняя Азия вошли в состав России. - М., Издательство ДАРЬ, 2007. — 576 с.
126. *Ренан Э.* Что такое нация? 1882. Режим доступа: http://www.hrono.ru/statii/2006/renan_naci.php
127. Русский мир как цивилизационное пространство. — М., ИФ РАН, 2011. — 301 с.
128. *Самарин Ю. Ф.* Православие и народность. // Сборник статей. — М., Институт русской цивилизации, 2008. — 720 с.
129. *Соловьев В. С.* Мир Востока и Запада // *Соловьев В. С.* Соч. В 2 т. Т.2. — М., Правда, 1989. — С. 602-605.
130. *Соловьев В. С.* Национальный вопрос в России. 1888. Режим доступа: <http://www.magister.msk.ru/library/philos/solovyov/solovv31.htm>
131. *Соловьев В. С.* Россия и Вселенская церковь. 1889. Режим доступа: <http://vehi.net/soloviev/vselcerk/00.html>

132. *Соловьев В. С.* Русская идея. 1888. Режим доступа:
<http://www.vehi.net/soloviev/russianidea.html>
133. *Соловьев В. С.* Три разговора о войне, прогрессе и конце всемирной истории со включением краткой повести об Антихристе и с приложениями. — М., АСТ, 2007. — 347 с.
134. *Соловьев В. С.* Чтения о богочеловечестве. 1878. Режим доступа:
<http://vehi.net/soloviev/chteniya/index.html>
135. *Соловьев С. М.* История России с древнейших времен. Режим доступа:
http://az.lib.ru/s/solowxew_sergej_mihajlowich/
136. *Сомин Н. В.* Экономические категории в Священном Писании и церковном учении. Лекции. URL: http://www.chri-soc.narod.ru/posobie_main.html
137. *Суни Р. Г.* Империя как она есть: имперский период в истории России, «национальная идентичность» и теории империи // Национализм в мировой истории / под ред. В.А. Тишкова, В.А. Шнирельмана. М., Наука, 2007. — С. 36-82.
138. *Тишков В. А.* О нации и национализме. Свободная мысль. № 3, Москва, Издательство «Пресса», 1996. С. 30-39.
139. *Толстенко А.К.* «Национальная империя» Петра Струве и Михаила Меньшикова. — Вопросы национализма. №9, 2012. — С. 130-139.
140. *Федотов Г. П.* Судьба и грехи России (в 2-х т.). — СПб., София, 1991-1992. — 352 с.
141. *Федотова Н. Н.* Изучение идентичности и контексты ее формирования. — М., Культурная революция, Республика, 2012. — 200 с.
142. *Флоровский Г. В.* Из прошлого русской мысли. — М., Аграф, 1998. — 431 с.
143. *Фромм Э.* Иметь или быть? — М., «АСТ», 2000. — 448 с.
144. *Фурсов А. И.* Будущее российской цивилизации: Нация? Цивилизация? Иное? Российская Федерация сегодня. 2011. № 6. URL:
<http://www.pu.virmk.ru/aktual/MNENIE/authors/fursov.htm>

145. Хантингтон С. «Столкновение цивилизаций?». Полис. 1994. № 1. — С. 33-48.
146. Хомяков А. С. Полное собрание сочинений в 8 т. — М., Книга по требованию, 2012.
147. Хардт М., Негри А. Империя / Пер. с англ., под ред. Г. В. Каменской, М. С. Фетисова. — М., Праксис, 2004. — 440 с.
148. Чаадаев П. Я. Апология сумасшедшего. Режим доступа: <http://www.vehi.net/chaadaev/apologiya.html>
149. Чаадаев П. Я. Философические письма. Режим доступа: <http://www.vehi.net/chaadaev/filpisma.html>
150. Шевченко В. Н. Модернизация или национальный путь развития России? Социология власти. 2010. № 6. Режим доступа: http://www.intelros.ru/intelros/reiting/reiting_09/material_sofi/13270-modernizaciya-ili-nacionalnyy-put-razvitiya-rossii.html
151. Эткнд А. Внутренняя колонизация. Имперский опыт России. — М.: Новое литературное обозрение, 2013. — 448 с.

152. English, Robert D. Russia and the Idea of the West. Gorbachev, intellectuals and the end of the cold war. — New York: Columbia Univ. press. 2000. — 400 p.
153. Ferguson N. Empire: The Rise and Demise of the British World Order and the Lessons for Global Power. Basic Books, 2004. — p. 351.
154. Giddens A. The consequences of Modernity. Cambridge Polity Press, 1990. — 188 p.
155. Hellberg-Hirn, Elena. Imperial imprints. Post-Soviet St. Petersburg. — SKS. Finnish Literature Society, 2003. — 445 p.
156. Lieven, Dominic. Empire. The Russian Empire and Its Rivals. Yale Nota Bene. — New Haven a. London: Yale Univ. Press, 2002. — 486 p.
157. Lohr, Eric. Nationalizing the Russian Empire: the campaign against enemy aliens during World War I. — Cambridge/Mass. a. London: Harvard Univ. Press, 2003, XI. — 237 p

158. *Raeff, Marc*. Patterns of Russian Imperial Policy. Towards the Nationalism, in: Edward Allwarth (Hg.): Soviet Nationality Problems. New York; London, 1971. — P. 22-42.